

«ЖУРНАЛ» ЛЕХАИМ»

**АПРЕЛЬ
2011**

**НИСАН
5771**

N 4(228)

ЛЕХАИМ 4/228

Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года

Главный редактор

Борух Горин

Административный директор

Яков Ратнер

Ответственный секретарь

Елена Калло

Художественный редактор

Евгения Черненькова

Выпускающие редакторы

Лариса Беспалова

Ишайя Гиссер

Галина Зеленина

Александр Иличевский

Афанасий Мамедов

Ирена Подольская

Йеуда Рабейко

Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора

Дмитрий Кобринский

Корректор

Виктория Рябцева

Авторы макета

Андрей Бондаренко

Дмитрий Черногаев

Художники

Павел Шевелев (с. 38–39)

Александр Горнов (с. 66, 69, 70)

Дмитрий Швионков-Кисмелов (приложение)

Фотографы

Вадим Бродский (с. 1, 51, 55),

Bill Aron (с. 4, 7), из архива

Олега Дормана (с. 29, 31);

из архива Александра Иличевского (с. 42), из архива Ефрема Ратнера (с. 52, 53), James

Nachtwey (с. 62), из архива

Михаила Генделева (с. 63),

из архива Аркана Карива (с. 64); נמרוד יונדור (с. 84);

Яков Окунь (с. 87); из архива

Ирины Беркович (с. 101, 103)

Фото предоставлены агентствами

Giora's photostream (с. 47)

Галерея «Минотавр» (с. 94, 97, 98)

East-News (с. 96, 110)

Fotolink (с. 111)

На обложке

Е. Ратнер (третий слева) и Ю. Гагарин на послеполетном обследовании в ЦНИАГе.
Апрель 1961 года.

Фото из архива Ефрема Ратнера

Подписано в печать 17.03.11.

Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л. Цена договорная

ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован

в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва,

2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел. (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ру>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Пьяный дизайнер наговорил гадостей о евреях. Трезвый понтифик пришел к выводу о невинности евреев в «богоубийстве».

Дизайнер Джон Гальяно, пожалуй, самый отвязный из всех фриков в Европе, сообщил, едва ворочая языком, заинтересованным посетителям парижского бара, что «любит Гитлера». Я полагаю, это был мазохистский эвфемизм, учитывая кричащую гомосексуальность и еврейские корни истеричного кутюрье. «Диор» сначала отстранил, а потом и уволил простофилю. Глупый, ему бы прокричать что-нибудь о новом Освенциме в Газе да об израильских нацистах — сорвал бы овалы...

Папа Бенедикт XVI в своей новой книге «Иисус из Назарета. Часть 2» приходит к выводу, что еврейский народ как общность и евреи как частные лица не несут никакой ответственности за казнь Иисуса. То есть главный аргумент погромщиков и инквизиторов ретроспективно объявлен ничтожным. Сожженные на кострах и в печах, оказывается, были невинны. Какой сюрприз!

Еврейские организации, конечно, осудили придурковатого Гальяно и восхвалили мудрого папу. И поделом. Вот только смутные сомнения терзают меня. Сдается мне, что все чаще и все заметнее пар уходит в свисток.

Конечно, прессе необыкновенно интересно погреться у костра скандалов вокруг медийных персон. «Случай Гальяно» не пропустило ни одно мало-мальски серьезное издание. Но так ли уж важно авторитетное мнение ряженого шута?

Папа «отменил» коллективную вину евреев. Да ведь мы и так живем в эпоху, когда обвинение в «богоубийстве» перестало быть приговором. То есть мнение папы не имеет никакого влияния на реальную жизнь.

Не папа и, тем паче, не титулованный портной дирижируют интеллектуальными процессами в Европе. Политики, академическое сообщество и влиятельные публицисты — вот за кем нынче сила.

Разнузданная, откровенно ангажированная антиизраильская кампания в медиа, политическая протитуированность во всем, что касается Израиля, возмутительные «академические бойкоты» израильских ученых в европейских университетах — вот реальность. Что об этом думает понтифик, как в этом контексте он относится к идее коллективной вины израильтян? Что собираются предпринять евреи — владельцы европейских и американских телеконцернов, — они же, по совпадению, боссы крупнейших еврейских «конгрессов и советов», дабы обуздать преступную антиизраильскую вакханалию на принадлежащих им каналах? Какой ответ готовы дать могущественные еврейские организации инициаторам академического бойкота? Одними заявлениями и пресс-релизами тут не обойтись, и поэтому, боюсь, нам придется ждать долго.

Борух Горин

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ עֹשֶׂה אֱמֻנָה

בְּיַם הַיָּם לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ עֹשֶׂה אֱמֻנָה, 5733

<...> Я хотел бы поделиться с Вами мыслью, которая волнует меня вот уже несколько недель — о недостаточном внимании, которое мы уделяем еврейскому образованию детей, не достигших возраста бар/бат мицвы, включая самых маленьких. Даже в тех кругах, где на образование мальчиков и девочек постарше обращают серьезное внимание, существует повсеместная тенденция более легкомысленного отношения к еврейскому воспитанию самых маленьких.

Это удивительно, поскольку Тора крайне серьезно относится к воспитанию малышей. Достаточно вспомнить постановление мудрецов[1], что, как только ребенок научится говорить, отец должен начать учить его Торе, и в первую очередь научить словам: «Тору дал нам Моше, наследие общины Яакова»[2].

На первый взгляд двухлетнего малыша, который только-только начал говорить, и Тору, которую наш учитель Моше получил на Синае в возрасте восьмидесяти лет, находясь на вершине своего величия, разделяет огромная дистанция. Однако именно этого и добивались мудрецы: установить непосредственную связь между этим малышом и Торой, которую Моше получил на Синае. Поэтому рабби Шнеур-Залман из Ляд, основатель движения Хабад, начинает свой труд о законах изучения Торы с этого постановления мудрецов.

В связи с этим я написал два обращения к детям, не достигшим возраста бар/бат мицвы, которые, я надеюсь, покажутся вам важными и интересными...

Я не сомневаюсь, что Вы заподозрите меня в завуалированной просьбе о денежной помощи. <...> Я открыто говорю о том, что меня интересует, — еврейские дети! Как сказано: «Отдай мне людей»[3].

«людей» — в данном случае детей, и, разумеется, не мне, а Торе, в соответствии с заповедью, о которой евреи вспоминают дважды в день: «И внушай их твоим детям»^[4] (ученики называются «детьми»^[5]) <...>

יְהוָה יֵשׁוּעַ בְּרִיךְ אֱלֹהֵינוּ אִתְּךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אִתְּךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אִתְּךָ

<...> Я получил Ваше письмо, в котором Вы излагаете свой взгляд на иудаизм, описываете свои проблемы и внутренние конфликты.

Из Вашего письма я не совсем понял, в чем конкретно Вы хотели бы спросить моего совета. Однако раз мудрецы говорят, что каждый еврей обязан заботиться о других евреях, даже совершенно ему незнакомых, то это тем более справедливо в Вашем случае, после того, как Вы написали мне и в письме открыли свою душу. Поэтому я полагаю, что мой долг и даже привилегия — ответить Вам соответствующе. Вы сможете принять мой совет или, если Вам будет угодно, рассматривать его как «размышление вслух».

Прежде всего, необходимо разобраться, как различные современные религиозные течения^[6] соотносятся с аутентичным иудаизмом. Внимательный анализ их подходов не оставляет никаких сомнений, что в их основе лежит компромисс, готовность поступиться принципами ради удобства или лучшей «адаптации» к сиюминутным обстоятельствам места и времени.

Следствием этого является, во-первых, то, что, встав на путь компромисса, отказавшись от незыблемой веры в Б-жественный закон, никогда не знаешь, как далеко зайдешь. Природа человека такова, что, как только он соглашается на компромисс в вопросах веры, начинается непрерывное скольжение вниз, причем каждый следующий этап дается все легче и легче. Во-вторых, при этом теряется уважение к собственной вере, с которой, как кажется, всегда «можно договориться». Немного «подрезать» с одной стороны, немного — с другой, — какую ценность будет иметь то, что осталось в итоге, какую обязательную силу оно будет иметь? Наконец, в-третьих, человек теряет уважение к самому себе, поскольку осознает, что ему не хватило сил и мужества жить в соответствии с собственными убеждениями или верой своего народа и он предпочел путь наименьшего сопротивления.

Молодым людям, полным энергии, решимости и чистой веры, чуждо стремление к компромиссу в чем бы то ни было, и уж тем более — когда речь идет о высших, жизненных ценностях. Это объясняет то, почему подавляющее число конформистов в общественной и повседневной жизни — люди в возрасте. Напротив, молодые люди относятся к своим убеждениям гораздо серьезнее и готовы многое вытерпеть ради них.

Готова ли нынешняя молодежь справиться с реальными жизненными проблемами?

В Америке, к сожалению, большинство родителей, какими бы наилучшими намерениями они ни руководствовались, чаще заботятся о материальном, нежели духовном благополучии своих детей. Причины этого легко объяснимы. Вынужденные преодолевать многочисленные экономические трудности, обнаружив, что их религиозные убеждения не выдержали испытания на прочность в материалистическом обществе, эти эмигранты и дети эмигрантов пришли к выводу, что их главная задача — оградить детей от материальных проблем, от которых так жестоко пострадали они сами. Поэтому они в первую очередь заботились о карьере, профессиональном образовании и других вещах, гарантирующих экономическую стабильность, предоставив детям самим разбираться с вопросами религии и мировоззрения. Как следствие, какими бы благими ни были намерения родителей, результат один и тот же: они способствуют возникновению такого образа жизни, при котором принципы приносят в жертву целесообразности, а многовековые традиции меняют на реальные или воображаемые материальные блага.

Нет ничего удивительного в том, что нынешние юноши и девушки оказались совершенно не готовы к потрясениям, обрушившимся на весь мир в целом и на еврейский мир в особенности. Беспрецедентные по своим масштабам мировые войны, за которыми следовали экономические подъемы и кризисы, разрушили многие надежды и ожидания даже в материальной сфере. Что же касается мира духа, то банкротство ведущих идеологий привело многих молодых людей к духовному и нравственному разочарованию. В их душах и сердцах образовался вакуум, который они не знают, чем заполнить. Всеобщее разочарование и отчаяние, охватившие нынешнюю молодежь, и вызванные этим многочисленные моральные и социальные проблемы — все это общеизвестно и слишком болезненно, чтобы останавливаться на этом подробно.

К счастью, в последние годы среди еврейской молодежи, прежде всего образованной, наблюдается новая тенденция — все больше юношей и девушек пытается приблизиться к миру идей и духа. Это неудивительно: будучи детьми «народа Книги», народа святого и духовного в первооснове своей, они обладают врожденным стремлением к этому, по крайней мере, на подсознательном уровне. Разочарование и отчаяние побудили их к поиску новых жизненных путей, которые позволили бы обрести твердую почву под ногами, внутренний покой, сделали жизнь насыщенной.

Некоторым из них посчастливилось встретиться, случайно или намеренно (впрочем, и то и другое — в руках Неба), с нужным человеком, который помог найти истинный путь. Другие, к несчастью, еще блуждают в потемках. Долг и веление времени — помочь этим юношам и девушкам найти путь домой, к «источнику живой воды»[7], чтобы они могли утолить свою жажду. Разумеется, это право и долг каждого еврея, поскольку заповедь «люби ближнего, как самого себя»[8] касается любого из нас.

Не нужно объяснять, что резкая смена образа жизни сопряжена с трудностями и испытаниями. Поэтому чем скорее закончится переходный период, тем лучше. Он требует настойчивости и стойкости, и если человек находит в себе необходимые для этого силы (а они, потенциально, есть в каждом из нас, нужно их лишь реализовать), то трудности оказываются меньшими, чем это казалось сначала. Порой необходим решительный и болезненный разрыв с прошлым, но постепенно, со временем, путь становится легче. Разумеется, родовые муки переходного периода нужно постараться сократить. И в тот момент, когда человек заново рождается для Торы и заповедей, он обнаруживает, что наконец-то обрел ключ к внутренней гармонии, душевному покою, самореализации и счастью.

Nei baò Otàa á i trefaré neiaaá, em'itáa ea aeaóto: naí u' faótáa áeoa áei u, ái áai y' eiótoó epáe i'pò e oái oópò m' nae'eaí e Otáa á deaá. Eíáó 1970-ó - íà-áeí 1980-ó ááá

Сказанное выше поможет Вам понять мое мнение относительно главной темы Вашего письма. Вы пишете о реакции родителей на Ваше решение следовать путем, который Вам представляется верным, о возникшем конфликте. Однако даже если встать на родительскую точку зрения, их главное желание, несомненно, видеть своего ребенка счастливым. И как бы они ни представляли себе Ваше счастье, они не могут не понимать, что оно невозможно без внутренней гармонии и душевного покоя.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения родителей, то, при условии что Вы подчинитесь их давлению и согласитесь на компромисс, это позволит на какое-то время избежать конфликтов. Однако следует искать не краткосрочное, а долгосрочное решение. Как я понял из Вашего письма, подобный образ жизни не позволит Вам быть в мире с самим собой. Рано или поздно Ваши родители заметят, что лишь отдаляются от собственной цели — видеть счастливым своего сына.

В рамках одного письма невозможно обсудить все проблемы подробно. Однако мне кажется, что я изложил основные резоны, которые Вы сможете обдумать самостоятельно.

Прежде чем закончить это письмо, я хочу упомянуть о человеке, с которым Вы знакомы и чья жизнь может послужить Вам примером. Как Вы, скорее всего, знаете, он родился и вырос при коммунистическом режиме^[9]. Казалось, нет никакой возможности, никакой надежды бежать оттуда. И в такой ситуации, как представлялось многим, был возможен один-единственный путь — приспособиться к окружающей действительности. Тем более что религиозное меньшинство, к которому принадлежала его семья, было не просто меньшинством, но подвергалось жестоким гонениям со стороны тиранического режима, который невозможно было сменить при помощи демократических процедур. Тем не менее он, его братья, вся его семья оставались тверды и не шли ни на какие уступки и компромиссы. Сегодня все они живут в свободной стране, следуют Торе и заповедям точно так же, как и их родители при коммунистах, и могут гордиться своим прошлым.

Более того, они осознают, что свобода, которой они теперь пользуются, накладывает на них дополнительные обязательства по отношению к другим евреям. Они считают, что, после того как огромная часть нашего народа была уничтожена в ходе второй мировой войны, обязанности каждого выжившего еврея возросли многократно.

Сказанное в этом письме описывает Вашу проблему и ее возможное решение лишь в самом общем виде. Что же до конкретных шагов — каким образом воплотить это решение в жизнь, — это зависит от конкретных людей, обстоятельств и дополнительных факторов. Главное — помнить, что путь Торы — сочетание мягкости и тепла с необходимой твердостью. Этот путь наиболее эффективен. <...>

יְאֹמְרָא הָאֵלֹהִים לְרֵעֵהוּ, עֲשֵׂהוּ עִבְדְּךָ וְאֶתֵּן לְךָ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל, עֲשֵׂהוּ אֶתֵּן לְךָ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל, יְעֵה יְעֵה לְךָ

[1]. Вавилонский Талмуд, Сукка, 42а.

[2]. Дварим, 33:4.

[3]. Берешит, 14:21. Полностью этот стих звучит так: «Отдай мне людей, а имение возьми себе». Цитируя этот стих, Ребе лишний раз подчеркивает, что его интересуют не деньги.

[4]. Дварим, 6:7.

[5]. Раши. Там же.

[6]. Вероятно, Ребе имел в виду не только реформистов и консерваторов, но и наиболее модернистскую часть «современных ортодоксов» (Modern orthodox).

[7]. Ирмеяу, 17:13.

[8]. Ваикра, 19:18.

[9]. Скорее всего, в СССР.

ОТЕЦ НЕВЕСТЫ

Берл Лазар

Обычно я пишу на этой странице на темы, так сказать, общественной значимости: возникает некий информационный повод в жизни общины, страны или мира, и я хочу поделиться своим мнением, рассказать о хасидском подходе к обсуждаемой проблеме, предложить читателям тему для размышления...

На сей раз информационный повод — мой личный. Я пишу этот текст сразу после обручения моей старшей дочери Блюмы. Думаю, читатели меня поймут: для родителей это очень важный и трогательный момент. Вдруг обнаруживается, что ребенок, которого ты воспитывал, который столько лет ежедневно был рядом с тобой, это уже не ребенок, а взрослая девушка, готовящаяся покинуть родительский дом, начать новую жизнь, где для нее главным человеком уже будет муж, а не папа с мамой! Думаю, многие из моих читателей испытали такое в жизни и понимают, что происходит сейчас в родительском сердце.

Но ведь уход твоего ребенка в новую, собственную семью — это не только эмоциональное напряжение для отца, но и важный момент подведения итогов. Ты воспитывал ребенка, старался сообщить ему жизненные ценности, и сейчас эта взрослая самостоятельная девушка начнет создавать новый дом. Будет ли это тот дом, о котором ты мечтал для своей дочери? Сколько переживаний!.. И какой же это «нахес», если видишь, что твой ребенок сделал правильный выбор, усвоил все то положительное, что ты на протяжении многих лет старался ему дать, ради его же счастья, ради счастья его семьи, его будущих детей...

Впрочем, это будет немного позже, после свадьбы. Сейчас мы на предыдущей стадии — обручения. Так что поговорим не о родительских переживаниях, а о законах и обычаях этого этапа в создании новой еврейской семьи.

В нашей традиции жених не должен дарить невесте кольцо. Обручальное кольцо — это только на свадьбу: не невесте, а уже жене. Талмуд учит, что кольцо, надетое на палец девушки, символизирует ее выход из дома родителей. Так что никаких колец. И никаких других подарков невесте, которые могут рассматриваться как свадебные.

Зато именно при обручении родители невесты должны сделать подарок жениху. Обычно принято дарить часы. Это не закон, не религиозное установление — просто в еврейской семье так заведено. Есть даже анекдот, шутливо объясняющий этот обычай: молодой человек в поезде спрашивает сидящего напротив солидного господина, который час. А тот сперва делает вид, будто не слышит, а потом грубо отвечает, что не желает разговаривать. За что такая немилость, удивляется парень. На что господин отвечает: «Вот я тебе отвечу, завяжется беседа, найдутся общие знакомые, потом мне придется из вежливости пригласить тебя на чашку чая, ты увидишь мою дочь, вы друг в друга влюбитесь, захотите пожениться — а я не хочу отдавать единственную дочь замуж за человека, у которого даже часов нет!»

Разумеется, это шутка (хотя в каждой шутке есть доля истины). На самом деле считается, что часы в подарок — это поучение жениху, как надо распределять свое время. Ведь прежде он отвечал только за себя, а теперь должен думать о жене, о том, как построить и обеспечить дом, как поднять и воспитать детей... Часы всегда идут вперед, потерянное время не вернуть, поэтому такой подарок — прежде всего призыв к ответственности.

Мы тоже не отступили от традиции и преподнесли будущему зятю часы. Но в хасидской семье этим не ограничиваются. Есть еще один обязательный подарок на обручение — это книги. Чтобы дом, который будет домом для новой семьи, был основан на главной ценности нашего народа — народа Книги. Чтобы муж и жена делили и сохраняли знание, передающееся книгами из поколения в поколение, с самого момента дарования первой книги — нашей святой Торы. Чтобы дети, которые родятся и будут расти в этой семье, с самого начала видели: главная ценность в доме — не деньги, не драгоценности, не электроника и бытовая техника, а библиотека, откуда в любой момент можно почерпнуть нашу тысячелетнюю мудрость...

Хасидская традиция рассматривает книги как лучший подарок, особенно жениху от родителей невесты. Ведь это залог того, что он даст своим детям — нашим внукам — настоящее еврейское воспитание.

И какая же великая радость будет бабушке и дедушке видеть, что их внуки любят и ценят то, что больше всего любят и ценят они сами!..

Я очень рад, что моя Блюма остановила свой выбор не просто на добром, хорошем и порядочном молодом человеке, но на человеке ученом, который с огромным почтением относится к книжной мудрости. Хочу пожелать всем моим читателям, чтобы и их дети правильно сделали главный выбор в своей жизни и принесли много «нахес» своим родителям.

ОДИННАДЦАТОЕ НИСАНА:

«Б-ГА ПОЧЕТ – СОКРЫТИЕ ДЕЛА»

Бааль Шем-Тов

Отец рабби Шнеура-Залмана, основоположника хасидского движения Хабад, автора Таньи и Шульхан аруха, реб Борух, был хасидом Бааль-Шем-Това, которому открыли с небес, что на землю будет послана «новая душа» — то есть такая, которая еще никогда не была в этом мире, что является исключением в последних поколениях перед приходом Машиаха, в которых подавляющее большинство душ — реинкарнации уже когда-то здесь побывавших[1]. Он приложил много усилий, чтобы дознаться, где же родится ребенок, обладающий «новой душой». И какова же была его радость, когда ему стало известно: это будет сын его хасида Боруха.

Когда ребенок родился, Бааль-Шем-Тов предостерег отца и мать новорожденного, чтобы они не показывали малыша никому из посторонних и не рассказывали о его поведении и достоинствах. Почему? Только ли чтобы предохранить от «сглаза»?

Да и сам Бааль-Шем-Тов целых десять лет учился у своего «известного учителя» в глубочайшей тайне, а когда тот стал побуждать его открыться людям, медлил до тех пор, пока ему не передали строжайшее предупреждение, что, если он не откроется, — погубит весь мир[2].

И будущий третий глава Хабада, рабби Менахем-Мендл, известный как Цемах Цедек, не хотел принять на себя руководство хасидами после кончины своего тестя, рабби Дова-Бера (сына основателя Хабада), до тех пор, пока его двоюродный дед, Хаим-Авроом (брат Алтер Ребе), не принудил его к этому, напомнив о виденном им когда-то вещем сне и о намеке, который дал ему в связи с этим рабби Шнеур-Залман.

Только ли в скромности дело?

Очень многозначительный и глубокий ответ на этот вопрос дал реб Шмуэль-Бер Борисовер, один из выдающихся представителей Хабада, тем хасидам, которые после кончины рабби Цемаха Цедека обратились к нему с вопросом, кого теперь избрать своим Ребе. «Все сыновья Ребе, — ответил Шмуэль-Бер, — великие праведники и ученые, выбирайте любого». «А Вы сами к кому теперь будете ездить?» — спросили его. «Я буду ездить в Любавичи, к ребе Шмуэлю», — ответил Шмуэль-Бер. «А почему?» И вот что он рассказал.

Как-то Ребе Цемах Цедек произнес настолько сложный маамар, урок по учению хасидизма, что некоторые положения в нем остались для рабби Шмуэля-Бера не вполне ясными, и он обратился к Ребе с просьбой дать дополнительные разъяснения. «Иди к моему младшему, — ответил Цемах Цедек, — он тебе все объяснит». Хотя уже была ночь, Шмуэль-Бер немедленно пошел к флигелю, в котором жил младший сын Цемаха Цедека, Шмуэль. Однако он пошел не к двери, а неслышно подошел к окну и заглянул в него. И увидел: тот сидит за столом и вдохновенно учит каббалистическую книгу «Эц хаим»... Тогда реб Шмуэль-Бер так же неслышно отошел от окна и постучал в дверь. «Минутку!» — послышалось изнутри, и почти сразу же: «Заходите!» А войдя, увидел такую картину: младший сын Цемаха Цедека небрежно развалился на диване, покуривает папироску и читает русскую газету.

Когда же Шмуэль-Бер попросил его объяснить последний маамар Ребе, тот очень удивился такой просьбе и стал отказываться, ссылаясь на слабое знание учения хасидизма. Лишь когда рабби Шмуэль-Бер намекнул на увиденное в окно и «пригрозил», что расскажет об этом кое-кому из хасидов, рабби Шмуэль сбросил маску и дал исчерпывающие ответы на все вопросы. «Вот почему я буду ездить в Любавичи», — закончил рабби Шмуэль-Бер Борисовер, и хасиды поняли, что он имеет в виду.

Такой образ поведения — не из-за боязни «дурного глаза», не только из скромности (хотя и она, безусловно, имеет значение) и уж конечно не для того, чтобы предохранить себя от излишнего любопытства

окружающих и проистекающих отсюда помех. Нет, это особый вид служения Всевышнему, причем столь возвышенный, что доступен лишь весьма редким личностям.

*Ī à yòfé ófòfāāòèè
Ī àí àòàì ó-Ī àí àèó Óí àāññí ó òòè āāā*

1905 āā

Аналогичным образом вел себя и рабби Менахем-Мендл Шнеерсон, седьмой глава Хабада. В детстве его наставлял отец, рабби Леви-Ицхак, раввин города Екатеринослава, один из авторитетов в области Торы и выдающийся знаток каббалы. После того как маленький Менахем-Мендл недолгое время проучился в хедере, его учителем стал отец, а в дальнейшем он учился вообще самостоятельно, мало кто даже видел его и тем более общался с ним. Лишь в исключительных случаях он открывался современникам.

Так, во время первой мировой войны, когда Менахему-Мендлу было 12–13 лет, отец представил его одному хасидскому ребе из Польши, оказавшемуся в Екатеринославе в эвакуации. Тот задал мальчику серьезный вопрос, касающийся сказанного в Талмуде. И мальчик не только уверенно и внятно объяснил смысл сложного текста, но и привел несколько цитат из других трактатов Талмуда, где, казалось бы, обсуждаются совсем другие проблемы, раскрыл связь между ними и показал, как в других местах дополняется то, что сказано в обсуждаемой цитате. Гость пришел в восторг и воскликнул: «Да, таких у нас нет!..»

Достоин упоминания, что, хотя рабби Леви-Ицхак был хасидом пятого Любавичского Ребе Шолома-Дов-Бера (Рашаба), он ни разу не привез своего сына в Любавичи — против обычая, принятого у хасидов. Весьма вероятно, что сделал он так по указанию самого ребе Рашаба, знавшего, что душа Менахем-Мендла имеет прямое отношение к следующему Любавичскому Ребе, Йосефу-Ицхаку (Раяцу), сыну Рашаба. По той же причине Бааль-Шем-Тов запретил говорить что бы то ни было о себе маленькому Шнеуру-Залману, зная, что душа его связана с душой следующего главы хасидов, рабби Дова-Бера из Межерича, самого младшего из учеников Бааль-Шем-Това.

А возможно, рабби Леви-Ицхак знал об этом и сам, так как духовно стоял много выше большинства современников. Реб Лейзер Нанес пишет в своих воспоминаниях[3], как во время Гражданской войны Рашаб послал его из Ростова-на-Дону (где находился в эвакуации) в Екатеринослав к рабби Леви-Ицхаку. Он добрался туда после многих опасных приключений и передал то, что поручил ему ребе. Затем рабби Леви-Ицхак внезапно сказал: «Я хочу показать тебе что-то, что поможет тебе». Он приоткрыл дверь в другую комнату, и Лейзер увидел юношу, погруженного в изучение Торы. Через мгновение рабби Леви-Ицхак закрыл дверь и повторил: «Это тебе поможет».

Слова эти обрели смысл лишь в 1950 году, когда реб Лейзер уже шестнадцатый год находился в лагере. Следователь сообщил ему о кончине Любавичского Ребе — с явным намерением тем самым сломить его дух и лишить стойкости. И действительно, в первый момент реб Лейзер ощутил приступ отчаяния. Однако немедленно — он сам не мог объяснить почему — в памяти его возникла картина: юный сын рабби Леви-Ицхака, самозабвенно изучающий Тору. И, словно по наитию свыше, он понял: это тот, кто займет место ушедшего Ребе и станет главой поколения.

*יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֶחָד וְיֵשׁוּעָא מְלִיכָא וְיֵשׁוּעָא מְלִיכָא וְיֵשׁוּעָא מְלִיכָא
וְיֵשׁוּעָא מְלִיכָא וְיֵשׁוּעָא מְלִיכָא וְיֵשׁוּעָא מְלִיכָא*

1950-א תש"ו

Сказанное проливает новый свет на события жизни Ребе между двумя мировыми войнами. Нет никаких сведений о том, что он когда-либо посещал в России ешиву «Томхей тмимим» — главный центр изучения хасидизма и воспитания тех любавичских хасидов, которые непоколебимо стояли против религиозных гонений и продолжали поддерживать и даже распространять еврейство в СССР вплоть до второй половины XX века. Известно, что в 1920-х годах рабби Менахем-Мендл некоторое время провел в Кременчуге, где тогда как раз находилась ешива «Томхей тмимим» (до перевода ее в Ростов в 1920 году). В ней учились те, кто со временем стал гордостью Хабада, и, тем не менее, никто из них не видел в Кременчуге будущего Любавичского Ребе. Он сидел... в дальней, «митнагедской» синагоге (то есть именно среди противников хасидизма), где никто его не знал, и изучал Тору.

Точно так же он вел себя и после того, как в 1928 году стал зятем ребе Раяца. Факт обучения рабби Менахема-Мендла сначала в Берлинском университете, а затем в Парижском политехническом университете обычно трактуют в плане приобретения и расширения познаний в светских науках, не обращая внимания на то, что здесь перед нами новое проявление принципа жизни «скрытого праведника». На своих однокурсников Ребе производил впечатление нелюдимого и погруженного в себя человека. Лишь в Берлинском университете Ребе встретил подобного себе: рабби Йосефа-Дова Соловейчика, будущего главы ортодоксального еврейства Америки, и сам проявил инициативу в знакомстве и сближении с ним. И все-таки общение Ребе даже с этим, конгениальным ему, человеком было по типу: «приоткрывает на ширину ладони и скрывает на ширину ладони»[4]. Так что, когда в 1980 году раввин Соловейчик посетил «Севен севенти» и возобновил личное знакомство с Ребе, многое стало для него новостью.

И в Берлине, и в Париже Ребе отыскивал небольшие синагоги, молился в них, учил Тору и даже преподавал ее (обычно для людей старшего возраста), но постоянно держался в тени, стараясь не привлекать к себе внимания. Лишь намного позже стало известно, что все это время он состоял в активной переписке с Рогачевским гаоном[5], с одной стороны, и со своим тестем, Любавичским Ребе — с другой. С первым Ребе обсуждал проблемы Алахи и Талмуда. «Я очень далек от того, чтобы докучать Вам, однако это — Тора, и понять ее я обязан. Так что, пожалуйста, простите за новые вопросы», — в таком духе обычно начинал Ребе свои письма к Рогачевскому гаону. Своему же тестю он задавал массу вопросов, связанных с историей хасидизма и содержанием его учения, и получал исчерпывающие ответы на многих страницах. К великому сожалению, большая часть их пропала — за исключением тех, которые успели опубликовать в журнале «Атамим», который ребе Раяц издавал в 1930-х годах в Польше, и в сборниках его статей. И примечательно, что нигде в этих обнародованных письмах не упоминается имя Менахема-Мендла: сказано лишь, что это — ответы Ребе «одному из его зятьев».

בא"ה אלאו י תיאורע אאו"י אע"י אדא"א:ע ע"י א אע"א א"א דע אע"י ת"א

1970-א א"א

В первый раз рабби Менахем-Мендл Шнеерсон проявил себя публично в 1931 году, когда ему было 29 лет, — и только по настоянию Ребе Раяца. Во время праздника Суккот, в польском городе Отвоцке, где тогда находилась ешива «Томхей тмимим», Ребе Раяц дал указание своему зятю устроить фарбрнген для учащихся ешивы и приехавших на праздник хасидов. В своих воспоминаниях участники того фарбрнгена сравнивают его с откровением. Фарбрнген длился с восьми часов вечера до семи утра, но прошел на одном дыхании: все были потрясены величием внезапно явившегося им уникального знатока Торы. Алаха и Талмуд, Агада и каббала, учение хасидизма и Мидраш — ничто не представляло трудностей для этого гения, о котором до тех пор никто практически не знал.

Однако то был единичный случай, а бедствия начавшейся вскоре второй мировой войны почти совершенно стерли из памяти это событие. Так что в Соединенных Штатах, куда в 1941 году Рамаш (так его тогда называли по первым буквам слов: рабби Менахем Шнеерсон) приехал вслед за своим тестем, он был практически неизвестен. Он держался исключительно скромно, и многие удивлялись, почему Ребе так приближает к себе этого человека, хоть и назначенного директором хабадского книжного издательства, но внешне не слишком-то и похожего на хасида: рабби Менахем-Мендл, в нарушение хасидских традиций, обычно носил светлый костюм и светлую шляпу, а летом — даже соломенную.

Он так преуспел в искусстве маскировки, что, когда после кончины ребе Раяца встал вопрос, кто будет следующим Любавичским Ребе, вдова покойного, ребецн Нехама-Дина, настойчиво возражала против кандидатуры Рамаша в пользу другого своего зятя, Рашага, реб Шмарьяу Гуарарье. Однако в течение года после кончины ребе Раяца, когда рабби Менахем-Мендл стал регулярно руководить фарбрнгенами в память об ушедшем тесте, его значимость началась открываться все более и более — вплоть до исторического фарбрнгена 10 швата 1951 года, когда в знак принятия главенства над Хабладом он произнес свой первый маамар «Бати легани». В нем новый Любавичский Ребе обрисовал всю программу своей будущей деятельности вплоть до прихода Машиаха.

Говорится в Танье (в конце главы 21), что сотворение Вселенной не произвело ни для Творца, ни в Нем Самом никакого изменения, однако Его созданиям, к которым Б-жественный свет и Б-жественная жизненная энергия доходят посредством многочисленных, разнообразных и мощных трансформаций, кажется, будто этот свет и эта энергия — нечто отдельное от Б-жественной сущности. Нечто, выходящее из источника наружу, подобно тому, как речь человека исходит из его души и достигает слушателя.

Объясняя, что все подобные превращения Б-жественного света имеют целью своей сокрытие от людей Б-жественного в явном виде, известный хасид реб Мендл Футерфас подчеркивал: здесь мы видим потрясающее проявление всемогущества Творца. Он, бесконечный, не ограниченный ничем, сотворил нечто, казалось бы, абсолютно несовместимое со Своей Сущностью: нечто, заслонившее Его и скрывающее от творений.

«Праведники подобны своему Творцу»^[6]. Чем более велик праведник, тем более он похож на Творца. Вплоть до того, что, когда он достигает доступного для человека уровня совершенства, он приобретает силу, подобную силе Творца: скрыть свое совершенство для внешнего мира, внутренне не умалив его ни на йоту.

[1]. *И, как я слышал от моего учителя рабби Моше Вышецкого (Вышедского), возможно, «новая душа» — новая в буквальном смысле слова, то есть сотворенная впервые, к которой не имеет отношения грех первых людей, Адама и Хавы.*

[2]. *Как сам Бааль-Шем-Тов рассказывает в письме своему шурину, каббалисту рабби Гершону Кутевверу, хранящемся в архиве Любавичских Ребе (см. Хатамим, вып. 1, стр. 12–18).*

[3]. *Изданы сначала в оригинале на идише под псевдонимом «Авроом Нецах» в Америке и Англии в 1972–1973 годах под названием «Мои двадцать лет в советских тюрьмах», затем в переводе на английский под тем же псевдонимом («Суббота». Мои двадцать лет в советских тюрьмах. Бруклин, Нью-Йорк, 1979 и 1984) и, наконец, в переводе на иврит уже под собственным именем (Человек, который не покорился. Реб Лейзер. Иерусалим, 1997).*

[4]. *Недарим, 20б.*

[5]. *Рабби Йосеф Розин (1858–1936) — великий авторитет Торы, прославившийся своей уникальной эрудицией. С 1889 года — хасидский раввин г. Двинска (ныне — Даугавпилс, Латвия).*

[6]. *Зоар, ч. I, 10а; Ялькут Шимони, гл. 6, намек 176. См. также: Берешит раба, 77:1.*

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2011 НИСАН 5771 – 4 (228)

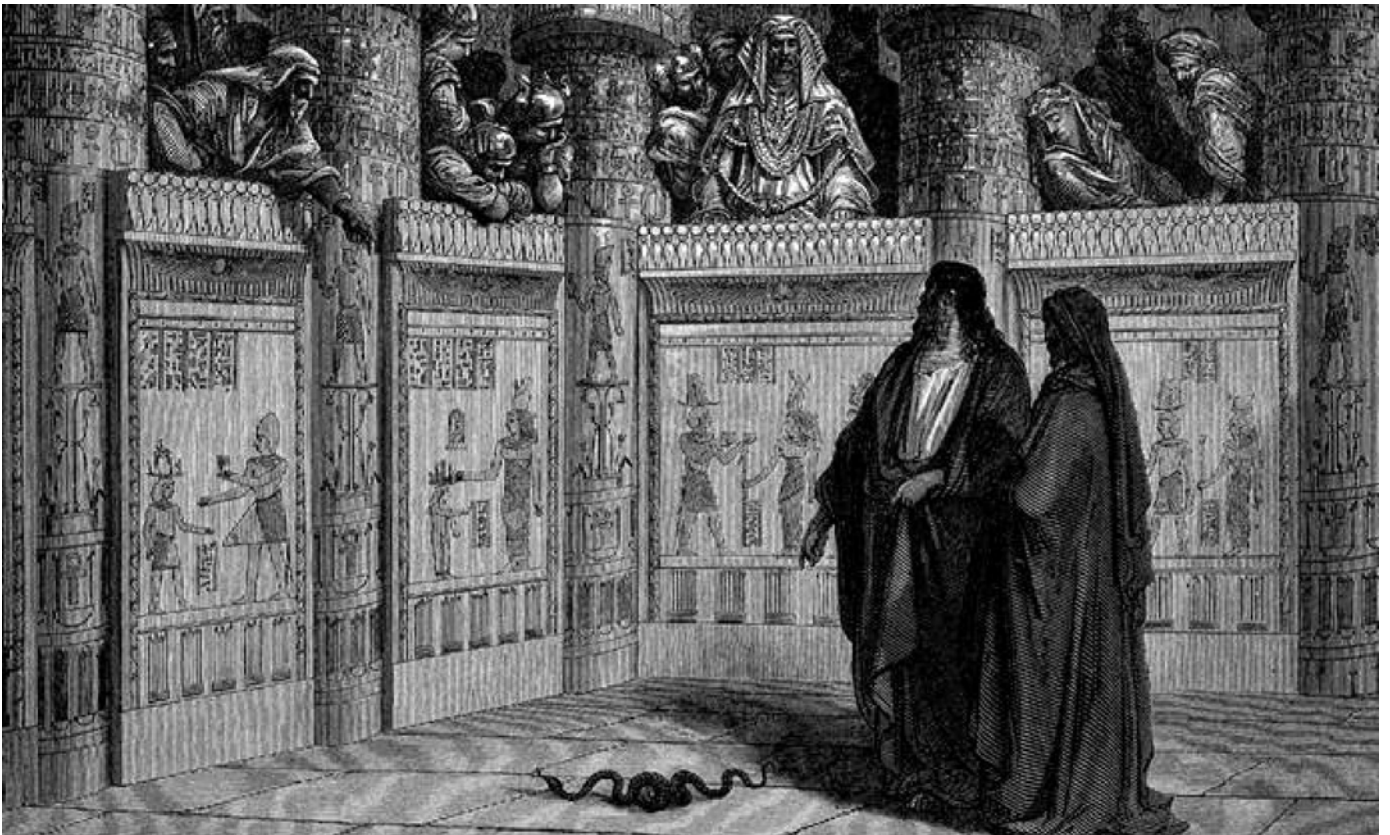
«ОЖЕСТОЧИЛ Б-Г СЕРДЦЕ ФАРАОНА»

Àéàèràí àð Ýéúèèí

Как мы помним, Всевышний, посылая Моше в Египет, честно предупредил будущего «отца пророков», что его миссия столкнется с определенными трудностями, поскольку владыка Египта не захочет отпустить на свободу своих рабов: «Я знаю, что [фараон], царь египетский, не позволит вам идти, если не принудить его рукою крепкою» (Шмот, 3:19).

Именно так все и произошло. Фараон согласился отпустить евреев лишь после того, как на Египет обрушились десять страшных ударов (казней). И даже тогда его решение не было окончательным. Прошло несколько дней, и владыка Египта, раскаявшись в своей «слабости», бросился в погоню за бывшими рабами.

История знает немало примеров гордых, самолюбивых правителей, не готовых признать свое поражение ни при каких обстоятельствах. Однако в нашем случае возникает некая проблема: согласно простому пониманию текста Торы, фараон не отпускал евреев не потому, что был горд или упрям, но сам Всевышний не давал ему принять соответствующее решение: «...Ожесточил Г-спдь сердце фараона, и не пожелал он отпустить их» (Шмот, 10:27).

*Ì íòàè Ààðíí àí àáí ðáá óàðáí à
Àðáàððà Àðíò àáà Áí ðà èç ñàðèè «Àéàéíèèà íðæàò ù».*

1864-1866 àí àú

Эти слова Торы у пытливого читателя вызывают по меньшей мере два вопроса: этический — насколько справедливо наказывать людей, действующих по принуждению; и теологический — не противоречит ли этот сюжет одному из основополагающих принципов еврейской религии, что человек обладает свободой воли в выборе между добром и злом? Причем ответ на второй вопрос приобретает особую актуальность в связи с тем, что рассказ о десяти казнях египетских предваряет в Торе историю Исхода, праздника Песах, одно из названий которого — «Праздник нашей свободы».

Наиболее последовательно принцип свободы воли отстаивал Рамбам. И он никак не мог пройти мимо теологической проблемы, связанной с этими словами Торы.

Он предложил следующее решение: «Но иногда человек совершает такой большой грех или множество грехов, что приговор, который выносит ему Истинный Судья, заключается в том, что расплатой за совершенные сознательно и добровольно грехи является отнятие у грешника возможности раскаяться, чтобы тот умер в грехах и был уничтожен <...> Поэтому написано в Торе: “А Я укреплю сердце фараона” (см. Шмот, 4:21; Шмот, 14:4), так как вначале фараон согрешил добровольно, навредив народу Израиля, живущему в его земле, как сказано: “Давайте обхитрим его...” (Шмот, 1:10), то был присужден к отнятию возможности раскаяться, пока не получит полного возмездия; поэтому Святой, Благословен Он, “укрепил его сердце”. Зачем же [Г-сподь] посылал к нему Моше и говорил ему: отпусти [евреев] и раскайся? Чтобы продемонстрировать всем живущим, что, когда Святой, Благословен Он, отнимает у грешника эту возможность, тот не может раскаяться, но умирает в своем злодействе, изначально совершенном по собственной воле» (Мишне Тора, Законы раскаяния, 6:4-6).

Фараон и египтяне, угнетая евреев, действовали сознательно и совершенно свободно и, следовательно, должны были понести наказание за свои преступления. Однако известно, что в случае раскаяния наказание может быть уменьшено или даже совсем отменено (как, например, в случае с жителями Ниневии, которые раскаялись по слову пророка Йоны). Поэтому Всевышний лишает некоторых преступников Своей помощи в покаянии, чтобы не дать им легитимной возможности избежать наказания.

Каким же образом Он «ожесточил сердце фараона», лишив его возможности своевременно покаяться в совершенных им злодеяниях? Рамбам не дает прямого ответа на этот вопрос. Но другие примеры, которые он приводит в подтверждение своей теории, позволяют сделать определенные предположения: «Также Сихон, по грехам своим, заслужил отнятие возможности раскаяться, как сказано: “...ведь ожесточил Г-сподь, Б-г твой, его дух, и укрепил сердце” (Дварим, 2:30). И также у кнаанейских народов, за мерзости, которые они творили, отнял Г-сподь возможность раскаяться, пока они не начали войну с Израилем [чтобы Израиль мог их уничтожить], как сказано: “Ведь от Г-спода это было — укрепить их сердце перед войной с Израилем, чтобы изгнать их” (Йеошуа, 11:20)!» (Мишне Тора, Законы раскаяния, 6:7).

Кнаанские племена воевали с Израилем не потому, что их гнали в бой какие-то сверхъестественные силы, но по вполне прозаичным земным причинам — защищали свою землю, свободу, имущество. Иными словами, действуя в своих интересах и руководствуясь совершенно рациональными соображениями, они, сами того не ведая, дали Всевышнему возможность покарать себя за преступления, копившиеся веками.

Можно предположить, что и в случае с фараоном дело обстояло так же. Отказываясь, несмотря ни на что, отпустить евреев, он действовал, руководствуясь вполне рациональными мотивами — религиозными, экономическими, политическими и т. п.

Чтобы проверить это предположение, вчитаемся повнимательнее в библейский текст.

Первый раз фараон проявил упрямство, когда Моше и Аарон попробовали убедить его отпустить евреев при помощи чудес: «И пришли Моше и Аарон к фараону, и сделали так, как повелел Б-г, и бросил Аарон свой посох перед фараоном и перед слугами его, и стал он гадом. И призвал фараон мудрецов и чародеев — и сделали они, волхвы египетские, то же своими чарами: бросили каждый свой посох, и стали посохи гадами, и поглотил посох Аарона их посохи. Но укрепилось сердце фараона, и не послушал он их, как и предсказывал Б-г» (Шмот, 7:10-13).

Логика фараона представляется очевидной: поскольку его волхвы могли воспроизвести чудо, сотворенное Моше, следовательно, Моше — обычный колдун, а не посланник неведомого Б-га. Следовательно, нет оснований относиться к нему серьезнее, чем к любому другому чародею. В этой мысли фараон имел возможность укрепиться по меньшей мере дважды: когда его волхвы сумели воспроизвести первые две казни, которые Всевышний обрушил на Египет, — кровь и лягушек: «И сделали так Моше и Аарон, как повелел Б-г: и поднял Аарон посох, и ударил по нильской воде на глазах у фараона и слуг его, и превратилась вода, что в Ниле, в кровь... И сделали то же самое волхвы египетские чарами своими, и укрепилось сердце фараона, и не послушал он их, как и предсказал Б-г. <...> И навел Аарон руку свою на воды Египта, и навел жаб, и покрыли они страну египетскую. И сделали то же самое волхвы чарами своими, и навели жаб на страну египетскую» (Шмот, 7:20-22, 8:2-3).

Правда, после третьей казни (вши), которую волхвы не сумели повторить, фараон вынужден был признать, что Моше — не обычный колдун, поскольку способен повелевать силами, неподвластными магам и чародеям. После этого владыка Египта готов был даже удовлетворить его требование и позволить

евреям совершить жертвоприношение неведомому Б-гу. Но тут Моше предъявил новое требование: «И были возвращены Моше и Аарон к фараону, и он сказал им: “Идите, служите Б-гу, Г-споду вашему! Кто и кто пойдет?” И сказал Моше: “С отроками нашими и со старцами нашими пойдем, с сыновьями нашими и с дочерьми нашими, со всем нашим скотом мы пойдем, ибо праздник Б-га у нас!” И сказал им: “Да будет Б-г с вами так, как я отпущу вас и ваших детей. Смотрите, беда перед вами! Нет: вы, мужчины, пойдите и служите Б-гу, ибо этого вы просите”. И выгнали их от фараона» (Шмот, 10:8-11).

Казнь лягушками. Амстердамская агада. Напечатана Ашером Амшелем и Иссахаром Бером в мастерской Моше Космана Эммерика. Гравюры и офорты Авраама бар Яакова. 1695 год

В древнем мире жертвоприношения могли совершать только взрослые здоровые мужчины. Что же до маленьких детей, то в языческих культах их участие в жертвоприношениях, как правило, заключалось в том, что их самих приносили в жертву. Подобные жертвоприношения были особенно распространены в Кнаане, где они составляли часть служения одному из самых популярных здешних божеств, Молоху. Детей, принесенных в жертву, засовывали затем в большие кувшины, головой внутрь, и закапывали в землю. В ходе археологических раскопок в Палестине были найдены целые кладбища принесенных в жертву малышей, с явными следами огня на костях.

Фараон, разумеется, прекрасно знал, откуда евреи пришли в Египет. Так что, услышав, что они собираются взять на жертвоприношение детей, он получил прекрасную возможность продемонстрировать свою «гуманность», решительно запретив подобное варварство.

Правда, после нескольких дополнительных казней «моральный облик» евреев перестал волновать фараона. И он готов был отпустить всех евреев, независимо от пола и возраста. Однако появились новые доводы, почему сделать это оказалось решительно невозможно: «И призвал фараон Моше, и сказал: “Идите, служите Б-гу, только весь скот ваш пусть останется, а дети ваши пусть идут с вами”. И сказал Моше: “Даже и ты дашь в наши руки жертвы и всежжения, и принесем их Б-гу, Г-споду нашему. И скот наш пойдет с нами, ни одного копыта не останется, ибо из него возьмем мы жертвоприношения для служения Б-гу, Г-споду нашему: ведь не знаем мы, как будем служить Б-гу, пока не придем туда”. Но ожесточил Б-г сердце фараона, и не пожелал он отпустить их» (Шмот, 10:24-27).

Иными словами, на этот раз фараон повел себя как рачительный хозяин, понимающий, что потеря еврейского скота будет серьезным экономическим ударом для его страны, особенно после того, как урожай и стада египтян были уничтожены предыдущими казнями. Ведь, как известно, профессиональной деятельностью евреев в Египте было именно животноводство, которым сами египтяне занимались крайне неохотно, считая это занятие презренным. Ради этого их и впустили в страну при правлении Йосефа.

Помимо приведенных выше случаев, Тора еще несколько раз сообщает о том, что Б-г «ожесточил сердце фараона», не сообщая при этом подробностей. Однако мы можем предположить, что и в остальных случаях фараон действовал, исходя из рациональных мотивов и не подозревая, что его поведение способствует выполнению Б-жественного плана: наказать египтян за преступления, совершенные ими «в здравом уме и твердой памяти», и продемонстрировать всему миру величие и могущество Творца.

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2011 НИСАН 5771 – 4 (228)

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ БЕН-ЛАДАН

Элиша Зинде

О своем еврействе поэт-орденоносец, лауреат Ленинской и четырежды лауреат Сталинской премии Самуил Яковлевич Маршак вспоминал вслух в основном до и после эпохи правления Сталина. Но даже в промежутке между юношеской сионистской поэзией и опубликованными на восьмом десятке мемуарами о еврейском детстве, в советско-социалистическом пласте творчества Маршака можно обнаружить немногочисленные и глубоко запрятанные примеры того, что и хорошо замаскировавшийся внук раввина всегда остается внуком раввина.

Детство Шмуэля

Благодаря публикациям в русскоязычных еврейских СМИ, а особенно — благодаря опубликованной в 2006 году в серии «Жизнь замечательных людей» биографии Маршака, написанной М.М. Гейзером, к хорошо знакомому широкой публике Маршаку-детскому поэту, Маршаку-переводчику Бернса и Шекспира добавился другой Маршак — достойный потомок прославленной еврейской фамилии, писавший сионистские стихи в молодые годы и постоянно читавший Талмуд в старости.

В советское время даже фамилия Маршак воспринималась скорее как мудреный псевдоним (как, например, Хармс), чем в своем подлинном значении. К счастью для ее обладателя, те, кому этого знать не следовало, действительно не знали хорошо известной ныне расшифровки фамилии-аббревиатуры.

Мааршак — акроним слов «морейну [учитель наш] а-рав Шмуэль Койдановер» (уроженец Койданово, Речь Посполитая, ныне Дзержинск, Белоруссия). Фамилию эту носят потомки известного раввина Аарона Шмуэля Койдановера (1614—1676). В 1648 году, во время казацких войн, погромщики убили двух дочерей ребе, сделали инвалидом его самого, разграбили имущество. Койдановер с выжившими членами семьи бежал в Германию, где преподавал в йешиве и написал несколько книг, которые ортодоксы изучают до сих пор: «Благословение жертвоприношения», «Вера Шмуэля», «Благословение Шмуэля» и «Величие Шмуэля» (еще от одной книги — о законах расторжения брака — не сохранилось даже названия).

В наследство от знаменитого предка Самуил Яковлевич Маршак получил не только фамилию, но и имя. Возможно, в придачу к имени по наследству перешли также дар художественного слова и способность достигать многого в жизни, стойко перенося удары судьбы (в том числе и смерть детей).

Теперь отчество. Цитируем автобиографию Маршака «В начале жизни»: «Отец мой работал мастером на заводах (потому-то мы и жили на фабричных окраинах)» [1]. Имя отца в книге — Яков Миронович Маршак. Миронович — Мироныч! Пролетарий. И не просто пролетарий, а высококвалифицированный пролетарий. Химик-технолог. Мастер мыловарения. Тезка Кирова по отчеству. То, что нужно для сталинской эпохи, — не подкопаться.

А теперь другая цитата — надпись на могильном камне на еврейском кладбище Санкт-Петербурга:

«Дом Яакова! Вставайте и пойдём!» Здесь похоронен честный, порядочный и скромный человек, любящий свой народ и Сион, Яаков бен Меир Мааршак. Скончался 11 нисана 5684 года. Да пребудет душа его в раю.

Яков Миронович Маршак.

1855-1924

Меир Мааршак был меламедом в Кременчуге и хотел, чтобы его сын занимался тем же. Но Яков бросил йешиву, покинул родной дом и в 19 лет пошел в пролетарии. Как высококвалифицированный специалист он имел право селиться за пределами черты оседлости.

Шмуэль-Самуил, сын Якова, родился в 1887 году уже по эту сторону черты, в Воронеже. Большую часть детства также провел за чертой — в Острогожске Воронежской губернии. Через город текла река, носившая так и напрашивающееся на каламбуры название Тихая Сосна. Вот что пишет про Острогожск «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона: «Население пригородных слобод занимается хлебопашеством, содержит огороды, сады, городское занято ремеслами и торговлей. Мыловаренный завод, 2 воскобойных. Торговля издавна бойкая. Церквей 7, больниц 2, мужская и женская гимназии» [2]. В городском саду гуляли преимущественно гимназисты и гимназистки. Главной достопримечательностью города был Дивногорский монастырь. Евреев во всей Воронежской губернии было тогда чуть больше 1000 человек. Первая синагога появится в Воронеже в 1901 году — в год переезда семьи Маршаков в Санкт-Петербург.

Не самое типичное детство для еврейского мальчика на рубеже XIX-XX столетий. Если бы не одно исключение. По семейным обстоятельствам с 1893-го по 1895 год Самуил провел в Витебске. В это время ему было, как несложно подсчитать, 6-8 лет. Что вполне совпадает с целевой аудиторией советского детского поэта Маршака.

В Витебске жил дедушка, мамин папа, Бер Абрамович Гительсон, преподаватель Закона Божия гимназистам-иудеям (маму же звали Евгения Борисовна, с отчеством обычная история). В мемуарах Самуил Яковлевич пишет об этом времени так:

Я был слишком мал, чтобы по-настоящему заметить разницу между Воронежем, где я родился и провел первые свои годы, и этим еще незнакомым городом, в котором жили мамыны родители. Но все-таки с первых же дней я почувствовал, что все здесь какое-то другое, особенное: больше старых домов, много узких, кривых, горбатых улиц и совсем тесных переулков. Кое-где высятся старинные башни и церкви. В каждом закоулке ютятся жалкие лавчонки и убогие, полутемные мастерские жестяников, лудильщиков, портных, сапожников, шорников. И всюду слышится торопливая и в то же время певучая еврейская речь, которой на воронежских улицах мы почти никогда не слыхали. Даже с лошадью старик извозчик, который вез нас с вокзала, разговаривал по-еврейски, и, что удивило меня больше всего, она отлично понимала его, хоть это была самая обыкновенная лошадь, сивая, с хвостом, завязанным в узел [3].

В Витебске Самуил учил иврит и на всю жизнь запомнил фамилию учителя — Халамейзер.

В мемуарах ничего не говорится о том, какого образа жизни придерживались дедушка и бабушка Маршака, но вряд ли будет сильной натяжкой предположить, что Бер Абрамович отмечал Песах и во время седера пел внукам песенку про маленького козленка — «Хад гадья».

יְאֵאָנוֹעִיאַ — אִי־אֵעֵב — נִנְנֵב

В раннем творчестве Маршака еврейская тема присутствует постоянно. Из письма 1902 года В.В. Стасову: «Пишу я немного. Написал недавно «Еврейскую легенду». Когда-нибудь я пришлю Вам ее. Теперь собираюсь писать рассказ из гимназической жизни: «Жид». Там я выставлю забитого ученика-еврея, оттолкнутого от всех товарищей, слабого, потерявшего даже сознание того, что он человек. И постараюсь писать беспристрастно. Напишите мне, пожалуйста, как Вам нравится эта тема?» [4]. 1903 год, адресат письма тот же: «Но не подумайте, что я оставляю в стороне гимназию. Нет, раз я поступил — я должен кончить ее и, как еврей, права которого сильно ограничены, должен кончить первым. Тогда мне будет возможность вступить на более широкий, свободный путь!» [5].

1905 год — Маршак переводит на русский стихи Хаима-Нахмана Бялика («Что за чудный поэт! Какая сила!») [6].

Первое из известных стихотворений самого Маршака посвящено памяти скончавшегося в 1902 году скульптора Марка (Мордехая) Антокольского. Первый сборник стихов Маршака выходит в свет в 1907 году. Уже по его названию — «Сиониды» — несложно догадаться о тематике вошедших в него стихотворений: земля отцов, алия, сионизм, Теодор Герцль.

Снятся мне: в родную землю

Мы войдем в огнях заката

С запыленной одеждой,

Замедленною стопой.

И войдя в святыя стены,

**Подойдя к Ерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благословим... [7]**

В советских биографиях Маршак будет писать, что более-менее всерьез занимается стихами с 1908 года. А увидев у Арона Вергелиса свою первую книжку, нервничать: «Голубчик, неужели я не все уничтожил?» [8].

В 1912 году Маршак попадает в Палестину. Но не как переселенец — как путешественник. На пароходе, идущем в Яффо, он знакомится со своей будущей женой Софьей Мильвидской [9]. Пишет новые стихи о Иерусалиме, Палестине. В том же году Маршак оказывается в Англии, в которой проведет два года. После чего вернется в Россию. Переводы Шекспира, Бернса, детского фольклора, вся английская тема в творчестве Маршака окажутся где-то посередине между стихами об Иерусалиме и строчками «Человек сказал Днепру». Именно среди переводов с английского можно обнаружить последний, самый интересный, можно сказать, уникальный случай обращения Маршака к еврейской тематике.

В 1923 году было впервые опубликовано стихотворение, которое, по определению автора, относится к категории «английские народные детские песенки в моем вольном пересказе». Стихотворение называлось «Дом, который построил Джек».

Если бы его перевел на русский язык кто-то другой, еще могли бы быть сомнения. Но в случае с Маршаком их нет. Переводчик прекрасно представлял, какая фантастическая удача ему выпала. Безусловно, услышав впервые этот стишок на английском, он должен был вспомнить Витебск и дедушку Бера. Английский оригинал не был оригиналом, он был переводом. Оригинал называется «Хад гадья».

יְאֵדֵנְ-יִי אֵאֵיִן עַּסְאֵוֹאֵ-אִיֵּוֹאֵ

Представьте, что вы хотите рассказать шести-восьмилетнему жителю, например, ЮАР, про празднование Нового года в России. Как перевести песню «В лесу родилась елочка» так, чтобы ребенок понял, о чем в ней идет речь? Скорее всего, елочку придется превратить в пальму, под которой будет скакать трусливая обезьянка, мимо пробежит лев, а много радости детишкам принесут кокосовые орехи или бананы.

В 1950 году Самуил Яковлевич получил письмо от народного поэта Киргизии Аалы Токомбаева, в котором тот рассказывал о том, как переводил детские стихи Маршака на киргизский: «Для того чтобы стихи были понятны киргизским детям, я сделал некоторые изменения: <...> в «Праздник леса» я добавил яблоки, груши и ореховые деревья, ибо дети Средней Азии прежде всего <...> сажают фруктовые деревья». В ответном письме Маршак писал: «Без известной свободы в обращении с текстом подлинника невозможен поэтический перевод. Что же касается детской книги, где нужна особенная живость, простота и ясность, то там поэт-переводчик имеет еще большие права» [10].

И еще одна цитата из переписки Маршака. Некий пенсионер Васенцович из Москвы не смог разяснить своей четырехлетней внучке смысл стихотворения «Шалтай-Болтай» и попросил сделать это Самуила Яковлевича. Маршак разяснил: «Думаю, что Вы не напрасно искали какой-то смысл в этих стихах. Задолго до меня их перевел Фридрих Энгельс в своем письме Карлу Марксу. Перевел он эту шуточную песенку на латинский язык («Humptius-Dumptius»), чтобы доставить удовольствие своему другу. В песенке нет прямого указания на то, кто подразумевается под именем «Шалтая-Болтая» («Humpty-Dumpty»), но есть основание предполагать, что она сочинена под влиянием французской революции и говорит о том, что разбитую вдребезги королевскую власть нельзя вновь собрать и склеить. Так можно понять строчки:

Вся королевская конница,

Вся королевская рать

Не может Шалтая,

Не может Болтая,

Шалтая-Болтая собрать...

Может быть, именно этот скрытый смысл и привлек внимание Энгельса. Впрочем, как все люди большого ума, он мог попросту оценить юмор причудливого произведения фольклора.

Нужно ли было издательству приложить к переводу подробные объяснения и комментарии? Думаю, в этом нет необходимости, — иначе пришлось бы все популярные детские считалки и народные песенки (вроде «Шишел-вышел — вон пошел» или «Гори, гори ясно, чтобы не погасло») сопровождать глубокомысленными комментариями. Дети в них не нуждаются. Они ценят фольклор за словесную игру, живость, юмор и умеют отличать его классические образцы от мусора» [11].

Про Энгельса, кстати, Маршак сказал чистую правду. Такой перевод и письмо были, правда, адресатом был не Маркс, а Каутский [12]. А вот по поводу комментариев к детским стишкам. «Шишел-мышел», возможно, комментировать не стоит. Но есть такой детский стишок, который многократно толковали аллегорически, один только прославленный раввин Элияу бен Шломо Залман (Виленский Гаон) разработал более десятка толкований. Стишок называется «Хад гадья».

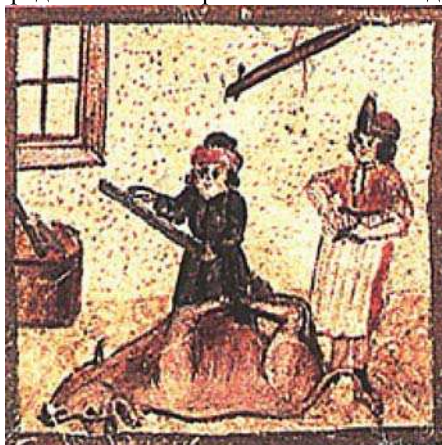
*Ἐξέρπιδάσέε εἰ αἰά "Ὁαἰ ἀαῖν" ἐς ἰαῖναεῖν ἰε ἀαῖν.
Ἐἰῖο ἀαἰ Ἀαεἰ Ἐαεἰ ἰεε ἐς Ἀεῖοἰ ἰ.*

XVIII ἀε

Ἐἰεἰἰἰε, εἰοἰοἰε οἰ ἀε ἀαἰδεοῖα ἰ ἰἰαῖο ὑαἰεἰαῖ

Во время пасхального седера эта песенка поется на арамейском. Но она также существует на идише, ладино, немецком, французском, испанском, каталанском, английском и, благодаря С.Я. Маршаку, на русском. Все переводы не дословны, их текст совпадает лишь частично. Главное сходство — в принципе построения: в каждой новой строфе добавляется новая строка и вводится новый персонаж, а старые строки повторяются. При этом все персонажи связаны в единую логическую цепь.

Возникает вопрос — текст на каком языке оригинален? Может быть, живущие в Европе евреи адаптировали старинную английскую песенку? Или немецкую? Несколько странно, конечно, переводить с немецкого не на привычный идиш, а на арамейский, меньше знакомый детям, для которых вроде бы и придумана песенка. Не менее странным кажется и то, что козленок куплен за два зуза — монеты с портретом Зевса. Привычные еврейским детям средневековой Европы монеты выглядели и назывались совсем не так.

Первая печатная пасхальная Агада, в которой присутствует текст песенки «Хад гадья», была отпечатана в типографии Герсона Коэна в Праге в 1590 году. Рядом с арамейским текстом — перевод на идиш, где уже нет зузов, вместо них — «шиллинг-пфенниг». В германском варианте песенки главного героя зовут Йокль — совсем не немецкое имя, слишком похожее на неправильно произнесенное Янкель [13].

Существует также убедительное доказательство того, что «Хад гадья» существовала задолго до 1590 года. В 1791 году раввин Едидья Вейль в своем издании пасхальной Агады упомянул, что самый ранний рукописный вариант песенки о козленке был найден в книге, хранившейся в бет-мидраше известного германского каббалиста конца XII — начала XIII века Элезара Вормского. Но в 1349 году бет-мидраш сгорел, рукопись, видимо, тоже. Если принять утверждение Едидьи Вейля на веру, маленькому козленку — около 800 лет. Если судить по самому раннему из дошедших до нас списков — около 600. Первый печатный текст «Дома, который построил Джек» на английском увидел свет в Лондоне в 1755 году [14]. Более ранних рукописей нет.

Итак, в оригинальном, то есть арамейском варианте «Хад гадья», как известно, рассказывается следующая история:

Козленок, козленок, которого папа купил за два зуза. Козленок, козленок.

Пришел кот и съел козленка, которого папа купил за два зуза. Козленок, козленок.

Пришел пес, который загрыз кота, который съел козленка, которого папа купил за два зуза. Козленок, козленок...

Далее палка убила пса, огонь сжег палку, вода затушила огонь, бык выпил воду, резник зарезал быка, ангел смерти поразил резника, а Святой, благословен Он, поразил ангела смерти. Который поразил резника, который зарезал быка, который выпил воду, которая затушила огонь... Не правда ли, так и просится на язык: «...В доме, который построил Джек»?

В разноязыких вариантах одни цепочки событий и персонажи меняются, другие — сохраняются. В Германии хозяин посылает слугу на уборку овса, а резника вешает палач. На идише крестьянин собирает не овес, а груши, а все персонажи зовутся уменьшительно-ласкательно: собачка, палочка, бычок (хунтеле, штекеле, окселе). Во Франции козленок забирается в капусту и никто ничего не делает, а только хочет сделать. В каталанском тексте вообще все не так: муравей направляется в Иерусалим, ломает ногу в снегу, который тает под солнцем, которое скрывают облака, которые сдувает ветер, который останавливает гора, в которой прогрызает дырки мышь, которую съедает кошка, — и только потом начинается привычный рассказ про палку, воду, огонь и т.д. В Испании мавританскую девочку кусает муха, которую съедает паук, паука ест мышь, ту — кошка, и потихоньку все входит в привычную колею.

Еще до Маршака история попала в Россию в варианте, урезанном настолько, что сложно опознать сразу: «Жил-был у бабушки серенький козлик».

Чтобы не запутаться в бесконечных повторениях и вариациях, возьмем лишь три текста — «Хад гадья», английский «Дом, который построил Джек» и перевод Маршака — и проследим развитие сюжета:

<i>«Օձն անայ»</i>	<i>The House That Jack Built</i>	<i>«Ան, որ տնուէ ինոճիւն Ան»</i>
<i>Էլ զգալի է օտ շալ շա 2 զգա</i>	<i>Ան ինոճիւն Աբաբի</i>	<i>Ան ինոճիւն Աբաբի</i>
<i>Էլ ո՞նչ է Էլ զգալի է</i>	<i>Նիւրա օձն է ո՞նչ ա՞նի ա</i>	<i>Ի օտի օձն օձն է ո՞նչ ա՞նի ինոճիւն անի ա</i>
<i>Ի ան օտնուէ Էլ ո՞նչ</i>	<i>Էծուրն ունա ինուրն</i>	<i>Նիւրն օձն ա՞նուրն ի օտի օձն</i>
<i>Ի ան օտնուէ Էլ ո՞նչ</i>	<i>Էլ ո՞նչ է Էծուրն</i>	<i>Էլ ո՞նչ ինուրն է Էլ ո՞նչ ինուրն</i>
<i>Ի ան ինուրն Էլ ո՞նչ</i>	<i>Ի ան անուրն էլ ո՞նչ էլ ո՞նչ</i>	<i>Ի ան անուրն օձն շա օտնուրն օձն էլ ո՞նչ</i>
<i>Անա ինուրն Էլ ո՞նչ</i>	<i>Էլ ո՞նչ ինուրն անուրն ինուրն Էլ ո՞նչ</i>	<i>Էլ ո՞նչ ինուրն անուրն օձն օձն ինուրն</i>
<i>Ան անուրն անուրն</i>	<i>Ի անուրն անուրն անուրն էլ ո՞նչ</i>	<i>Նանուրն է ինուրն անուրն անուրն անուրն</i>
<i>Ընդ էլ անուրն անուրն</i>	<i>Ի անուրն անուրն անուրն անուրն անուրն</i>	<i>Էլ ո՞նչ է օտնուրն ինուրն անուրն էլ ո՞նչ օձն</i>
<i>Ան անուրն անուրն անուրն</i>	<i>Ինուրն անուրն է անուրն անուրն անուրն անուրն անուրն անուրն</i>	<i>Ան ինուրն անուրն ինուրն անուրն</i>
<i>Նանուրն, անուրն անուրն անուրն անուրն</i>	<i>Ինուրն անուրն անուրն անուրն է անուրն անուրն անուրն անուրն</i>	

Óāñi áð ñéàò çāñíí, ÷òíáñi éíðì èòùíí áòóñá

Известная свобода перевода привела к тому, что точек пересечения первого текста с двумя другими довольно мало. Это извечная борьба пса с котом, а также бык, поменявший пол, но зато спасшийся от ножа. За пределами таблицы осталось еще одно пересечение — маленькое доказательство знакомства Маршака с арамейским текстом — фонетическое. В английском «Доме» строфы начинаются с “This is the...”. В маршаковском есть два варианта начала строфы — «вот» и «а это», звучащие практически так же, как арамейское ваата («пришел»).

Áí áòíðñó í áòóñá

Попытаемся сделать то, от чего предостерегал Маршак, — найти смысл не только в истории про козленка, купленного за два зуза (это делалось неоднократно), но и в песенке про дом, который построил Джек.

Аллегорических толкований песенки «Хад гадья» десятки. Сведем вместе основные версии. Козленок, разумеется, еврейский народ. Возможно, имеет отношение к козлу отпущения (которому прямая дорога в руки ангела смерти).

Далее события развивается так. Б-г (папа) выкупил избранный народ за две монеты (Моше и Аарона). Разные народы преследовали евреев, сменяя друг друга. Кот — Ассирия, собака — Вавилон, палка — Персия, огонь — Александр Македонский, вода — Римская империя. Бык — сарацины, резник — крестоносцы, ангел смерти — турки. Поскольку толкование разработано в период турецкого владычества в Палестине, то в последней строфе, как подразумевается, речь идет о будущем освобождении еврейского народа.

По другой версии, козленок — патриарх Яков, которому Ривка «шкурки козлят надела на руки и гладкую шею», чтобы Ицхак благословил его. И Яков получил благословение — в обход брата Эсава. Затем право первородства переходит к Йосефу — тоже в обход братьев. Кошка — символ зависти. Как Эсав, завидуя Якову, стремился отомстить ему, так Йосеф стал жертвой зависти братьев. Он попал в Египет, символ которого — бог Анубис, имеющий голову то ли шакала, то ли дикой собаки. Палка — посох Якова, доставшийся затем Моше и Аарону, выведшим народ из египетского плена. Огонь символизирует разрушение Первого храма, причиной которого стали грехи еврейского народа, в том числе идолопоклонство. Избавление от идолопоклонства и постройка Второго храма — вода. Бык символизирует разрушение Второго храма идумеянами, потомками Эсава. Оставшиеся строки касаются прихода двух Мошиахов [15].

Теперь попробуем найти связь с английским и русским текстами.

Джек (Джеймс) и Яаков — одно и то же имя. Дом, который построил Джек, — Израиль, дом Яакова (помните надпись на могиле деда Маршака). Забавная деталь: мужская синагога в Вормсе, том самом городе, где обитала первая рукопись песни «Хад гадыя», была построена на средства некоего Яакова, о чем сделали памятную надпись, а имя жертвователя вспоминали по субботам в особой молитве.

Итак, в переводе речь опять идет о еврейском народе. Только мир вокруг него радикально изменился. Не приносят в жертву быков, ведь Храм разрушен. Священнослужители чисто бреются, потому что относятся к другой религии, на что однозначно указывает петух — символ апостола Петра. И сеятель (а это и есть Яаков-Джек) вынужден работать, чтобы обеспечивать петуха зерном.

Удивительно, что в арамейском тексте убийство следует за убийством, а общий смысл оптимистичен. В английском переводе не погиб никто, кроме крысы, но с точки зрения верующего иудея описанная ситуация печальна.

В варианте Маршака жанр опять меняется. На смену трагедии с хорошим финалом («Хад гадыя») и любовному роману (английский вариант) приходит что-то вроде раннего чаплинского кино или сценки с участием Петрушки-Панча. Не гибнет никто, синица — веселая, старики бранятся — только тешатся, пес без хвоста, корова без рогов, а священника погнали в шею еще в 1917 году.

*Yēū Ēēnōēēē.
Ēēēpīnō dāōēy ē i'āū ā "Ōāā āāāy".
1919 āā*

Главное расхождение с английским вариантом — два петуха вместо одного. И будят они не священника, а пастуха, что напрямик никак не затрагивает интересы хозяина дома, Джека, Яакова, у которого своя жизнь, скрывающая от чужаков.

Фокус с «переводом» «английской» песенки у Шмуэля бен Яакова Мааршака удался. Прозвучал заключительный аккорд еврейского периода в его творчестве. Долгие десятилетия после этого он писал

правильные детские стихи, отводя душу на переводах с английского. Но даже в правомерно-советском стишке «Живые буквы» наряду с Власом-водопроводчиком, Игорем-инженером, Мишей-машинистом и Павлом-пограничником вдруг мелькает:

Яков — знаменитый маленький садовник —

Яблони и груши вырастил в саду,

Ягоду малину, ягоду крыжовник.

Я на днях учиться к Якову пойду [16].

Как будто Самуил Яковлевич озорно подмигивает тем немногим читателям, которые знают, о чем и о ком на самом деле идет речь.

И еще один пример возможного фокуса со словами. Гематрия ивритского слова йелед («ребенок») равняется 44: йод (10) + ламед (30) + далет (4). Почему-то именно 44 веселых чижа жили в квартире 44, которая расположена в стихотворении, написанном Маршаком совместно с Даниилом Хармсом и посвященном 6-му Ленинградскому детдому. Случайно или нарочно так получилось? Знали авторы или нет? Мне почему-то кажется, что как минимум один знал.

Но еще за два года до того, как в журнале «Чиж» появилось стихотворение про веселых чижей, Даниил Хармс записал в свою записную книжку другой детский стих — «Des Herr, des schikt den Jockel aus...» [17]. Вероятно, в совершенстве владевший немецким языком Хармс считал построившего дом Джека немцем Йоклем. Он, как и многие другие, не подозревал, что на самом деле это еврей Яков.

[1] *Ī ḏḥḥāē Ḥ.B. Ḥīāḏāī ēā ḥī-ēīāī ēē ā 8 ḥīī āā Ī., 1968-1972. ḥ. 6. Ḥ. 9*

[2] *Ī īāīē īī ḥēēēīī āē-āīēē īēīāāḥīā 29 ḥīī āā. Ḥīā, 1910-1917. ḥ. 29, ḥḥā 852-853*

[3] *Ī ḏḥḥāē Ḥ.B. Ḥēāç ḥī-. ḥ. 6. Ḥ. 21.*

[4] *Ī ḏḥḥāē Ḥ.B. Ḥēāç ḥī-. ḥ. 8. Ḥ. 15-17.*

[5] *Ḥāī ḥā Ḥ. 20-22*

[6] *Ḥāī ḥā Ḥ. 30-31.*

[7] *Ḥēḥḥḥḥḥ ḥīī: Ḥāēçḥḥ Ī.Ī. Īīī-ḥē īāāāīī ḥē Ī ḏḥḥāē (ē 115-ēāḥēḥ ḥī āī ŷ ḥīāāī ēŷ) // «Āāāēīēēē īāīçḥḥḥḥḥḥ». ¹ 24 (43), 2002 (5763).*

[8] *Ḥāī ḥā*

[9] *Ī ā ḥḥāēēīī ḥḥāā ē āāēā ḥī.: Ḥāēçḥḥ Ī.Ī. Ī ḥḥāḥḥḥḥāā āēā āēēīīḥ ā ḥēçīī // Ḥāāēī. ¹ 7.*

2005

[10] *Ī ḏḥḥāē Ḥ.B. Ḥēāç ḥī-. T. & C. 252*

[11] *Ḥāī ḥā Ḥ. 340-341.*

[12] *Ī āēēĪ, Ḥīāēēēē Ḥ. Ḥī-ēīāī ēŷ. ḥ. 39. Ḥ. 153*

[13] *Cohen B. The perush of the Vilna Gaon on Chad Gadya // www.learningtorah.org*

[14] *Baring-Gould W.S., Baring-Gould C. The Annotated Mother Goose. New York, 1962. D. 25*

[15] *Cohen B. Op. cit*

[16] *Ī ḏḥḥāē Ḥ.B. Ḥēāç ḥī-. ḥ. 1. Ḥ. 171.*

[17] *Ḥāī ḥā Ḥ.Ī. Ī īēīīā ḥīāḥāī ēā ḥī-ēīāī ēē. Çāīēēē ḥā ēīēāēē. ḥ. 1. Ḥīā, 1997. Ḥ. 227-228*

Комментарий:

Статья была бы хороша для Пурима. Но Пурим уже прошел. А вкус розыгрыша остался. И "Хад гадыя" и "Дом, который построил Джек" принадлежат к хорошо известному фольклористам типу "кумулятивных сказок", которые и в стихах, и в прозе есть в любом фольклоре, любого народа. Их сотни. И все они извод "Хад гадыя"?

Происхождение "Хад гадыя" совсем не загадочно. Это адаптация итальянской народной песни, необычайно популярной до сегодняшнего дня. Ее до сих пор знает каждый итальянский ребенок, ни про каких евреев слыхом не слыхавший. Итальянская песенка от "Хад гадыя" отличается только тем, что "батюшка купил за две монеты мышку". А дальше все то же самое. Кстати, итальянский вариант снимает неудобный вопрос о кошке, которая загрызла попку. Все аллегорические и историософские толкования появились, естественно, post-factum.

Непонятно зачем делать из Маршака криптоиудея. О своем сионистском прошлом он не любил вспоминать. Но это вопрос не "еврейский", а "политический". Статья начинается с сакраментальной фразы: "О своем еврействе <...> Самуил Яковлевич Маршак вспоминал вслух в основном до и после эпохи правления Сталина". И дальше нас неубедительно убеждают в том, что Маршак мог обратиться к еврейской теме в эти годы только намеком. Надо очень плохо знать еврейскую и советскую историю, чтобы не понимать, что до конца 1948 г. слово «еврей» не было ни запретным, ни неприличным. Маршак в «сталинские» годы много переводил с идиша Квитко и Фефера, и эти переводы широко публиковались. Наконец, он участвовал в мероприятиях Еврейского антифашистского комитета. Станный способ прятать свое еврейство. А главное, незачем было

прятать.

Я не думаю, чтобы собственное еврейство особенно, кроме некоторого детского сентимента, волновало Маршака. Л. Пантелеев, преданный друг, пишет в своих мемуарах о Маршаке, как о «невоцерковленном христианине». Я этим мемуарам склонен верить. Есть и иные мелкие погрешности, которые, впрочем, существенно подрывают смысл статьи. Автор сообщает: «В германском варианте песенки главного героя зовут Йокль — совсем не немецкое имя, слишком похожее на неправильно произнесенное Янкель». Йокл (без мягкого знака) — именно что правильно произнесенная уменьшительная форма имени Яков, а не испорченный Янкл. Форма «Йокл» равно часто встречается и у немцев, и у евреев. Так что все дальнейшее — не получается. Я так и остался в недоумении относительно статьи. Если это розыгрыш — то несмешной. Если это все всерьез, тогда еще печальней ...

РАСПЯТИЕ В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

P deé Úáááé

Á óá-áíéá í ííáó ááéíá óðéñóéáíñéíé ýóñí ñéí áíéééá ðáñýóéý áñéá óááóéðíááíá áéý ááááá Á íóéé-éá íó óðéñóéáíñéíá í éðá, ááá áðááóéíú «Еейн», «ðáñýóéá», «Áíéá óá», «éðáíó» í íéó-ééé ñó ááéíéíá-áíéíá (ñí áñéó áéñí íá) ñí áááóéáíéá á áááóéñéíí óáééáíííí ñí çíáíéé, í áíáíðíó, ííé áñó áñó ááííúí í áðáçíí áññóééðíááéñí ñí ñóðáóíí, áíáíéýí é, ñóðáááíéýí é é ñí áðóíð. Áñéé óðéñóéáíñééá éáíííé-áñééá óéááóú é ñí ðáéáóú í íéó-áéé í áááóéáííá óíééíááíéá (éí ý Éáóóñ-éó áéíñí áááóáéáóóðíé ñéíá ééí áó éí í áá-çéóðí — «áá ñí óðóóñý éí ý áá é íáí ýóú í íáí») ééé í áðíáééíí éí áááóñéóíááéñí (ñí . áááóéíéíá éí íó ðáááí áééá óíéáíó Éáóó), óí óðéñóéáíñéáý ñéí áíéééá çá-áñóç ðááóéðíááéáñí[1].

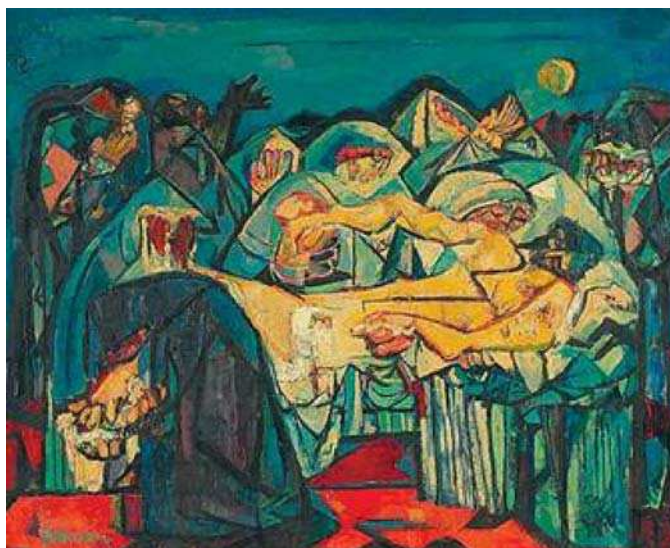

Óðéñóíóíá Óíðñó Ñáééíáñééé. 1903 áá

Однако в начале XX века произошел поворот, связанный со сложными процессами культурной интеграции евреев в жизнь окружающего христианского мира, волнами погромов, глобальными потрясениями, вызванными, прежде всего, первой мировой войной. Ряд еврейских поэтов и художников, прежде всего символистов, начали переосмысливать не только древнееврейские архетипы — Синай, Храм, Завет, — но и христианские, раскрывая их в контексте судеб еврейского народа. Как отмечает известный исследователь идишской литературы Дэвид Роскес, прежде неприкасаемая христианская топка стала для них не менее важным источником вдохновения, чем хасидский фольклор. Еврейский поэт-символист Дер Нистер (сб. «Мысли и мотивы», 1907) обращается к Марии с молитвой о рождении ее Сына, несмотря на ожидающую того трагическую судьбу: для поэта рождение Иисуса есть победа евреев и всего человечества над страданиями, Б-га над Сатаной, и Иисус мыслится как универсальный символ страданий и даже как искупитель, равный еврейскому Мессии. В повести Шолома Аша «Карнавальная ночь», действие которой происходит в Риме XVI века, когда евреи подвергаются оскорблениям в ходе папской процессии, Иисус соскальзывает с креста в соборе Св. Петра, чтобы стать одним из мучеников, а Мария присоединяется к матери Рахели, чтобы вместе ткать саван. Поэт Ури Гринберг рассматривает окопы второй мировой войны с вершины Голгофы. На картине Эфраима-Моше Лилиена 1903 года, посвященной мученикам кишиневского погрома, изображен распятый на кресте старик в талите, держащий свиток Торы, и его поддерживает ангел. Еще более пронзительное звучание приобрели для евреев христианские символы в свете Холокоста. В знаменитом романе Андре Шварц-Барта «Последний праведник», главный герой, которому суждено погибнуть в газовой камере, говорит об Иисусе — еврее и праведнике: крест, на котором он был распят, перевернули и использовали в качестве меча для уничтожения его соплеменников. На картине художницы Кэт Мюнцер «Мадонна с младенцем» младенца держат на руках еврейка из гетто с желтой звездой на груди. Широко известен также цикл распятий Марка Шагала[2].

Можно было бы сказать, что перед нами очередной пример взаимопроникновения культур, актуализации христианских символов в еврейской парадигме (причем этот процесс в немалой степени обусловлен еврейским происхождением Иисуса). Однако такой вывод, с нашей точки зрения, будет верным лишь отчасти, поскольку крест и распятие — это отнюдь не эксклюзивно христианские понятия. По существу, это древние еврейские архетипы, выпавшие из магистральной еврейской традиции и возрожденные к жизни почти через два десятка веков. И в данной статье мы попробуем обосновать этот парадоксальный на первый взгляд тезис.

Казнь через распятие была хорошо известна евреям еще с глубокой древности. Этот вид казни употреблялся задолго до римлян другими народами, в том числе персами, египтянами, ассирийцами, греками, о чем есть многочисленные свидетельства античных авторов[3]. Сообщает об этом и Библия: так, согласно книге Эзры (6:11), в декрете царя Дария говорилось, что всякий человек, совершивший преступление против Храма и культа, «будет поднят и пригвожден (йтмехе) к бревну», то есть распят. Здесь, по-видимому, речь идет о неевреях. Хорошо известно, что в римские времена и сами евреи многократно испытывали на себе этот способ казни. Иосиф Флавий пишет, что сотни евреев были распяты на крестах во время гонений Антиоха Эпифана в 167–164 годах до н. э. (Древности, XII, 5:4). Многочисленные распятия евреев-инсургентов римлянами зафиксированы в период, предшествующий Иудейской войне (Древности, XVII, 10:10; XX, 5:2) и в ходе самой войны, о чем свидетельствует тот же Иосиф Флавий (Иудейская война, V, 11:1). Ну и, разумеется, главное свидетельство о практике распятий в Палестине в период римского правления — это евангельский рассказ о распятии Иисуса и двух разбойников. Только в IV веке император Константин отменил распятие как вид казни[4].

*Ἰησοῦς Ἀδάμαϊ Παοῖαδ
1949 π.ά. Ἰ. Ἰωάν. Ὁδοποιεῖα
ἐ Νάα Ἰερουσολὴμ Ἀποστολῆ*

Считается, что в римском уголовном праве казнь через распятие считалась наиболее позорным видом казни, применявшимся по отношению к рабам, ворами и разбойникам. Обычно евреи, которые имели римское гражданство, не подвергались распятию: их казнили иным образом. Так, Савл из Тарса (новозаветный апостол Павел), по преданию, был обезглавлен. Однако в случае особо тяжких преступлений перед Империей (например, предательства) распятие могло применяться и к римским гражданам. Это обстоятельство еще более оттеняет трагизм смерти Иисуса, которая, в глазах большинства евреев-современников, свидетельствовала о бессилии его проповеди и подрывала веру в его мессианское достоинство, разделяемую лишь небольшой группой его первых последователей. Именно поэтому распятие Христа (то есть машиаха, помазанника), по словам Павла, было для иудеев скандалом ту стауру — «соблазном [букв. «скандалом, камнем преткновения». — Ю. Т.] креста» (Гал., 5:11). В целом же идея страданий, смерти и последующего воскрешения машиаха бытовала и в еврейской литературе первых веков христианской эры (см., например, Сукка, 52а: о мессии — сыне Йосефа, который будет убит, а потом воскрешен пророком Элияу). Обсуждение этой обширной и важной темы выходит, однако, за рамки нашей статьи.

Вместе с тем в еврейской литературе конца эпохи Второго храма и периода Мишны можно найти примеры того, что распятие рассматривалось не только как не умаляющее высокое достоинство распятого, а даже еще больше его подчеркивающее.

Прежде всего, рассмотрим, была ли казнь через распятие чужда юридической и исторической практике самих евреев[5]. Действительно, в библейском и талмудическом праве казнь через распятие не упоминается. В Торе за особо тяжкие преступления предусматривается побивание камнями и сожжение (Дварим, 13:10; Ваикра, 20:14). В качестве еще одного вида казни в Танахе фигурирует «повешение» (Берешит, 40:22; Эстер, 7:9, и т. д.), причем Тора предписывает повешение уже мертвого тела в качестве публичного наказания (Дварим, 21:21-23)[6]. В Мишне (Сангедрин, 7:1) говорится о четырех видах казни: побивании камнями, сожжении, удушении, обезглавливании. И все же распятие евреи тоже практиковали. Во всяком случае, мы имеем недвусмысленное свидетельство об этом Иосифа Флавия (Древности, XIII, 14:2; Иудейская война, I, 4:6): Александр Янаи в 88 году до н. э. распял (анастауроса) 800 видных фарисеев[7]. Существует еще одно свидетельство Иосифа Флавия — о распятии Яакова и Шимона, сыновей Иуды Галилеянина, прокуратором Тиберием Юлием Александром (46–48 годы н. э.), выходцем из еврейской семьи, племянником Филона Александрийского (Древности, XX, 5:2; XVIII, 8:1).

Кроме того, в позднейших еврейских источниках тала («вешать») используется взаимозаменяемо с еврейско-арамейским глаголом цалав («распинать»)[8]. Не случайно в Септуагинте фраза из книги Эстер «повесьте (талу) [на дереве]» (Эстер, 7:9) переведена как «распните (стауротэто)». И в Новом Завете глаголы стауроо («распинать») и креманнومي («вешать») используются взаимозаменяемо: в Евангелии от Луки об одном из разбойников, распятого вместе с Иисусом, говорится эйс де тон кремастентон («один из повешенных») (Лк., 23:39). Слово «повесили» применено и к распятому Иисусу — в Деяниях (Деян., 10:39) и в Послании к Галатам (Гал., 3:13).

Поэтому, когда в раввинистической литературе встречаются сообщения о казнях через повешение, не всегда легко понять, о каком именно наказании идет речь — повешении (распятии) живого человека или же выставлении трупа на всеобщее обозрение. Так, в Сифре к Дварим, 21:23, уточняется известный рассказ из мишнаитского трактата Сангедрин (6:4) о том, что Шимон бен Шетах, глава Синедриона, в царствование Александра Яная повесил 80 колдуний: «“Ты повесишь” <...> Может быть, его вешают живым, как это делает правительство [римское]? — Нет, сказано: “и он будет умерщвлен”». Однако во внеалахической еврейской традиции имеются и прямые указания на практику повешения (распятия) живых людей: так, в Таргуме на книгу Рут (1:17) вместо одного из четырех традиционных мишнаитских способов казни фигурирует «распятие на кресте». Чем объяснить такие расхождения в законодательстве? Возможно, мы имеем дело с многообразием ранних правовых традиций Устного закона, лишь часть из которых впоследствии вошла в Талмуд[9].

*Ἀνάσσει, ἰὰ ἐφοῖθῃ ἰτᾶσοῦ ἢ Ἀἰ αἰ
 ἐ αἰ 10 μῆνῶν. Ἐὰν ἰοῦσῶν ἐ ἰ ἀφ᾿ ὅ
 ἰ ἰ: ἀῖν XIV ἀῖα*

Новый импульс спорам о практике распятия (или повешения) живых людей в еврейском мире придало опубликование кумранских рукописей. Согласно «храмовому свитку», за наиболее тяжкие преступления человек должен подвергнуться повешению, причем заживо: «Повесишь его на дереве, и он умрет» (11Q_{temple_a}). Арамейский вариант завещания Левия (4Q_{apocLevi_b}) прочитывается некоторыми исследователями так: «Не покарай лишенного сил посредством повешения, и гвоздь не приближай к нему»[10]. Но, к сожалению, все перечисленные фрагменты испорчены, в текстах присутствуют многочисленные лакуны, и любое их прочтение может носить лишь гипотетический характер[11].

Особое значение в этом смысле имеет сравнительно хорошо сохранившийся фрагмент комментария на книгу пророка Наума 4Q_{pNah}, в котором прямо говорится о человеке, который «вешал живых людей» (йтле анашим хаим). Большинство исследователей согласны, что речь в этом комментарии идет именно об Александре Янае, который фигурирует в кумранском произведении под именем «яростный молодой лев». Таким образом, подтверждается как практика повешения заживо (распятие), так и достоверность свидетельства Флавием.

Остается, правда, вопрос, имеем ли мы дело с устойчивой традицией или же распятия у евреев были исключительным явлением. В пользу второго предположения говорят известные нам законы о повешении уже мертвого тела, а также возмущение Флавия поступком Янае (Древности, XIII, 14:2). Увы, рукопись комментария на Книгу Наума как раз после фразы «вешал живых людей» испорчена (отсутствует несколько слов). Подавляющее большинство ученых, исходя из вышеприведенных соображений, восстанавливают лакуну следующим образом: «что не делалось прежде в Израиле» ([ашер ло яасе] бисраэль ми-лефаним). Такое прочтение дает нам еще одно подтверждение исключительности распятия у евреев. Однако выдающийся израильский исследователь Игаэль Ядин восстанавливает лакуну прямо противоположным образом: «что делается в Израиле издавна» ([ашер яасе кен] бисраэль ми-лефаним), — связывая содержание стиха с законами «храмового свитка» и утверждая, что распятие — традиционный в Израиле вид казни. В любом случае, представляется несомненным, что распятие имело место в еврейской традиции, хотя и неясно, в еврейском ли мире в целом, у каких-то определенных течений внутри еврейства и на каком историческом этапе[12].

Распятие и крест могли ассоциироваться у евреев конца эпохи Второго храма как с внешним насилием, так и с глубокими конфликтами внутри еврейства, служить как символом мужественного отстаивания своей веры перед внешним врагом, так и символом невинного страдания от рук «своих» злодеев и тиранов.

Приведем два примера, иллюстрирующих первый аспект. В Завете (Успении) Моисея, еврейском псевдоэпиграфе, написанном незадолго до времен Иисуса и сохранившемся в латинской рукописи VI века, говорится о распятии обрезанных в будущие времена, когда «царь царей земли» (вероятно, нееврейский царь) «распнет исповедующих обрезание» (Завет Моисея, 8:1-2).

Аббатѣра Емануѣл Баѣл і а данѣлї еаб а Еолї дѣл а 1957 аа

В Мехильта де-рабби Ишмаэль (не позже второй половины IV века) приводится комментарий выдающегося законоучителя II века н. э. рабби Натана на Шмот, 20:6: «Слова “Любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои” относятся к тем, кто поселился на земле Израиля и рискует жизнью ради исполнения заповедей. Тебя вывели из рабства, а ты будешь обезглавлен — почему? Потому что я обрезал моего сына в израильяне. Тебя вывели из рабства, а ты будешь сожжен — почему? Потому что я читаю Тору. Тебя вывели из рабства, а ты будешь распят — почему? Потому что я ем опресноки...» То есть евреи готовы были принять мученическую смерть на кресте за право соблюдать свои традиции.

Другой аспект темы распятия в раввинистической литературе затрагивает рассказ о приговоренном к распятию праведном Йоси бен Йозере из Цереды, жившем в первой половине II века до н. э. Направляясь к месту казни, праведник тащил на себе крест, в то время как его племянник Якум[13] ехал рядом на коне и издевался над дядей: «Смотри, на какого коня посадил меня мой повелитель, и на какого коня посадил тебя твой повелитель» (Берешит раба, 65:22). Здесь крест выступает атрибутом невинного страдания, и можно провести очевидные параллели с евангельским рассказом о том, как Иисус нес свой крест (Ин., 19:17).

В Тосефте к Сангедрин, 6:4, приводится притча выдающегося законоучителя II века н. э. рабби Меира: «Что значит (Дварим, 21:23) “ибо проклятие Б-га повешено” (синодальный перевод: “проклят пред Б-гом [всякий] повешенный [на дереве]”)? Придумали притчу, чему это подобно: двум братьям, которые были похожи друг на друга: один царствовал над всем миром, а другой вышел разбойником. По истечении некоторого времени тот, который вышел разбойником, был пойман и распят на кресте, и всякий проходивший говорил: “Кажется, что царь распят”. Поэтому сказано: “Ибо проклятие Б-га повешено”». Под царем вселенной в притче явно подразумевается сам Г-сподь, и по сути рабби Меир высказывает следующую мысль: если распинается созданный по образу Б-жьему человек, то распинается сам образ Б-жий.

Известен рассказ о рабби Элеазаре бен Шимоне, в результате сговора которого с римскими властями повесили (или распяли[14]) вора-еврея. Рабби Йеошуа бен Карха гневно упрекнул его: «До каких пор ты будешь посылать народ Б-га нашего на бойню?!» Рабби Элеазар ответил: «Я вырываю сорняки из виноградника». Потом по настоянию рабби Элеазара повесили еще одного преступника, и рабби Элеазар плакал под виселицей (Бава мециа, 23б).

Наконец, внимание многих христианских и еврейских экзегетов привлек эпизод из рассказа об акедат Ицхак (принесении Авраамом в жертву Ицхака) в Берешит, 22:6: «Он взял дрова для всеожжения и положил их на плечи Ицхаку». В Берешит раба, 56:3, эта деталь разъясняется следующим образом: «подобно тому, кто нес свой крест на плечах...» То есть крест в мидраше выступает символом высокой

жертвенности, готовности служить Всевышнему даже ценой своей жизни[15]. Здесь напрашиваются очевидные параллели с евангельским эпизодом следования Иисуса на Голгофу, а в еще большей степени — с речениями Иисуса: «отвергни себя и возьми крест свой» (Мф., 16:24); «последуй за Мною, взяв крест» (Мк., 10:21); «кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостойн Меня» (Мф., 10:38, Лк., 14:27).

К сказанному выше остается добавить, что само распятие и его части приобрели не только у христиан, но и у евреев символическо-сакральное значение — и не только негативное. Тому же рабби Меиру (по другой версии — рабби Йоси) приписывается способ лечения раны, в соответствии с которым «можно носить [от болезни] <...> гвоздь от распятого» (Шабат, 6:10)[16]. Таким образом, по крайней мере некоторые евреи подобно христианам (верящим в чудодейственную силу древних христианских реликвий) приписывали кресту исцеляющую силу: орудие мучений становилось средством излечения.

Ազ ի Գառլ էյ (ը ի ճիւղն «Նյո՛ւն յ քճա՛ն»)։ Անն Ի ան 1995 ԹԹ

Какой вывод можно сделать из вышесказанного? Прежде всего тот, что крест и распятие — древние еврейские архетипы, в начале XX века вновь обретенные еврейским сознанием. В свете этого наполняется новым содержанием конкретно-национальный и универсальный аспект служения Иисуса и его учеников. Иисус обращается к своим ученикам, соплеменникам-евреям: «Идите, научите все народы» (Мф., 28:19) в полном соответствии с заповедями Торы, согласно которым евреи должны нести свет народам: «в этом мудрость ваша и разум ваш перед глазами народов» (Дварим, 4:6). Крест же, принятый ими на себя, — это крест евреев, которых будут преследовать на протяжении многих веков, и апофеоз гонений придется на Холокост. Одновременно крест выступает универсальным символом мучений и гибели невинных страдальцев — как самого Иисуса, так и миллионов евреев до и после него. Не случайно для еврея Эли Визеля, пережившего нацистские лагеря, Б-г ассоциировался с ангелоподобным мальчиком, повешенным в концлагере, и этот эпизод так поразил друга Визеля, французского писателя-католика Франсуа Мориака.

И наконец, евангельская тема крестных мук предстает в новом свете и еще раз обнаруживает всю абсурдность юдофобных клише — «народ-богоубийца», «евреи, распявшие Христа» и т. п., положивших начало христианскому антисемитизму. Если антисемитизм хотя бы частично может дрогнуть под напором историко-рационалистических опровержений (что совсем не очевидно), то еврейская теология распятия могла бы сыграть важную роль.

[1]. *Даже в современных израильских религиозных школах «+», арифметический знак сложения, пишут как перевернутую «т».*

[2]. *О христианской символике и образе страдающего Иисуса в творчестве еврейских писателей и художников XX века см.: Роскес Д. Вопреки апокалипсису. Ответы на Катастрофу в современной еврейской культуре. Иерусалим, 1989. С. 282 и далее; Maisels Z.A. The Jewish Jesus // Journal of Jewish Art, 9, 1982. P. 84–104; Brown M. On Crucifying the Jews // Judaism, 27, 1978. P. 476–480; Hoffman M. Us and the Cross: Russian-Jewish Intellectuals take a stand on the Crucifix Question // Journal of Jewish Studies, 53, 2002. P. 354–370.*

- [3]. См.: *Crucifixion // The Anchor Yale Bible Dictionary. Yale UP, 1992. Vol. I. P. 1207.*
- [4]. См.: *Kohn H., Gibson S. Crucifixion // Encyclopaedia Judaica (2nd ed.)* и библиографию к статье.
- [5]. По этому вопросу историки очень рано разделились во мнениях. См., например, *W. Smith «Crucifixion», A Dictionary of the Bible, 1863, p. 369, col. 1: «Был ли этот вид казни известен древним евреям — предмет споров».*
- [6]. См., например: *Hirsch E.G. The Crucifixion, viewed from Jewish viewpoint. Chicago—Cincinnati, 1892. P. 43.* Автор подчеркивает, что евреи (автор ссылается на Филона и Флавия) с ужасом воспринимали распятие живого человека, и распятие не могло у них применяться.
- [7]. *Мартин Хенгель полагает, что распятие как позорнейший вид казни было заимствовано еврейским миром именно для кары за особые, из ряда вон выходящие преступления, прежде всего предательство своего народа перед лицом врагов-иноземцев (Hengel M. Crucifixion in the ancient world and the folly of the message of the cross. Fortress Press, 1978. P. 84).*
- [8]. См. ст. «Цалав» в *Jastrow M. A Dictionary of the the Targumim, The Talmud Bavli and Yerushalmi, and the Midrashic literature. London—NY, 1903. P. 1282.*
- [9]. *Young B. The Cross, Jesus and the Jewish People // Immanuel, 24/25, 1990. P. 28–29, n. 17.*
- [10]. См. «4Q541» (транслитерацию и перевод) в: *Eisenman N.R., Wise M. Dead Sea Scrolls Uncovered. Shaftesbury, 1992.*
- [11]. Текст 4Q541 настолько поврежден, что предлагаются альтернативные прочтения, не имеющие ничего общего с указанным переводом: «...пойми, что спросил голубь, и не наказывай его чайкой, и сову не приближай к нему». См.: *The Dead Sea Scrolls Study Edition. Ed. by F. García Martínez & E.J.C. Tigchelaar. Vol. 2. Brill, 1998. P. 1079.*
- [12]. *Chapman D.W. Ancient Jewish and Christian Perceptions of Crucifixion. Tübingen, 2008. P. 5–6.*
- [13]. В комментариях Сончино указывается, что Йоси бен Йозер был приговорен к распятию сирийским генералом Бакхидом (Мак. I, 7:5-18), а Якум отождествляется с нечестивым первосвященником Алкимом.
- [14]. Как указывает Д. Гальперин, «в арамейском языке Вавилонского Талмуда закаф используется для обозначения распятия вместо цалав» (*Halperin D. Crucifixion, the Nahum Peshet, and the Rabbinic Penalty of Strangulation // Journal of Jewish Studies, 32, 1981. P. 38 n.*).
- [15]. Интерпретации христианских и еврейских экзегетов детально рассматривается в: *Kessler E. Bound by the Bible. Jews, Christians and the sacrifice of Isaac. Cambridge, 2004. P. 112–116.*
- [16]. Впрочем, тут же приводится другое мнение: «Р. Меир [р. Йоси] запрещает носить эти вещи и в будни, ибо ношение их есть обычай амореев [запрещенное языческое суеверие]» (Шабат, 6:10). Любопытно, что Маймонид, который самым резким образом выступал против колдовства, ворожбы, использования амулетов и т. п., считая все это полным вздором, разрешал выходить в шабат с гвоздем от распятия, поскольку полагал, что такой гвоздь исцеляет больного от неспадающего жара (см. Мишне Тора. Сефер зманим, Шабат, 19:13, и комментарии на Шабат, 6:10).

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2011 НИСАН 5771 – 4 (228)

НАШ ДЕТСКИЙ САД

Ἰ ἀδελφὲ Ἑβραϊστῆ

Мария Даниловна Либерсон родилась в 1890 году в Полтаве в семье аптекаря. После погромов 1907 года ее семья уехала в Германию, откуда вскоре переехала в Палестину. Но Мария не вынесла разлуки со своим гимназическим другом Зиновием Марковичем и вернулась в Россию. В Петербурге училась на Высших женских курсах, создала «Кружок одиноких», переписывалась с Александром Блоком. Во время первой мировой войны организовала детский сад для еврейских детей. Ее дочь Лилианна Лунгина вспоминает: «В дневниках она с необычайной любовью пишет об этих мальчиках и девочках, о том, как трудно их было заполучить, как матери, нищие, голодные, тем не менее боялись отдавать детей, как она их уговаривала, и описывает историю сада день за днем, о каждом ребенке что-то пишет. Это трогательно, я почти не могла читать без слез, потому что о каких-то совершенно для меня поначалу абстрактных Мойшах и Юдифях мама писала с такой любовью <...> как будто бы она из них выращивала редкостные цветы. Каждый был экземпляр сам по себе, каждого поливали особой водой в особом режиме, и вот постепенно, по мере того как я читала дневник, эти дети расцветали: кто умел петь, кто умел танцевать потом, кто умел лепить или читать стихи. Совершенно забытые, задавленные, они превращались в маленькие растеньица, любовно выхоженные. И конечно, я была этим пленена. Я увидела, когда стала читать дневник, маму в другом свете»¹. В статье «Наш детский сад», опубликованной в педагогическом журнале «Вестник еврейского просвещения» (1914, № 32), издававшемся Обществом распространения просвещения между евреями в России, Мария Либерсон рассказывает о семьях евреев — запасных солдат и других еврейских семьях, дети из которых попали в их сад, о численности группы и материальном обеспечении сада, о различных воспитательных методах и о безусловных успехах этого эксперимента. Выражаем признательность Олегу Дорману, который предоставил текст для публикации в журнале.

*Ἑβραϊστὴ καὶ Ἑβραϊστὴν ἐν ἀδελφῷ
Ἰ ἀδελφὲ Ἀλὶ ἐβραϊστῆ Ἑβραϊστῆ. 1920-ά ἡ αἰὼν*

[1]

Если дети дошкольного возраста всегда нуждались в особенно бережном и внимательном уходе, который семья, за редким исключением, не могла им предоставить, то теперь, в переживаемое нами исключительное время, нужда эта обострилась до последней степени. В обыкновенное время даже малоинтеллигентные родители понимали, что детей не следует водить на душераздирающие драмы, что при них не следует рассказывать о кровавых злодеяниях; что им не надо давать страшных картин резни и побоищ. Даже малоопытные воспитатели понимали, что рассказы о грабежах и убийствах пагубно действуют на детскую психику и расстраивают воображение. Мы все, насколько могли, оберегали детство от крови, преступлений и слез. Но что же нам теперь делать, когда вся наша жизнь превратилась в сплошную кровавую драму? А вся наша пресса — в непрерывную повесть о победах и поражениях?.. Мы, взрослые, совсем как-то перестали стесняться детей. При них читаем вслух газеты с описаниями ужаснейших побоищ. Их делаем слушателями страшных, умопомрачительных рассказов о человеческой жестокости.

Мы перестали щадить детей.

Дети не понимают политики. Они не знают ни истории, ни исторической необходимости, ни тех громких и утешительных лозунгов, которые могут многим из нас объяснить и оправдать войну. Дети способны воспринимать лишь голые факты. Они слышат, что где-то взрослые люди режут и убивают друг друга. Они знают, что их отцы или братья тоже кого-то убивают и могут быть кем-то убитыми. А раз это делают взрослые, значит — это надо делать. Значит, это хорошо. И дети, как во всем прочем, в этом тоже стараются подражать взрослым. Дети играют в войну. У них есть свои разведчики, свои шпионы, свои убитые. Мальчики самого нежного возраста уже сожалеют о том, что не могут «по-настоящему» воевать. Девочки играют в сестер милосердия. «Так весело играть в раненых!» — сказала мне одна маленькая семилетняя девочка.

И хочется всеми силами воспрепятствовать этому страшному влиянию войны на детей. Хочется из богатых домов и бедных подвалов забрать всех детей и увести на какой-нибудь далекий Остров Мира, где ничего не знают о войне, где нет ни военных телеграмм, ни лазаретов, где нельзя найти даже оловянных солдатиков и игрушечных ружей... Хочется увести всех детей и оставить их на этом острове среди голубей и цветов, — пока не кончится война и с нею весь кошмар. Но — такого острова нет, и поэтому приходится довольствоваться теми маленькими островками, которые называются «детскими очагами» и которые, к счастью, все в большем и большем количестве появляются на кровавой и мутной поверхности нашей теперешней жизни. «Детские очаги», наряду с заботой о физическом уходе и о питании детей, хотя бы на время отвлекают их от того деморализующего влияния, которое оказывают на них современные события. Много сотен детей, обездоленных и осиротевших, находят в этих очагах приют, физическую и моральную поддержку.

Но в русские очаги еврейские матери неохотно отдают своих детей. На это есть много причин: некошерная пища, недостаточно хорошее отношение к еврейским детям, если не со стороны воспитательниц, то со стороны самих детей. Наконец, обычное недоверие, которое мешает еврейским матерям отводить своих малышей в русские учреждения.

Для бедного еврейского населения Петрограда существуют всего-навсего два очага: один — при училище О-ва Просвещения, другой — открытый Еврейским Обществом воспитания и образования. Описанию этого последнего очага, существующего всего лишь два месяца (открыт 4 декабря 1914 г.), и посвящена настоящая статья.

Прежде чем говорить о внутреннем устройстве нашего сада и о тех педагогических принципах, на основании которых ведутся занятия в нем, я вкратце поделюсь с читателями результатом моего обхода семейств запасных Нарвского района, где Обществом Воспитания решено было открыть первый очаг. Обход этот был предпринят с целью выяснить количество детей запасных дошкольного возраста, нуждающихся в очаге. Я обошла 21 семью запасных.

Много страдания и нищеты пришлось мне увидеть во время этого обхода. Приходилось спускаться в подвалы и подниматься на чердаки. Приходилось говорить с матерями, дети которых не ели ничего со вчерашнего вечера. Положение семей запасных очень печально. Обыкновенно это были довольно зажиточные ремесленники, зарабатывавшие часто до 150–200 руб. в месяц. Теперь им приходится жить на 20–30 руб. в месяц. Многих я застала в полном разорении. Если бы Еврейская Община не оказывала им поддержки, им грозил бы жестокий голод. Представьте себе большой мрачный дом в конце Измайловского пр., грязный двор и сырую темную лестницу, на которой днем без спичек нельзя прочесть номера квартиры. Звонок на дверях испорчен, и приходится стучать. Дверь открывает изможденная худая женщина с маленьким ребенком на руках. Через тесную и дымную кухню вы входите в небольшую комнату, перегороденную ситцевой занавеской. Из всех углов выползают грязные ребятишки, которые обступают вас со всех сторон. Из-за занавески выходит другая женщина, тоже с ребенком на руках. Дети смотрят на вас с любопытством. Матери — подозрительно. Но после двух-трех слов, сказанных на разговорном еврейском языке, подозрительность исчезает и заменяется необычайной словоохотливостью. Почти большинство посещенных мною семей производят такое же жуткое впечатление нищеты и убожества.

Но я не буду утомлять внимания читателя описанием этих картин.

Мы выработали ряд вопросов, ответы на которые я старалась получить у матерей. Вопросы эти следующие:

- 1) Давно ли в Петрограде родители?
- 2) Откуда приехали?

- 3) Чем занимался отец и сколько зарабатывал?
- 4) Не получали ли пособия прежде, сколько и от какого учреждения? Сколько получают теперь пособия?
- 5) Сколько платят за квартиру?
- 6) Имеет ли мать заработок и какой?
- 7) Работает ли дома и с кем оставляет детей, когда уходит?
- 8) Когда взяли отца? Не ранен ли?
- 9) Учатся ли старшие дети? Где? Кто платит за них?
- 10) Может ли мать приводить детей в сад и приходит за ними?
- 11) Здоровы ли отец и мать?
- 12) Не умирали ли дети? От каких болезней?
- 13) Не болеют ли дети? Чем болеют? Нет ли золотухи, рахита, малокровия?
- 14) Была ли корь?
- 15) Если мать не хочет отдать детей в сад, то по какой причине?

В трех семействах дети по возрасту не подходят к очагу; одна семья выехала в другой район. Поэтому полученные мною данные относятся лишь к 17 семействам запасных. <...> Средний заработок колебался от 60 до 250 руб. в месяц. У 13-ти матерей нет никакого заработка. Они, по их выражению, «не ученые», и ничего делать не умеют. У 4-х есть заработок от 15 до 30 руб. в месяц. Они занимаются шитьем и торгуют старым платьем. Из 17 матерей — 7 здоровых, 10 больных. Размер получаемого теперь пособия колеблется от 10 до 15 руб. в месяц, причем почти никто из матерей точно не знает названия того учреждения, которое им помогает... За квартиру платят от 18 до 50 руб. в месяц. За комнату — от 10 до 20 руб. В большинстве случаев это сырые и полутемные комнаты. У всех раньше была прислуга. Теперь есть прислуга только в двух семьях. Мужья у всех были призваны в первую мобилизацию. Ранены — лишь у двух. Преимущественно все матери страдают малокровием, но встречаются болезни и более серьезные: ревматизм, туберкулез, порок сердца. В 8-ми семействах — здоровые дети, в 9-ти — дети больные, страдают, главным образом, сильным малокровием и золотухой. В одной семье мне пришлось видеть мальчика 4-х лет и девочку 3-х лет с пороком сердца. У многих детей отсутствие аппетита, землистый цвет лица. Многие совершенно не дышат свежим воздухом, так как у них нет теплого пальто и не в чем их водить гулять. У одной девочки 3 раза было воспаление легких. Во всех семействах старшие дети учатся. Все почти посещают еврейское училище О-ва Просвещения. В двух семьях дети учатся в русской городской школе. Эти матери очень просят учить детей еврейскому языку после их возвращения из школы.

***Ааоһеёё нӓ, їаӓтеҫӓӓїїӓе Аааеһеёі їаїаӓӓӓї аїӓеӓӓеӓё е їаӓаҫӓӓїеӓё.
Їӓӓӓӓӓӓӓ 1914 ӓӓ***

При упоминании об очаге лишь одна маленькая болезненная 6-летняя девочка начала плакать. Оказывается, мать отвела ее на днях в русский очаг, где дети толкали ее и называли «жидовкой».

Со всеми детьми мы сразу становились друзьями, и они нетерпеливо спрашивали: можно ли им уже завтра прийти? Матери выражали горячую благодарность Обществу за заботу о детях. Обещание давать детям обед производило всегда на матерей и на детей должное впечатление.

Таким образом, из 17-ти семейств запасных я записала в очаг 16 детей.

Кроме того, я посетила еще 15 семейств. Это семьи не запасных, но еще больших бедняков. Отчасти меня направляли к ним жены запасных, отчасти бедные матери сами приходили ко мне, прося принять их детей в очаг.

Положение этих несчастных произвело на меня еще более тяжелое впечатление, чем положение семейств запасных, у которых есть, по крайней мере, воспоминание об относительно хорошей жизни. Семьи запасных жили сравнительно в довольстве, и у них есть надежда, что, когда кончится война и вернуться их мужья, они перестанут терпеть лишения. Их нужда носит временный характер. Они выбиты из колеи и больше всего страдают от резкого контраста между их материальным положением полгода тому назад и теперешним. Но не печальнее ли положение тех хронических бедняков, у которых нет даже хороших воспоминаний и которым не на что надеяться? <...> Из семейств не запасных я записала 29 детей.

Из 16 детей запасных трое детей не приходят в сад из-за дальности расстояния. Таким образом, в нашем саду записано теперь 40 детей; 18 детей запасных и 27 других детей. Все дети в возрасте от 3 до 7 лет. Всего у нас 21 девочка и 19 мальчиков. 17 детей от 6 до 7 лет, 14 детей от 4 до 5 лет и 9 детей до 4-х лет.

Наш сад помещается во втором этаже. У нас просторная раздевальня, умывальная комната, столовая, учительская и две большие комнаты, где дети занимаются и играют. В квартире — электрическое освещение, пользование которым нам предоставило бесплатно одно из электрических обществ.

В умывальной комнате устроен большой желоб и 5 кранов, у которых дети сами моются по очереди.

Основным принципом воспитания, положенным нами в основу нашей работы, является свобода движений ребенка. В школьном и особенно дошкольном возрасте должны быть упразднены неподвижные парты и общие скамейки, которые прикрепляют ребенка к определенному месту и мешают развитию легких,

свободных движений. Исходя из этого принципа, меблировка нашего сада состоит из легких маленьких столиков, за которыми могут сидеть двое детей, и из плетеных изящных креслиц, которые дети сами переставляют по желанию. Кроме этого, в каждой комнате стоит этажерка, настолько низкая, что даже дети 3-х лет сами могут доставать те пособия, которыми они хотят заняться. На таком же уровне повешена черная доска из линолеума, на которой юные художники выводят цветными мелками самые фантастические узоры.

Опишу вкратце распределение дня в нашем саду. Дети должны собраться к десяти часам утра, фактически многие из них приходят значительно раньше. Прежде всего, дети отправляются в умывальную комнату и моют руки, лицо, уши и шею, если они недостаточно чистые, затем все надевают голубые передники и идут в самую большую комнату, где поют приветствие утру, солнышку и «детскому дому». <...> После приветствия пьют теплое молоко или ячменный кофе, причем дежурные дети сами разносят кружечки, убирают со стола, моют посуду, поливают цветы, чистят клетку, меняют рыбкам воду. К передникам дежурных прикалываются цветные банты, и дети всегда с радостью ждут своей очереди «быть дежурными».

В 11 часов дети разделяются на 3 группы. Старшие, 6 и 7 лет, занимаются по-древнееврейски. Дети проявляют большую любовь к этим урокам и показывают заметные успехи. Средняя группа (от 5 до 6 лет) обводит карандашом по системе Монтессори контуры геометрических фигур или, путем ощупывания вырезанных из наждачной бумаги букв, знакомится с русской азбукой. Эти занятия носят характер забавной игры. Так, господин «У» хочет «сниматься». Он обходит всех «фотографов»-детей, и кто лучше всех его «снимет» (изобразит на бумаге его «портрет»), тому он выдает медаль... из промокательной бумаги. При знакомстве с буквами делается ряд изумительных открытий. Так, оказывается, что самая добрая буква — это маленькое «а»: она идет всегда с протянутой рукой и как бы говорит: «На, возьми». Самое сердитое — это «р». Оно рычит, как собака при виде кошки...

Большим успехом пользуется наш импровизированный «балет букв». Дети отдельно или группами «олицетворяют» собою ту или иную букву соответствующими движениями или позами. Так, напр., «Н» изображают двое детей, протягивая друг другу руки. Маленькое «г» изображается, стоя на одной правой ноге и согнув поднятую над головой левую руку, и т. д.

В то время как в одной комнате занимаются по-еврейски, в другой играют с русскими буквами, в третьей комнате самые маленькие дети тоже занимаются своим делом. Они или раскладывают катушки цветного шелка (знакомясь с цветами), или складывают различные фигуры из палочек, играют в самодельное лото, вырезают самые элементарные контуры из бумаги и т. д.

В 12 часов дети отправляются гулять. Каждый ребенок получает кусочек хлеба, чтобы кормить птиц. Во время прогулки мы утилизируем все впечатления, чтобы чему-нибудь научиться. Пока куры на нашем дворе клюют хлеб, мы внимательно считаем, сколько у них ног, сколько пальцев на каждой ноге и т. д. Мы гуляем и по улице, чтобы приучить детей ориентироваться и подготовить их к будущим экскурсиям, которые мы собираемся предпринимать весной.

В час дети возвращаются домой, моют руки и обедают. Дежурные раздают всем тарелки с супом и с мясом, также бумажные салфетки. За обедом мы тоже уже многому научились. Мы знаем, что хлеб из корзинки надо брать вилкой, что есть нельзя руками, что надо говорить «спасибо» и «пожалуйста». После обеда большинство детей принимает лекарство, а потом все моют зубы. Это занятие пользуется большим успехом, особенно у малышек. После обеда — кто устал, может отдыхать, так как у нас есть корзинки с тюфячками и подушечками, в которых малышки спят.

Два раза в неделю от 3-х до 4-х приходит преподаватель пения. Уроки пения пользуются большим успехом у детей, и этих уроков ждут всегда с большим интересом. Пока поют песенки на русском и на разговорно-еврейском яз. Скоро будут петь и древнееврейские песни. Остальные 4 часа в неделю в эти часы дети занимаются лепкой, рисованием, вырезыванием или вышиванием, причем одновременно в одной комнате лепят, в другой вышивают или рисуют, и каждый ребенок, смотря по склонности, присоединяется к той или другой группе. <...>

В 4 часа дети получают кисель с молоком или какую-нибудь молочную кашу, а в 5 часов уходят домой. Перед уходом дети по очереди убирают комнаты, складывают игрушки, подметают пол, моют доску и клеенку на столе.

В четверг дети стирают свои платочки и чистят ручки от дверей. Самым большим наказанием для них является запрещение стирать, и каждый своим хорошим поведением добивается чести «быть прачкой». Таким образом, труд в глазах детей становится привлекательным и желанным.

Раз в неделю посещает нас женщина-врач, а также и зубной врач, следящий за состоянием зубов у детей.

Каждую пятницу в саду детям моют головы и меняют белье, которое выдается им тут же. Это приучает матерей и детей к чистоте, в чем, признаться, чувствуется настоятельная необходимость.

Наш детский сад существует всего лишь два месяца. <...> Меня поразила в первое время ограниченность понятий у наших детей. На мой вопрос, сколько ног у курицы, все ответили — 3. А у петуха? 5 — был ответ. Откуда берется молоко? Из молочной, сказали дети. А в молочной откуда берется? Этого уже никто не знал. На вопрос: «Как зовут ребенка коровы?» — все ответили хором: «Бык!» Никто не знал, что такое осень, хотя были дети, которым уже исполнилось 7 лет. Очень плохо различали цвета. Не понимали, что значит «больше» или «меньше». Не знали, какого цвета трава. Многие смешивали слова: «вчера» и «завтра». «Я завтра была в гостях», — говорила девочка 6-ти лет. Никто не умел сам одеваться. Ели руками и не умели умываться, не говоря уже о том, что большинство детей никогда не держали зубной щетки в руках. Почти все дети очень малокровны и рахитичны. Особенно тяжелое впечатление производил один маленький трехлетний мальчик Арончик с непропорционально большой головой, всегда склоненной на бок, неподвижный и безмолвный. В первое время он был настолько апатичен, что мог целый час простоять без движения на том месте, на котором его поставили, и смотреть в одну точку. Его все считали отсталым ребенком. Теперь этот мальчик преобразился. Он бегает и улыбается, прекрасно различает цвета, знает названия овощей и цветов, умеет безошибочно отличать на картинке василек от тюльпана, тюльпан от мака. Особенно он оживляется во время уроков пения, к которому питает исключительное пристрастие. Когда все дети стройно запели: «Доброе утро, солнышко», Арончик радостно улыбнулся. Эта была его первая улыбка в детском саду.

Те, кто имел случай ознакомиться с публиковавшимися несколько раз любопытными статистическими данными анкеты среди еврейских детей, знают, до каких невероятных размеров доходит у наших детей незнакомство с окружающей природой. Достаточно напомнить, что значительное количество одесских детей никогда не видели моря, дети, живущие в маленьких местечках, окруженных деревьями, никогда не видели поля или леса, не говоря уж о незнакомстве даже с домашними животными. Петербургские еврейские дети находятся в этом смысле в наиболее неблагоприятных условиях.

Чтобы сблизить детей с природой, насколько это возможно в условиях петербургской жизни, да еще зимой, мы завели золотых рыбок, птичку и цветы, за которыми сами дети заботливо ухаживают. Недавно мы сами сеяли траву. Это было целое событие. Дети разрыхлили землю, полили ее и засеяли, недоверчиво спрашивая: «Неужели вырастет “заправдашняя травка”?» И, несмотря на мои уверения, сильно сомневались в этом. В первый день посева пятилетний Гриша каждые полчаса подбегал к окну, на котором стояли тарелки с посевом, и разочарованно восклицал: «Не выросла!» Через несколько дней стали показываться всходы. На черной земле появились два-три ростка. Я взяла тарелку и сказала: «Маленькая травка проснулась и говорит: “Доброе утро, солнышко! Доброе утро, наш Детский Дом!” <...> Теперь у нас произрастает посаженный детьми Mogen-Dowid (из кресс-салата) и некоторые буквы русской азбуки. Надо видеть восторг детей, когда на их глазах просыпается, протирает глазки и глядит на Б-жий свет «господин а» или «і». Это ознакомление с азбукой в форме сближения с природой или вообще в форме какой-нибудь игры имеет у детей огромный успех и дает прекрасные результаты.

Мне кажется, что Руссо был не прав, говоря, что маленьким детям недоступен поэтический язык природы. Им только часто бывает недоступен перевод этого языка, который делается взрослыми. Дети прекрасно понимают символы и необыкновенно быстро схватывают поэтические образы, если только эти образы не слишком сложны и запутанны. Как музыкальный слух, так и «слух к поэтическим образам» можно и должно развивать с самого раннего возраста. Тогда в зрелом возрасте у нас будут более чуткое ухо и более чуткая душа. Этот «поэтический язык» развивается не фантастическими сказками, которые часто слишком возбуждают детское воображение, а одухотворением окружающих предметов. Для ребенка не должно быть деления природы на живую и мертвую. Для ребенка — все живое, и каждая мельчайшая крупинка соли имеет для него свою трогательную и поэтическую историю.

Из коллективных работ, сделанных детьми в нашем саду, опишу лото, календарь и часы. Материалом для всего этого послужили наглядно-звуковые прописи (издание Павленкова). Прописи эти стоят всего лишь 8 коп. и заключают в себе больше 400 самых разнообразных картинок, вырезывая которые

можно создавать самые различные игры. Каждый лист состоит из 28 картинок. Из них ребенок прежде всего должен найти нужную картинку. Это полезное упражнение внимания. Некоторые дети находят очень быстро нужный рисунок, другие до того рассеянны, что никак не могут отыскать то, что нужно. Найдя картинку, надо ее аккуратно вырезать, чтобы не порезать соседние. Это упражнение ловкости руки и глаза. После этого ребенок наклеивает вырезанную картинку на картон, приучаясь обращаться аккуратно с клеем и не пачкать бумаги. В середине картонной папки наклеивается детьми какая-нибудь открытка или большая картинка, изображающая собой «тему»: лес, вода и проч. Вокруг нее наклеиваются до 10-ти вырезанных детьми маленьких картинок, имеющих непосредственное отношение к данной теме. В нашем лото имеются следующие сюжеты: лес, сад, различные ремесла, музыкальные инструменты, посуда, мебель и т. д. Художественные открытки мы подбираем преимущественно еврейского содержания. Дети очень любят свое самодельное лото, и им не надоест почти ежедневно играть в него. Дети вообще постояннее взрослых. Ребенок с большим удовольствием слушает сказку, которую знает уже на память, и не бросает старых, часто даже разломанных игрушек.

Придя в детский сад, никто из детей не знал ни числа, ни названия дней недели. Устройство календаря являлось поэтому весьма существенным для нас. Но наш календарь очень непохож на те, что продаются в магазинах, и взрослые едва ли без наших объяснений поймут что-либо в нем. Зато дети прекрасно понимают его язык и теперь безошибочно знают все дни недели. Наш календарь состоит из семи листочков бумаги разного цвета. У нас разноцветные дни, и на каждом дне наклеена вырезанная картинка, символизирующая то самое значительное, что отличает этот день от другого в нашем саду. Так, воскресенье у нас оранжевое, и на нем наклеена бутылочка с лекарством. Это значит, что в воскресенье к нам приходит доктор. Понедельник сиреневого цвета, и на нем наклеена скрипка. В этот день бывает у нас учитель пения. Пятница у нас зеленая, и на ней изображены две зажженные свечи. Дети знают, что мать их в этот вечер совершает над свечами субботнюю молитву. Суббота у нас розового цвета, цвета радости. На ней нет никакой картинки, так как это день отдыха, и дети не приходят в очаг. В таком же духе изображены и другие дни.

Опишу теперь наши самодельные часы, которыми дети особенно гордятся. Наш циферблат состоит не из 12-ти делений, как у взрослых, а из 24-х, изображающих круглые сутки. Каждый час отмечен особой картинкой, изображающей жизнь ребенка в данный промежуток времени. Так, напр., перед часом дня наклеена суповая чашка, вилка и ложка, символизирующие обед. Перед 5 часами вечера наклеена лампа. Значит, наступил уже вечер. Перед восемью — стоит кровать, и в ней спит маленькая девочка. Потом начинаются сны. Ими заняты все ночные часы. <...>

Любопытно отметить благотворное влияние наших «часов». Некоторые из детей дурно обращались раньше с нашими живыми питомцами: рыбками и птичкой. После ознакомления с придуманной нами трогательной историей, иллюстрированной на наших «часах», где даже волк, заслушавшись пения птички, не тронул бедного зайца, — дети эти заметно переменили свое отношение к живым обитателям нашего сада.

Перед восемью часами утра наклеен кран, полотенце и гребешок. Это — маленький урок гигиены. Все цифры дня — светлые. Чем ближе к вечеру, тем цифры становятся темнее. Ночью они черные. Промежуточные часы заполнены соответствующими картинками, изображающими различные моменты из жизни детского дня.

Кроме этого, дети сделали модель комнаты, где они занимаются, и кухни, до мельчайших подробностей, вплоть до кнопки электричества.

Теперь мы усиленно готовимся к предстоящему празднику Пурим.

В заключение мне хочется сказать несколько слов об общем характере нашей работы и о ближайших целях ее.

В последнее время в педагогическом мире очень много горячих споров вызвала система Марии Монтессори. <...> Я лично больше склоняюсь к системе Марии Монтессори, к ее проникновенному и вдумчивому отношению к ребенку. Но еще более разумным и целесообразным я считаю брать лучшее, что есть у Монтессори, Фребеля и других известных педагогов, устраняя все лишнее и не подходящее к нашим детям.

Метод Монтессори, применявшийся сначала с успехом в Италии и приобретший затем огромную популярность в Западной Европе и Америке, все же не может быть целиком перенят нами, в

применении к еврейским детям. Ибо ни один итальянский, французский или американский ребенок, будь он даже из самых демократических слоев, не живет в той своеобразной обстановке, которая создается в еврейской семье с ее традициями, ни один из них не испытывает тех особых, специфически еврейских, обид, и не чувствует себя таким забитым и ободенным, как еврейский ребенок.

Все это еще в большей степени применимо к детям еврейской бедноты, здесь, в холодном Петрограде, где еврейские дети часто являются невольными свидетелями тех оскорблений и унижений, которые так часто выпадают на долю их родителей.

И нашей первой задачей является дать ребенку эту столь необходимую ему ласку, создать ему уют и скрасить, насколько это в наших силах, его нерадостное и часто уродливое детство.

Стараясь приблизить детей к условиям нормального детства, мы должны считаться с их психикой как с психикой еврейских детей. Надо развить в них чувство личного и национального достоинства, заставить этих маленьких людей сбросить с себя ту забитость и приниженность, которые так характерны для детей еврейской бедноты.

В нашем саду, который мы называем «Детским Домом», ребенок должен чувствовать себя действительно дома, должен с радостью бежать к нам как на отдых и с огорчением покидать нас.

Лучшим удовлетворением и наградой являются для меня многочисленные вопросы детей, задающиеся в пятницу перед уходом: «А завтра можно прийти?», и огорчение их, когда они получают отрицательные ответы.

Итак, игры, беседы, сказки, наука в самом ограниченном размере, заботы о здоровье и о правильном физическом и нравственном воспитании детей — вот содержание нашей работы. Все это мы делаем постепенно, стараясь не обременять детей обилием впечатлений.

Для развития национального достоинства, что я считаю одной из основных обязанностей наших, мы стараемся в легкой беседе знакомить детей с еврейской историей, рассказываем им еврейские сказки, рассказы из еврейского быта, петь с ними еврейские песни. И в легкой, незаметной для детей форме создавать у них сознание того, что они дети хотя и гонимого, но одаренного и сильного духом народа.

* * *

Война когда-нибудь кончится, и «Дневной очаг для детей евреев-запасных» превратится в бесплатный «Детский Дом для еврейских детей». Мы надеемся, что он будет все расширяться и совершенствоваться, создавая подлинный культурный уголок, дающий радость нашим детям. И в этом горячем желании озарить безотрадное детство еврейской бедноты мы черпаем силы для дальнейшей работы.

Ἰσάεὲς αἰὸς Ἰεσὴν Ἄγιος αἰὼς

Ἄ Ἰσάαὶ ἰὰ Ἰσάεὲς αἰὸς Ἄγιος Ὀδῆρ Ἰεσὴν (Ἀδελφεῖς ἰ ἰά-αἰὸς εἰς Ἐἰσὴν Ὑδαὶ αἰὸς — 120 // Ἐσάαει. 2011. ¹ 2) ἰ δῶνα αἰὸς ἰ δεσφῆ ἰ εἰσὴν ἰ Ἀσάα ἰ αἰὸς αἰ, εἰ Ὀἰδῆ ἰ ἰ ἰ δῶνα αἰ αἰ εἰ αἰ εἰ - εἰ Ὀδῆ αἰ.

ὈΔΙ Ε ΕΝΘΙ ΒΕΕΟ

Нет в еврейской истории советского периода человека более противоречивой, а в какой-то степени и трагической судьбы, чем Илья Григорьевич Эренбург. По своему значению и роли в еврейской среде он сопоставим разве что с другим знаменитым евреем — Соломоном Михоэлсом, но — «русскоязычным Михоэлсом». И к тому, и к другому — влиятельнейшим и высокопоставленным посредникам между еврейской массой и верховной властью — рекою текли обиженные антисемитами, отчаявшиеся в жизни, добивающиеся справедливости после истребительной войны с фашизмом евреи.

Об Эренбурге написаны в России и на Западе десятки, если не сотни книг, сотни, если не тысячи статей и исследований. Да и сам Эренбург оставил богатейшее литературное и публицистическое наследие. Казалось бы, о нем сказано все — но это не так: фигуру масштаба Эренбурга неммыслимо осветить досконально, останутся для дотошных исследователей завтрашнего дня обойденные безжалостным светом теневые места.

Эренбург не был героем, и за это никто не вправе его судить. Он, сколько известно, не совершил позорных поступков и предательства — как большинство его прославленных современников и коллег. И спасибо на том: удержаться было и трудно, и страшно.

Борис Фрезинский в своей статье останавливается, в частности, на письме Ильи Эренбурга участникам вечера памяти Переца Маркиша (25 ноября 1960 года) — первого вечера памяти поэта после его посмертной реабилитации и возвращения его семьи из ссылки. Устройством и организацией вечера занималась Комиссия по литературному наследию Переца Маркиша, она приглашала участников вечера — в их числе и Илью Эренбурга, который принял приглашение, а затем и подтвердил свое участие в вечере.

Я был на том вечере. Желавшие попасть на «еврейский вечер» в большой зал ЦДЛ толпились на зимней улице, их было около тысячи человек, если не больше. Движение по ул. Герцена было нарушено и приостановилось. Появилась озабоченная милиция — пешая и конная. Толпа безбилетников, потеряв всякую надежду, рассеялась лишь полчаса спустя после начала вечера.

Зал был битком набит, за кулисами устроители готовились начинать. Все участники приехали — кроме Эренбурга. В тревоге стали звонить ему по телефону, и выяснилось, что совершенно внезапно открылись обстоятельства, помешавшие Илье Григорьевичу приехать и выступить. Но его шофер уже в пути, он везет в ЦДЛ текст, который Эренбург намеревался прочитать на вечере перед собравшимися.

Устроители — а среди них были известные, поднаторевшие в советской «культурной политике» люди — испытали смущение и неловкость: никто не сомневался в том, что осторожный Эренбург, отменив свое выступление, последовал указанию или «совету» сверху. Надо признать, что его появление в переполненном донельзя зале, его участие в еврейском вечере, посвященном памяти расстрелянного поэта, добавило бы «мероприятию» нежелательную, с точки зрения властей, политическую окраску. И Илья Григорьевич не приехал. Текст его прочувствованного, сильного выступления прочитала, если мне память не изменяет, актриса Циля Львовна Мансурова. Этот текст и был воспроизведен в книге мемуаров моей матери Э. Маркиш. Вот как было дело...

За пятнадцать лет до этого, находясь в заграничной командировке в Париже и Лондоне, Эренбург в ответ на поставленный вопрос скрыл от журналистов известный ему факт — арест еврейских писателей Маркиша, Бергельсона, других. Комментируя это «умолчание», Фрезинский пишет: «Обвинения в умолчании есть и в мемуарах Э. Маркиш “Столь долгое возвращение” (1989) и “Отражение света” (2007), но ведь никому не приходит в голову обвинять ее саму, живую свидетельницу ареста П. Маркиша, в том, что она побоялась сообщить о случившемся, например, в израильское посольство». Если это шутка — то это неудачная шутка. Если же Фрезинский говорит всерьез, то он, как видно, не понимает, о чем говорит: в 1949 году невозможно было ни проникнуть в израильское посольство, ни приблизиться к нему, ни позвонить туда, ни передать кому-либо из израильтян какое-либо сообщение. В сталинские времена это было не просто невозможно — это было совершенно невозможно.

Есть в публикации Бориса Фрезинского и еще несколько неточностей и натяжек, на которых я не хочу здесь останавливаться.

Ааааа I ааааа

[1]. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2010. С. 25.

ЭПИЛОГ

אֲדַבְּרֶנּוּ עִתָּאֵינוּ אִי

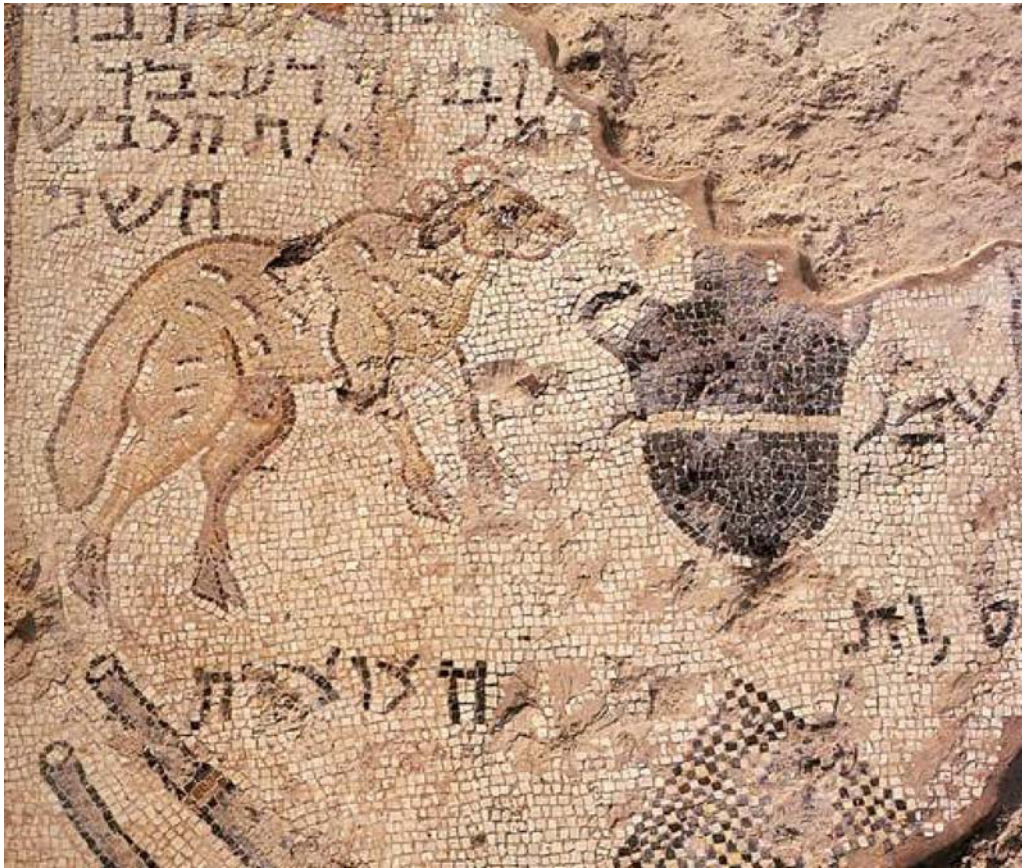
Отрекся я от волшебства.
Как все земные существа,
Своим я предоставлен силам.
На этом острове унылом
Меня оставить и проклясть
Иль взять в Неаполь — ваша власть.

У. Шекспир. Буря.
Перевод М. Донского

Волшебства никакого нет. Эпилог выходит на сцену, сняв маску, и беседует со зрителями. Иногда рассказывает о дальнейшей судьбе героев. О какой судьбе я могу рассказать? О страшной смерти рабби Акивы? О безмятежной старости Мартина Хайдеггера? О чудесах на могиле рабби Меира? Остается один персонаж, который еще не умер и представляет (по крайней мере, для меня) определенный интерес. Этот персонаж — «историк», «автор», от чьего лица я писал свои эссе.

Волшебство историка есть искусство нахождения целого. Мелкие камушки слов, рассыпанных в документах прошлого, слагаются перед историком в мозаику. Это происходит вдруг и мгновенно («быстрый холод вдохновенья волосы подъемлет на челе»). Потом мозаика долго пылится в углу мастерской, пока ей не найдут рамку. Тогда она станет медальоном, овальным украшением стен. За пределами выпуклой рамки истории нет. Но по мере того как историк стареет, рамка начинает ему мешать. Ведь стремление к целому не имеет границ. Хочется найти секрет позади и вокруг медальонов, за пределами книг и статей. Обнаружить бытие вообще. Такое желание абсурдно. Сама задача историка лежит во времени, а не в вечности. Нужно распознать границы эпох, увидеть различия, ощутить движение от картины к картине. У вечности истории не бывает.

Вечность — искушение Платона, как и «бытие по правде», «истинное бытие», познаваемое в экстазе и в напряжении разума. Если отрезать от «истинного бытия» платоновский миф (о колеснице и о пещере), то искушение не уйдет и не исчезнет. Изменится только топография. В мифе истинное бытие располагалось в надзвездной сфере. Мы унесем его на землю, объявим себя врагами Платона и друзьями жизни — экстаз и напряжение разума приведут нас к тому же недостижимому пределу, к бытию, которого нет. И что же это за бытие, что за существование? Поэзия, отрада Платона и его враг. «Существовать — высшее самолюбие художника. Он не хочет другого рая, кроме бытия, и когда ему говорят о действительности, он только горько усмехается, потому что знает бесконечно более убедительную действительность искусства». Так пишет Осип Мандельштам в статье «Утро акмеизма». Платон вылезает здесь из каждой щели. Например: «Камень как бы возжаждал иного бытия». Или платоническое выворачивание библейского стиха: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма».

*«Ἰταίη δαείεα ἐὸν Ὀλοῦ Ἀποδαῖε, ἐ ἰπῶν Ἀαδῆ ἔ αἰ μῆ τῆν ἄρῆεαὸ δῆε ἰὰ πῆτῶν
γῶτῶ δαείεα ῥαδῆεῖ δαείεα ἰδῶν Ἀ-μῆτῆ ὁ ἀπῆα ἄ Ὀλοῦ Ἀποδαῖε. Ἀἰγῆ ἐ ἐδῆτῆ δαείεα ἐ
ἰαῖτῆ αἰ ἰαῖεῖν ἰὰ αἰπῶν ἰ ἰ δῆτῆ αἰδῶ αἰτῆεα» (Οἰ ἰὸ, 29:10-12). Ὀδαῖ αἰὸ ἰ ἰϕῆεῖ ἐϕ
πῆτῶν ἄ Ὀεῖτῆ. V. αἰ. ε.»*

Дальнейшая судьба поэта известна. Смерть по дороге на Колыму в грязи и позоре. Рай бытия оказался по ту сторону от жизни. Между бытием и жизнью есть конфликт, который разрешается с помощью цикуты. Цикуту собирают на склонах Гимета, растирают в терке и дают осужденному выпить. Все это — за счет Афинского государства. Если же осужденный выблюет цикуту на землю и останется жив, родственники должны купить следующую порцию за свой счет. Хорошо, что яд рассосался по телу Сократа. Сократ умер достойно и прилично по приговору афинского народного суда, не обременя друзей и родственников дополнительными расходами.

Не так умер рабби Акива: ему палач сдирал мясо с костей железными крючьями. К казни этой Реш Лакиш применил слова псалма (Теилим, 139:17): «Как драгоценны для меня мысли Твои и как велико их число!» Реш Лакиш прочел вместо рееха («мысли Твои») реаха («ближние Твои»): «Как драгоценны для меня ближние Твои и как велико их число!» Праведники близки Б-гу, и смерть их драгоценна для Б-га. Но в будущем драгоценной станет любая смерть. Ведь души, созданные Б-гом в начале творения, постепенно истрепляются и изнаются. Когда же кончится запас душ, остановится круг рождений и смертей и придет Мессия, Машиах. Об этом сказал рабби Йосе: «Сын Давида не придет, пока не иссякнут все души, назначенные к рождению. Ведь сказано (Йешаяу, 57:16): “Ибо не вечно Я буду вести тяжбу и гневаться, но обветшают передо Мною дух и души, которые Я сотворил”» (Авода зара, 5а). Платон же считал, что души праведников, достигших высшего знания, не будут более падать в тела. Для праведников время остановится и наступит вечность.

Когда римляне разрушили наш Храм и сожгли наше святилище, не стало возможности приносить жертвы на алтаре, изгонять в пустыню козла отпущения, поить горькой водой соту — жену, заподозренную в разврате. Тогда рабби Ишмаэль говорил: «Поскольку искоренили у нас Тору, то приказано миру прийти в запустение, чтобы жен не брать и детей не рождать и чтобы седьмой день перед обрезанием сына не праздновать, пока не иссякнет семья Авраама». Мудрецы же ответили ему: «Лучше пусть нарушают заповеди ненамеренно, чем умышленно».

Когда Храм был разрушен, умножились фарисеи. Они не ели мяса и не пили вина. Спросил у них рабби Йеошуа: «Почему вы не едите мяса?» Ответили ему: «Как же нам есть мясо, если жертва тамид не возлагается больше на жертвенник?» «Хорошо, не будем есть мяса, — сказал рабби Йеошуа. — А почему вы не пьете вина?» — «Как же нам пить вино, которое в прежние дни возливалось на жертвенник, а теперь не возливается?» — «Хорошо, не будем пить вина, — сказал рабби Йеошуа. — Но уж тогда и хлеб давайте не есть. Ведь раньше были хлебные приношения. И воду давайте не пить. Ведь в праздник Суккот вода проливалась на жертвенник. Виноград и смоквы также давайте не есть. Ведь первинки их приносили в Шмини ацерет». Смолчали фарисеи и не знали, что ответить.

И сказал им рабби Йеошуа: «Дети мои, не следует чересчур предаваться скорби, хотя вовсе не скорбеть тоже нельзя. Но так сказали мудрецы: “Если белит человек свой дом, пусть оставит самую малость небеленой в память об Иерусалиме, и если готовит человек пиршество или женщина делает себе украшения, пусть оставят самую малость недоделанной в память об Иерусалиме”. Ибо сказано (Теилим, 137:5-6): “Если забуду тебя, Иерусалим, пусть забудется моя правая рука. Если не буду помнить, пусть язык мой прилипнет к гортани, если не вознесу Иерусалим во главу веселья моего”. И все скорбящие о нем в этом мире будут веселиться с ним в мире грядущем, ибо сказано (Йешаяу, 66:10): “Веселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! Возрадуйтесь с ним радостью, все скорбившие о нем”» (Тосефта, Сота 15:5).

Действие закончено, спектакль продолжается. Эпилог, вышедший было прощаться и уже купивший билет в Неаполь, растерянно поправляет пиджак и начинает читать:

*Àà ìdèèèì íàò áæàæää é íááó
Ì íé ýçíé è àà ìòñíí óò
Dúèè, àíèè ý çàáóóó
Óðàì òáíé, Èáðñíèèì !..*

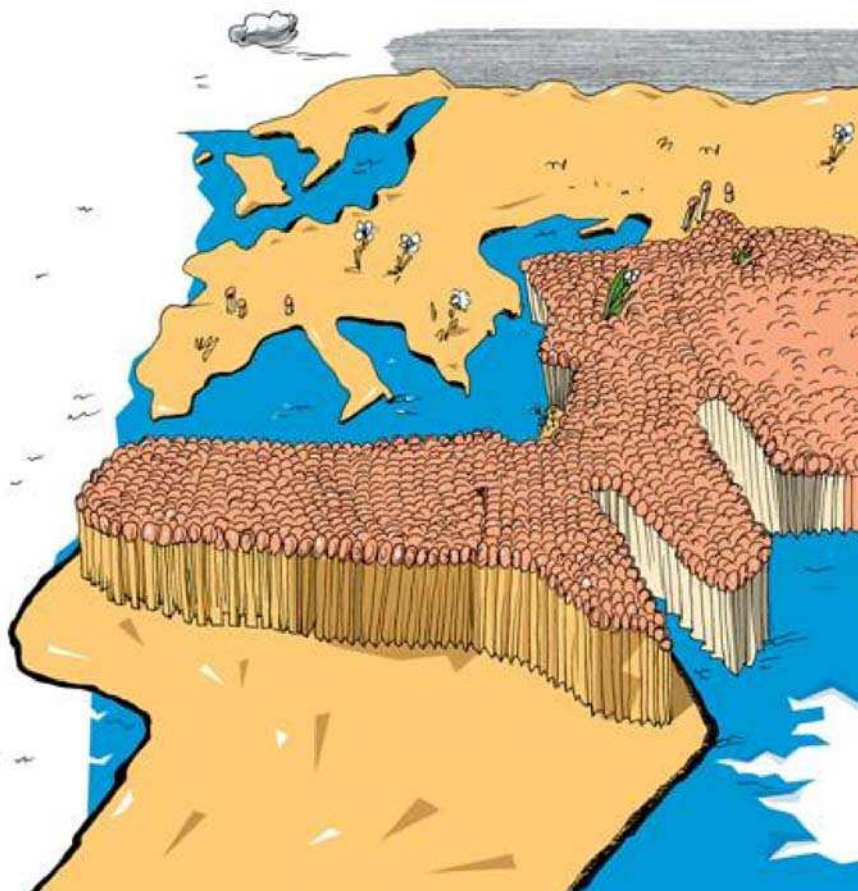
*Lechzend klebe mir die Zunge
An dem Gaumen, und es welke
Meine rechte Hand, vergäßlich
Jemals dein, Jerusalem*

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

«ЕВРЕЙСКИЙ Б-Г ЩЕДР НА ЧУДЕСА»

יְדַעְיָהוּ אֶת-עֲשׂוֹתָיו אֲשֶׁר-עָשָׂה לְעַמּוֹת הָאָרֶץ וְיִדְעוּ-עַל-יָדוֹ אֶת-יְשׁוּעוֹתָיו וְיִתְחַלְּלוּ אֶת-יְהוָה וְיִתְפָּאֲרוּ בְּעַשׂוֹתָיו

אֵלֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְיִתְפָּאֲרוּ בְּעַשׂוֹתָיו

Михаил Эдельштейн Почему последние события на Ближнем Востоке произошли так внезапно?

Евгений Сатановский Любые революции происходят внезапно, именно поэтому так печально кончают династии, и, как мы видим сегодня по арабскому миру, не только династии, но и авторитарные лидеры, правившие по несколько десятилетий. Нормальная революционная ситуация — накопилось: народ не хочет терпеть власть, власть не может управлять народом. Но власть обычно самоуверенна и наивна, поэтому для нее произошедшее оказалось сюрпризом. А сторонние наблюдатели, как правило, видят все через призму официоза, вот они ничего толком и не смогли предсказать.

МЭВсе ищут кукловода — он есть?

ЕСОдного виноватого нет, всё гораздо хуже: все действуют против всех. В свою дудочку дует Иран, у которого с Египтом серьезные счета. Эмир Катара — крошечного Катара с немислимым ВВП 145 тысяч долларов на человека — реализует свои претензии на геополитическое величие через канал «Аль-Джазира», который пластает всех и вся, являясь на Ближнем Востоке подрывным элементом номер один. За кадром остаются «Братья-мусульмане», эшелонированно наступающие на всех фронтах будущего халифата

и при этом вежливо пропускающие на первый план то оппозиционные элиты, как в Тунисе, то армию, либералов и вестернизаторов, как в Египте. Они всем дают возможность пройти по минному полю, а сами ждут, пока ситуация созреет и власть упадет к ним в руки.

Есть, наконец, западный мир, многотысячная армада фондов, правозащитных структур, отдельных людей вроде Сороса, которые раскачивают лодки, причем все сразу. Откуда-то ведь появилась в египетских электронных СМИ брошюра с подробными инструкциями, как объединять вокруг себя люмпенизированные массы, что брать на демонстрацию, как забрызгать краской смотровой щиток на полицейском шлеме. Действовало ли американское посольство специально на подрыв режима Мубарака? Да нет, оно исходило из понимания американцами справедливости и демократии.

Когда столько векторов направлено в одну сторону, лодка опрокидывается. И все страшно изумляются.

МЭ Демократия и народные восстания на Ближнем Востоке обречены на то, чтобы привести к власти исламистов, или есть варианты?

ЕС Варианты, разумеется, есть. Например, может произойти чудо и, как говорил Шимон Перес (человек, которому глубоко за 80, а он так ничего и не понял и все еще надеется на «новый Ближний Восток»), все эти «новые демократии» наладят отношения с Израилем. Когда еврейский Б-г устает от глупостей, которые творит Его избранный народ, Он, тяжело вздохнув, в очередной раз расщедривается на чудеса. Мы видим это по обнаружению газа на шельфе Израиля, хотя еще буквально вчера поставкам из Египта не было, казалось, никакой альтернативы.

Но если не брать чудеса — да, исламисты. Демократия в исламском мире всегда приводит к торжеству ислама. Это может быть менее радикальный политический ислам, как в Турции, — хотя кто сказал, что, придя к власти, умеренный ислам не станет радикализироваться? Это может быть изначально радикальный ислам, как в Иране. Кстати, в Иране шаха ведь тоже свергли все на свете, и в 1979 году на умеренно консервативном базаре, с которым шах поссорился из-за навязываемой вестернизации, все весело смеялись бы, если б им сказали, что какой-то там аятолла возьмет власть в Персии, и описали, что за этим последует. И когда создавали Пакистан, Мухаммед Али Джинна был абсолютно светским человеком: он пил виски и жена у него была парсианка. А что такое Пакистан сегодня?

Мы видим неуклонную исламизацию общественной жизни на всем Ближнем и Среднем Востоке. Александрия из светского левантийского города, где еще 20 лет назад на улицах не было женщин в хиджабах, превратилась в город, где женщина в хиджабе — норма. И процесс этот вышел далеко за пределы региона: улицы английского Лутона патрулируют бритоголовые с бульдогами, потому что нет другого способа остановить людей, которые плюют в лицо родителям убитых в Афганистане британских солдат во время похорон.

МЭ Насколько вероятна перекройка политической карты Ближнего Востока?

ЕС Не только Ближнего Востока, но и Африки. Постколониальный мир скроен из бывших провинций Британской и Французской империй. При нарезке этих провинций этнические или религиозные границы не учитывались — напротив, специально сшивались мусульманские и немусульманские регионы. И вот мы видим первый прецедент: распад Судана в январе этого года. А почему Фецан, Киренаика и Триполитания должны называться единой Ливией? Кто сказал, что должна быть единым государством Саудовская Аравия, сшитая в 1920–1930-х годах прошлого столетия Ибн-Саудом из разных территориальных лоскутов с помощью дикой жестокости и большой крови?

МЭ Саудовская Аравия вспыхнет?

ЕС Не может не вспыхнуть, саудовская геронтократия (средний возраст короля или наследного принца — 85–87 лет, куда там нашему Политбюро!) рухнет. У нее есть два детонатора: шиитская Восточная провинция, на территории которой самые большие запасы нефти в стране и где запрещено строить шиитские мечети, и Йемен. Последний, кстати, тоже неизбежно распадется на два государства, ибо элита Южного Йемена не получила от объединения 1990 года ничего.

МЭ А какое отношение Йемен имеет к Саудовской Аравии?

ЕССаудовская Аравия — это 18 миллионов собственного населения и примерно 5 миллионов иностранных рабочих. Йемен — это 23 с половиной миллиона йеменцев, которые не выпускают из рук автомат Калашникова, постоянно воюя племя на племя, а ополчения племен имеют на вооружении тяжелую технику. Последние столкновения йеменских северных племен хоуси с элитной национальной гвардией Саудовской Аравии привели к тому, что гвардия была разгромлена. Если эти люди до сих пор не снесли свое правительство, то лишь потому, что вся страна находится под действием легкого местного наркотика кат. При этом в Йемене дичайший водный голод, а Саудовская Аравия производит на экспорт пшеницу, поскольку там гигантские подземные линзы пресной воды. Не будем забывать также, что саудовцы еще в 1920-х годах оккупировали часть йеменской территории. Неужели нищие йеменцы не атакуют купающихся в роскоши соседей?

Саудовский король пытается, как и другие монархи Персидского залива, залатать ситуацию в своей стране вливанием десятков миллиардов долларов. Но ситуация для всех монархий Залива очень тревожная, а для саудовцев практически безнадежная.

МЭНовыми региональными лидерами в результате всех этих событий становятся Турция и Иран?

ЕСДа, на сегодня в бенефициарах две империи: новая Оттоманская и националистическая Персидская. Сейчас в Иране происходит смена элит: «старых большевиков», извлекая все экономические и политические преференции из революции, скидывает с их постов генералитет корпуса стражей исламской революции и лидеры ополчения «Басидж». Эти люди сидели в окопах в войну с Ираком, сегодня им за 50, и они жаждут власти и денег. Причем сегодняшняя Иран уже не шиитская империя, он контролирует и целый ряд суннитских группировок, тот же «Хамас» попросту перекуплен им у Эр-Рияда. Иран договорился с Турцией, и это очень опасно. Это своеобразный новый пакт Молотова—Риббентропа по разделу зон влияния в Ираке после ухода оттуда американцев. Наверное, через несколько десятилетий их интересы столкнутся, но до той поры много чего может произойти.

МЭЧто из всего этого следует для Израиля?

ЕСЭто очень мрачная перспектива для Израиля. Обама и европейцы нуждаются в нормальных отношениях с теми, кто будет править регионом, а Израиль они сдадут «на раз», как почти сдали в 1973 году. Ситуация очень тяжела: экономические интересы, мощное исламское лобби, очень серьезное антиизраильское еврейское лобби — Джей-стрит. Наконец, самый антиизраильский за долгие годы президент США. Не случайно весь исламский мир убежден, что Барак (полностью — Мубарак) Хусейн Обама — мусульманин, который вынужден это скрывать. Мне приходилось общаться с людьми, которые отвечают в обамовской администрации за «Глобальный ноль», программу денуклеаризации Израиля и Ирана — более звериного антисемитизма, более фанатичного антиизраильского настроения я в американской элите не видел давно.

Мы находимся в преддверии того момента, когда уровень безопасности Израиля опустится ниже, чем перед началом Шестидневной войны. Посмотрите на его окружение. Нынешний режим в Иордании может рухнуть, это более чем вероятно, учитывая ситуацию с колоссальными финансовыми и земельными спекуляциями семьи Ясин — родственников королевы Рании, которые вызвали серьезный демарш иорданских бедуинов. Уже сегодня главная сила в парламенте Иордании — палестинские исламисты. Если они придут к власти или если «Хамас» возьмет власть на Западном берегу — Иордания перестанет существовать. В Газе эксперимент Шарона привел к тому, к чему привел: сегодня Газа — это плацдарм Ирана, нафаршированный нацеленными на Израиль ракетами. Эксперимент Барака, выведшего из Южного Ливана израильскую армию, и неудача Ливанской кампании 2006 года привели к созданию такого же плацдарма у северной границы Израиля. Кэмп-Дэвидский договор будет разорван, любое египетское правительство через год ли, через десять лет вынуждено будет сделать это.

При этом Израиль будет иметь противниками совсем другие армии, совсем другие террористические группировки, чем раньше: «Хамас» и «Хизбалла» — это не феодалы, Южный Ливан и Газа превращены в эшелонированные укрепленные районы. Отряды боевиков в несколько десятков тысяч человек, включая командос и морских командос, — это настоящие армии. Плюс Иран — очень серьезная военная сила: кадрированные части камикадзе, единственные в мире, кроме северокорейских, ракеты, которые достают до Израиля. Причем Иран явно налаживает отношения с Египтом — проход иранских судов через Суэц демонстрирует это. Да и сама египетская армия перевооружена американским оружием, это сегодня десятая армия мира по численности. Уже начался ввод египетских частей на Синай под предлогом подавления бедуинских беспорядков. Я боюсь, что в итоге может возникнуть ситуация, когда единственным

выходом для Израиля будет удар неконвенциональным оружием по Асуанской плотине, в результате которого Египет просто смоеет. От египетской армии Израиль отобьется, если Америка будет во время возможного израильско-египетского военного конфликта поставлять оружие и запчасти Израилю и прекратит их поставки Египту. Но, учитывая сегодняшнюю позицию администрации США, мы можем быть уверены, что этого не произойдет.

В самом Израиле левые не имеют в ближайшее время никаких шансов прийти к власти, раскол в «Аводе» показывает это. Но заблокировать любые инициативы правительства и парламента они могут — прежде всего через контролируемую ими юридическую систему. Может повториться ситуация, когда войска Тита осаждали Иерусалим, а в городе зелоты били сикариев, сикарии — фарисеев, и все вместе — саддукеев. Правда, теперь на заседаниях кнессета друг друга не убивают, а просто лоббируют свои интересы через Америку, через Европу, даже через Турцию. И вот бесконечно наивная в своем негодовании Хиллари Клинтон жалуется, что Барак обещал заморозить строительство поселений и чуть ли не снести правительство, но не сдержал слова. Ситуация, когда министры действуют де-факто против интересов своей страны, удивительна и уникальна, это невозможно ни в Америке, ни в России, но в Израиле это норма.

МЭА как это может повлиять на Россию, кроме потери египетских пляжей и изменения цен на нефть?

Есть тысячи наших граждан, учившихся и живших в Египте, Тунисе, Саудовской Аравии, Пакистане, вернутся или уже вернулись в Россию. Плюс Штаты уходят из Афганистана и Ирака, а значит, возникает возможность передислокации на российскую территорию джамаата Булгар, состоящего из этнических башкир, татар, представителей других поволжских народностей и сегодня воюющего с американцами, базируясь на афгано-пакистанском пограничье. Повышается вероятность исламистского взрыва в Татарстане и Башкортостане, такого же, как в Ингушетии или Кабардино-Балкарии.

Сегодня исламистское лобби присутствует и в Госдуме, и в СМИ. Активно работает «Исламский комитет» Гейдара Джемаля, его поддерживает журналистский семейный тандем Максима Шевченко и Надежды Кеворковой. Депутат-единоросс Семен Багдасаров открыто требует исключения «Братьев-мусульман» из списка террористических организаций. Если это лобби будет поддержано вернувшейся из охваченных волнениями стран Ближнего и Среднего Востока многотысячной исламистской «общественностью», у которой понятные корни и понятные связи, ситуация с безопасностью в России может ухудшиться на порядок.

ПУНКТ ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

У Агнона есть волнующий образ. В неких тайных землях проживает племя великанов, могучее воинство, чей удел — приготовить мир к приходу Машиаха. Под этим племенем комментаторы понимают проживающие тайно на земле десять колен, своеобразный родственный резерв, который придет на помощь евреям в трудную минуту. Путешествующий герой Агнона случайно встречает в пустыне представителя этого племени и упрощает его передать своему народу послание — призыв поспешить на выручку угнетенным евреям. И великаны откликаются.

Этот трогательный образ надежды на родственную помощь воплощает в себе чаяние единства народа, мысль о народе как семье. Когда в молитве говорится о заслугах праотцев, этот оборот экзистенциально подкреплен уверенностью в дополнительной милости Всевышнего по отношению к ныне живущим за счет достоинств предыдущих поколений.

Поступки предков являются или образцом для твоего собственного поведения, или унаследованной проблемой, которую приходится решать самостоятельно. Это и понятно: легко быть порядочным человеком, если твой отец такой, легко быть добрым, если твоя мать добра. Эта легкость и есть рациональная награда. Но рациональное — только верхушка айсберга. Взгляд Всевышнего, вмещающий отношение к данному индивиду и одновременно ко всем его предкам (почему и не к потомкам?), — не вполне постижим человеком. Вопрос не в справедливости наказания или поощрения за несовершенные поступки, а в том, как происходит укоренение в вечности, в которой нет ничего, кроме Б-га.

Есть сущности в человеческой жизни, которые глубинно понимаешь только в определенном возрасте. Когда приходится туго, всегда инстинктивно опираешься на приобретенный опыт и пытаешься воспроизвести опробованный алгоритм выхода из ситуации. Но, разумеется, случаются такие передрыги, когда не помогает ничего. И тогда все упирается в запас стойкости. Но какая может быть стойкость у человека, у которого земля ушла из-под ног? История человечества знает множество примеров геройского, мужественного поведения. Но бывает так, что ни один из них не только не соответствует обстоятельствам, но и не способен вдохновить. Однако это все теория. Эмпирика сообщает, что пережить можно все. Именно все. Без почти.

*Ἰ εὐδοκίαι Ἐσπίταε-
Ἐἰδρεά, εἰσι οἱδ ταυεἰτῶ πᾶσι οἱ εἰτα πᾶσα Ἐἰρεάσα, Ὁαδιστᾶναγ ταε.*

1930-ἰ πᾶν

На следующий день после того, как у деда моей матери увели со двора в колхоз всю скотину, конфисковали ульи, косилку и телегу, он проснулся и, как сам вспоминал, вздохнул с облегчением: «Впервые в жизни мне утром ничего не надо было делать. Все заботы советская власть отняла».

Через месяц его вместе с женой и четырьмя сыновьями выслали в Восточный Казахстан. В 1930 году времена были еще вегетарианские, и сосланный за религиозные убеждения мог уцелеть. Более того, в Казахстане прадеду каким-то чудом удалось убедить власть пересмотреть — не свое дело, а место ссылки, — и в результате семья была перенаправлена в Азербайджан. По дороге мой дед, которому было тогда 22 года, заболел тифом, его сняли с поезда, и отец ничего не знал о судьбе своего первенца в течение двух лет.

Так почему было так важно переиграть место ссылки и снова отправиться в мучительный подконвойный путь через всю страну? Дело в том, что у прадеда, вместе со всем имуществом, конфисковали свиток Торы. А подарен он был общиной субботников из села Привольное, находящегося на юге Азербайджана.

На всех своих фотографиях Митрофан Иванович Корока изображен в кепке, даже на паспорт он отказался сниматься без головного убора. В детстве я спросил мать: «Почему?» — и узнал, что прадед был человеком еврейской веры, субботником, кантором, то есть руководителем общины. Это сообщение почему-то вызвало во мне меньше удивления, чем годом раньше осознание того, что отец и его мать, моя вторая бабушка, Циля, — евреи. Мне отчего-то казалось, что моя мать не могла не иметь отношения к еврейству; и, надо сказать, я еще не видел столь классического образа страстной «а идише маме», чем тот, что воплощен в моей маме.

На фотографиях прадед выглядит очень строгим, подтянутым человеком с твердым, несколько даже суровым взглядом. Рождения 1882 года, он унаследовал веру от своих предков, будучи человеком зажиточным, содержал в родном селе Козиевка Харьковской области молельный дом и был, как я уже

говорил, старостой общины, которая имела тесные связи с другими субботниками, расселенными по всему югу Российской империи.

Нижняя Волга, Кавказ и Закавказье еще с екатерининских времен были местами ссылки сектантов — молокан, духоборов, «жидовствующих». В Астраханской губернии и в Южном Азербайджане на границе с Ираном имелись два ссыльных поселения с одинаковыми названиями — Пришиб, от «пришибать», «наказывать». Рядом с персидским Пришибом, населенным в основном молоканами (наряду с «солдатскими» — так назывались потомки солдат, которые охраняли ссыльных), было основано село Привольное, где большинство составляли субботники и геры (герами называли выходцев из субботников, признававших талмудический иудаизм, поскольку кто-то из их предков прошел обучение в классической ешиве и, может быть, потом женился на еврейке).

Расчет прадеда состоял в том, что субботники Привольного, с которыми он состоял в переписке, смогут его поддержать в это трудное время. Но поселиться в Привольном ему не дали: места эти стали строго охраняемой погранзоной. Прадед вскоре похоронил жену, нашел старшего сына и определил на учебу младших. Дед мой, Григорий, подхваченный ураганом великих пятилеток, выучился на строителя и стал строить заводы на Апшероне. В 1936 году у него умерла при родах жена. Митрофан Иванович взял на себя внучку, нашел ей няньку — мою бабушку, оказавшуюся на Апшероне после голода 1933 года, когда на Ставрополье погибла вся ее семья. Через два года прадед встал перед ней на колени и попросил ее стать женой Григорию.

В 1939 году Григорий пошел на Финскую войну, откуда вернулся с ранением и контузией. Тогда же был призван в армию младший его брат, всеобщий любимец Петр, который погиб в августе 1941-го под Киевом. Второй сын тоже погиб вскоре после начала войны. Григорий по ранению призван не был и работал в «Военстрое»: сооружал линии обороны нефтяных полей от Майкопа до Баку, строил аэродромы.

Теперь внимание. После получения похоронок Митрофан Иванович кладет в вещмешок краюху хлеба и отправляется по оккупированным территориям в свою родную Козиевку. Время в пути — три месяца. Двигался в основном ночью, днем отлеживался в подходящем или не слишком подходящем убежище. В степи калмыцкой. В лесу под Пятигорском, засыпав себя листьями. Сплетал из лыка сиденья, которые перед ночевкой навязывал между ветвей... В Козиевке он поселяется в землянке близ избы лесника. С помощью сбереженных еще с царских времен золотых червонцев обзаводится козами и коровой. Вскоре налаживает связь с партизанским отрядом: сообщает разведывательные сведения, поставляет молочные продукты и регулярно принимает участие в партизанских акциях. Причем после каждой операции он берет у командира отряда записку, которая содержит точное описание его, Митрофана Ивановича Короки, функции в данной вылазке. Однажды прадеду довелось спасти партизана, которого немцы привязали к дереву над муравейником.

После войны прадеда арестовали как человека, самовольно покинувшего место поселения. Спасли тетрадные листы с расписками командиров двух партизанских отрядов. Три месяца длилось расследование, и прадеда отпустили. До самой смерти в 1964 году он жил в Козиевке, потихоньку восстанавливал общину, держал коз и занимался садоводством; был знаменит тем, что прекрасно умел прививать деревья и селекционировал.

Я был в позапрошлом году в Козиевке, расположенной, кстати, неподалеку от Сквородиновки, места жительства Григория Сквороды. Прадеда там помнят как доброго, отзывчивого человека. Сама Козиевка — невероятной красоты село, погруженное в живописный ландшафт и окруженное реликтовыми лесами. Такого леса — одновременно дремучего и светлого, — где господствуют дуб и вяз, я никогда не видел. Старики показали мне место, где стоял дом прадеда (есть фотография: он сидит за столом и с помощью лупы пересчитывает зернышки в маковой коробочке, а за его спиной на соломенную крышу мазанки взбирается проказливая коза). За домом открывается живописная котловина выпаса, дальше идет каскад прудов — ставки. Умер Митрофан Иванович по дороге домой, ведя своих коз как раз из этой луговой ложбины, от сердечного приступа. Умер в покое, я уверен, — как уверен и в том, что он знал: в свой послужной список он может внести и факт спасения своего правнука, добавив меня сразу после того партизана, которого едва живого отвязал от ствола дерева, погруженного в муравейник.

НИКОГДА ИПОГЕШУ

Аי תא עמעתא

У моего давнего приятеля, израильянина в шестом поколении, есть присловье: «Кмо штей макбилёт ше никогда ипогешу» («Как две параллельные, которые никогда не пересекутся»). Обучил его этой фразе с аллюзией на социальную приложимость евклидовой геометрии школьный учитель математики, родом из России, для которого «никогда» было словом, не требующим перевода. В почти полном соответствии с этой формулировкой и взаимодействовали во время больших волн алии 70-х и 90-х годов прошлого века русскоязычные и ивритоязычные СМИ.

Примерно так они взаимодействуют и сейчас, хотя для многих выходцев из России и их детей иврит стал родным или почти родным языком. А ведь еще недавно считалось, что «никогда ипогешу» отменится в этой сфере само собой, как только журналисты-иммигранты овладеют ивритом. Многие овладели. Почему же хромоногая фраза о свойствах параллелей остается в силе?

Не потому ли, что дело вовсе не в языке, а в праве и способности той или иной общественной группы выразить в общественном разговоре свое особое восприятие окружающей реальности?

Большая часть ивритоязычных до сих пор убеждена, что такого права не существует и не должно существовать. Даже когда речь идет о пятой части населения страны.

Понять такую позицию можно. Большую часть израильского общества составляют иммигранты из самых разных стран. Не существуй общего языка и культурной доминанты, мы бы имели дело с библейской проблематикой Вавилонской башни. С другой стороны, заяви русскоязычность претензию на обеспечение подобной возможности внятно, решительно и последовательно, она бы ее получила, поскольку демократия только тогда демократия, когда у каждого меньшинства есть обеспеченная возможность на равных участвовать в общем социо-политическом дискурсе. Однако по какой-то причине русскоязычные журналисты алии 1970-х, как и представители прессы 1990-х, так и не попытались стать всеизраильскими факторами влияния.

Между тем существует не менее 10–15 популярных интернетных сайтов, говорящих по-русски и рассчитанных на тех, кто родился уже в Израиле или приехал сюда в молодом возрасте. Почему же никто из них так и не проявил острого желания включиться в общеизраильский разговор на паритетных началах? И как получилось, что у ивритоязычности — что тоже странно — не возникло настоятельной потребности досконально выяснить, чем живет каждый пятый израильянин?

Попробуем поискать ответы на этот вопрос, не обещая, впрочем, что они обнаружатся с бесспорной убедительностью.

Относительно алии 1970-х вряд ли можно говорить об обоюдном нежелании искать точки соприкосновения. Желание как раз было. А вот с точками соприкосновения получилось нехорошо. Их не оказалось.

Залмансон, одинокая и всеми забытая, проводит сидячую забастовку возле Стены Плача». При этом автора не интересует ни проблематика просионистской деятельности российского еврейства, ни отношение Израиля к этой деятельности. Он даже не объясняет, по какой причине Сильва Залмансон объявила забастовку или почему осталась в одиночестве. Речь идет лишь о том, что объявление Сильвы национальной героиней на день и полное невнимание к ее существованию назавтра есть рабочая неизбежность деятельности СМИ, являющихся всего лишь постановщиками театрального по своей сути действия: привлечения внимания читателя к газете как объекту купли-продажи. Сегодня подобное высказывание уже не удивляет, а в 1975 году в ивритоязычности оно обозначало бунт, потрясение основ и начало информационной революции. СМИ все еще считались тогда не столько сторожевым псом демократии, сколько рупором национальных интересов. Согласно существовавшим понятиям, они должны были подчиняться государственным задачам, выражать консенсусную точку зрения, соблюдать строгую самоцензуру и радеть о целостности национального этоса. Иначе говоря, служить конвоем для препровождения граждан к более счастливому будущему, пусть даже за счет журналистской объективности.

А молодой нахал говорил о СМИ как о бесстрашном информаторе и постановщике газетных спектаклей, героями которых мог стать кто угодно. Если, конечно, журналист знал, как этого «кого угодно» правильно подать. В этой интерпретации личность, каким бы ни был ее общественный вес, превращается в объект журналистской манипуляции от эффективности которой, а вовсе не от жизненных действий самой личности зависит ее общественный статус.

Надо сказать, что такой взгляд на вещи тогда еще не был повсеместно принят даже в США, где Барух Адам стажировался. А для традиционной ивритоязычности он и вовсе оказался мулетью. Да и то сказать, спор о подобной журналистике все еще не закончен ни в США, ни в Израиле, ни в Европе, а в последнее время стало даже модным ругать этот манипулятивный, или, как его еще называют, «рейтинговый», подход. Ну а в 1975 году это был и вовсе скандал.

И оставался скандалом даже десятилетием позже, когда тот же Адам Барух в компании единомышленников изменил графический вид одной из ведущих ивритоязычных газет, украсив передовицы огромного размера фотографиями и броскими заголовками. Объем газетного текста при этом значительно сократился, изменив как штатное расписание издания, так и его характер. Старые и знаменитые журналисты скандалили или, ворча, перестраивались, а критики получили моральное право обозвать обновленную газету таблоидом. И те и другие называли Адама Баруха королем желтой прессы и прилюдно подвергали его остракизму, но в конечном счете американский подход победил.

Русскоязычным же СМИ такой подход был совершенно чужд. Не только в 1975-м, но и в 1995-м, а то и в 2005 году. Текст всегда был и все еще остается основой русскоязычности, и не только в Израиле. Борьба между традиционным приоритетом текста над картинкой и содержания над манипулятивной силой графического оформления на этом поле продолжается по сей день. Посему эта дилемма, а с ней и информационная революция обошли в 1980-х годах израильскую русскоязычность стороной.

Да и то сказать, ее угнетали совсем другие заботы. В самой распространенной газете «Наша страна» зарплаты у журналистов были мизерными, рабочий штат неукоснительно сокращался и даже туалетную бумагу хозяин держал под замком. Что уж говорить об остальных изданиях! Не до реформ им было, остаться бы только на плаву. Впрочем, сила русскоязычности была не в журналистике, а в эссеистике, которой обсуждаемая революция не коснулась и коснуться не могла.

Статьи Майи Каганской в переводе на иврит стали пусть экзотической, но все же недостижимой вершиной этого жанра и для израильтян. Правда, для ивритоязычного читателя лежали они примерно в той же плоскости, что Толстой и Чехов. Иначе говоря, воспринимались не как призыв к взаимодействию с высказанными идеями, а как литературные произведения из иного места и времени, восхищающие красотой стиля и слога. Так что и в данном случае вместо долгожданной стыковки получилось привычное «никогда ипогешу».

Впрочем, к 1990-м годам русскоязычность стала угасать. Не столько из-за ухода из нее пишущих, сколько по причине отпадения читающих. Трудно сказать, переходили ли читательские массы на сторону ивритоязычности или просто научались обходиться без письменной журналистики. Статистики по этому вопросу я не нашла и сомневаюсь, что она существует. Насколько могу судить по личному опыту, состояние было половинчатое. Большинство русскоязычных знакомцев признавалось, что утоляют информационный голод заголовками ивритских газет, радио- и теленовостями, а также сведениями из вторых рук.

Ну, положим, газеты мы и на бывшей родине читать не были привычны. Но хозяева книжных магазинов стали жаловаться на сильное падение спроса. Казалось, что алия 1970-х погружается в интеллектуальную спячку. И тогда случилось невероятное. Казалось бы навсегда утерянное культурное поле само приплыло к бывшим выходцам из СССР с бурным потоком иммигрантов — выходцев из стран СНГ.

Аааи Аааа

Тогда и я сделала неожиданный для самой себя выбор, решив поменять местами профессиональные приоритеты. Раньше занималась в основном медициной, пописывая в русскоязычные издания, а тут окунулась полностью в процесс создания русскоязычной газеты «Время», которая, по замыслу ее хозяина, газетного магната Роберта Максвелла, должна была стать международной и соответствовать принципам западной журналистики.

Адам Барух стал одним из кураторов этого проекта, поскольку, как сказано выше, являлся членом максвелловского холдинга под названием «Миррор», завладевшего еще и ивритоязычной большой газетой «Маарив», которую тоже предстояло модернизировать. «Время» создавалось при «Маариве» и на его технической базе. А поскольку мне было поручено создать при новой газете пятничное приложение, тогда как Адам Барух был редактором такого же приложения при «Маариве», я и попала к нему в подчинение.

Надо сказать, что, решив создать русскоязычное издание западного типа, Максвелл поручил своим людям подвергнуть свеженабранный штат по возможности неназойливому процессу обучения и — административному прессингу для принятия решений, правильных с точки зрения командования холдинга. Наблюдать за этим процессом, являясь одновременно и исследователем, и исследуемым, было весьма невыгодно с точки зрения целостности моей нервной системы, но чрезвычайно интересно. Подробно описать этот опыт в данной статье я не берусь, да и был он недолгим.

Газетный магнат погиб загадочным образом, холдинг распался, и освободившаяся от тренинга и прессинга новая русскоязычность оказалась предоставленной самой себе. Ее дальнейший путь оказался таким же, как у всей остальной изначально беспризорной русскоязычности: минимализация целей, меркантилизация производства, экономия средств, разрушение внутренней структуры и остаточное существование без излишних запросов и без попыток влиять на окружающую среду. И снова параллельные, которые «мирроровцы» пытались силой сблизить извне, встали на прежние места, так и не скрестившись.

Стоит ли об этом жалеть? Не знаю. При паритетном взаимодействии между ивритоязычностью и русскоязычностью мог возникнуть диалог, способствующий созданию более объемной, представительной и объединяющей национальной культуры. А он не возник. Велика ли потеря, сказать сложно. Считается, что культурное влияние способом сообщающихся сосудов является более действенным, чем капиллярное проникновение одной культуры в другую, от соседа к соседу и от сослуживца к сослуживцу. Исходя из этого русскоязычные СМИ любили и все еще любят говорить об упущенных ивритоязычным обществом возможностях культурного обмена между сторонами. В ивритоязычных СМИ такие сожаления слышны крайне редко, несмотря на почти постоянный рефрен о безуспешности попыток по созданию единого национального этоса.

Тут уж ничего не поделаешь. Культурный осмос требует времени, порой — столетий. Поэтому соприкасайся культурные параллели населяющих страну этносов оптимальным способом, общенациональный этос сложился бы, пожалуй, быстрее. Впрочем, кто сказал, что в этой сфере быстрее — это еще и лучше? У сегодняшней культурологии по этому поводу нет согласованной точки зрения.

Призыв к народам мира не может не производить впечатления: на языке родных, то бишь еврейских, осин народы мира — гои. Вообще говоря, у пророков есть утверждение, что Иерусалим станет светом для всех народов, но приглашение их на Песах в терминах первомайских призывов КПСС — свидетельство универсализма, свободомыслия и либерализма.

Провокационные намерения Зловредного демонстративны. «Жизнеописание», надо полагать, пера Светония — кого же еще? Панегирик десятому римскому императору Титу Флавию Веспасиану — божественному Титу — достойнейшему из достойных. «Любовь и утешение рода человеческого». «Вспомнив, что за весь день он не совершил ни одного благодеяния, Тит воскликнул: “Друзья, я потерял день!”»

В Талмуде благодеяния достойнейшего Тита Флавия Веспасиана тоже отмечены: сей «порочный потомок порочного Эсава» порвал храмовую завесу и, войдя в Святая святых, затрахал, похотливое животное, на застеленном свитком Торы алтаре сразу двух девок — мало ему было одной[1]. Утешение рода человеческого! Всевышний ему, понятное дело, не спустил. Светоний об этом умалчивает: еще бы! Вот цена хваленной гойской историографии.

Зловредный держит Светония, причем иллюстрированного, представляю, что там за картинки, обидеть норовит, нарывається на грубость — ну ничего, вот мы уже притупим ему зубы. Еврейская традиция называет Тита злодеем — *раша*. Но именно так — *раша* — назван и *Зловредный* в тексте оригинала. У *Зловредного* нет ничего святого: он наш еврейский Тит и охотно это демонстрирует. И хватит о нем — фоновый персонаж, не заслуживает со всеми своими мелкими злодействами никакого внимания. Внимания заслуживают главные персонажи, диалог которых и составляет, собственно, содержание мистерии. Прочие, в том числе и непременный на седере *раша*, помалкивают в ожидании кворума и, соответственно, начала седера.

Главные герои: протагонист — Не-умеющий-спросить и антагонист — не представленный в «Пасхальной агаде» Неизвестный. Не-умеющий-спросить идет на седер — помолчать. Зачем идет? Всю жизнь ходил — вот и идет. Жаботинский, если помните, поет дифирамб Не-умеющему-спросить — этому великому молчаливому труженику, жертве погромов и носителю неотрефлектированного национального сознания. Полемический дифирамб — ибо классический комментарий полон сокрушений относительно пустоголовости персонажа. Но тут и время сказывается: классический комментарий создавался во времена, когда в цене была аристократическая духовная элитарность, а невежественный и грубый ам-аарец заслуживал естественного презрения. На картинках Не-умеющий-спросить изображается порой едва ли не дебилем — разве что траву не ест. Жаботинский же полон европейских идей и носится, как это было тогда в моде, с «народом».

Naḥmē Dīqād
(I á-ōi ápūeē-īī dīnē-ōi)

Áεάάεϊ εδ Έαάϊ όεί ηέεé (Ί άάάίε — ηάαό άεάίί, ÷όί ί άάάίε)

Идущий на седеp Не-умеющий-спросить встречается на авансцене Неизвестного, где они и проводят в разговоре все время спектакля, отвечающего таким образом самым строгим требованиям единства времени, места и действия.

Все. Экспозиция закончена. Начало действия:

Ί άεάάίό ί ύέ (όέάάίάάάό ά ηόί όί ί ό όάά, άάίό ύάεέό ί ά ί ί ί ηήόά)

Ί ό ÷ όί ύ άάά έέ! Έάέ άέάέού

Άάά έ ηήέό η άάάέέήύ Έί ά ÷ ά

Άύόύ ί ά ί ί άέί.

Ί ά άί ά ηύέέ-η όί ηέόύ

Όύ όί ÷ άέύ

Ί ί ί ί άέ άί ό ύ ÷ ύ ά άάίό ό ύ ά έ έ ό έ άάίάό

Ί άέί ί άάίάάέά άάί ύ?

Oго! Как излагает, однако. Это у него-то язык-медведь ворочается глухо в пещере рта? Это он-то не может вопрос задать? Не морочьте мне голову. Руки Эсава — голос определенно Яакова.

Начало разговора — выглядит как продолжение. Неизвестный неизвестен только нам, зрителям, — Не-умеющему-спросить он, как это следует уже из первых реплик, известен. Во всяком случае, нет им нужды знакомиться.

Ί άεάάίό ί ύέ

Ί άό, ÷όί όύ, ÷όί όύ. Ί ό ηήόί ί ά ί ί έί ά

×άά όύ άάάά όί ό ύ ί έό ύ ύ άάάί άέ

Ά άύέύά ά άύ άάά άί ί έί ά έή άάί ί

Όόί έόέί ί έόί άάέ...

(m̄ dāāyāōn̄ȳ ā āēīēī ū ā)

ī dāāīīīāīāī ī āōūī,

Nō āōāyīīī m̄ ī ū āō ū āī āō ū āēēāī ū

Dēnōī ēō nēāīīāē...

Дизайн и рисунок — это структура седера, как она изложена в «Пасхальной агаде». Далее диалог продолжается в том же духе. Неизвестный уговаривает Не-умеющего-спросить перестать валять дурака и занять подобающее ему за пасхальным столом место Мудрого, выдвигает всё новые резоны, убалтывает, отчаянно льстит: только Не-умеющий-спросить может придать актуальность тексту, извлечь из него новые смыслы. Если не он, то кто?! Кто вразумит Невинного, притупит зубы Зловредному, а Не-умеющему-спросить скажет, не дожидаясь его вопроса: «Ради этого сделал мне Г-сподь при выходе моем из Египта» — именно то, что и предписывает сказать ему «Пасхальная агада».

Не-умеющий-спросить тщетно пытается притворится пнем и молчальником, при этом ужасно красноречив. Наконец Неизвестному приходит в голову свежая мысль: не хочешь быть Мудрым? Ладно, будь Зловредным. Не-умеющий-спросить справедливо возражает, что для роли Зловредного нужен точно такой же пафос, а пафоса-то как раз нет как нет. Он не хочет больше никого учить, полемизировать, придавать актуальность и извлекать смыслы. Он хочет только молчать — молчать, и ничего больше. Неизвестный, конечно же, его дожимает. Самим фактом вступления в диалог Не-умеющий-спросить заранее обрекает себя на очередное поражение. И они идут на седер.

Īē āūā ēāō, ā Ī āōūē āēā ī āōāīāē: āōōn̄ȳ ā çāōāīāā çāōōīāēāī ūē ēīī āēīāçīī n̄ āīēūēēī ē īāēēāī ūī ē ēāōī āīāī ē. Īē āūā ēāō, ā çēīāōāī ūē āēā īōēīāēē ā nōīōīō nēāōōāçī çp ēīēāēō ē nēāēō āēōūā īōēōōāī ūā çāū, ēīōīōūā āī ū āō-āō īōēōūȳō. Īē āūā ēāō, ā Īāēīī ūē āēā āīīēō īīāīī n̄ āōāāēāī ūē āīāīçī īāēī ūī ē yīōāī ē. <...> Ūōō, ēōī m̄āīī īāāāīī īā ūī āē m̄ōīēōū, āēā nēāēō çā nōīēīī. Īī ūāīāūī īōīçā: āī īā ūēā īnōāēū ūō m̄ōōāīāçīēēīā ē nēāīçī īāāī ūīāēā ī īāēīī āēāōū m̄ēīōā, ēāīpūāāȳ āāōōōāē āāōāīā īā nēēīā āōū. Īāēçāīōī ūē ī āēāō ūāī ēī: āçāō çā ēōēēāī ē. Īā ī āīīāīēā, ūīēūēī īā īāīī ī āīīāīēā, āīōāyāōn̄ȳ ūēēēīā Īīōīī nēāōō çāēāō, ē nōāçō çā īēī çāīī āīēāēīā nōēē āēīē, ūōāīē ēīī āāī īē ī āōū, āē āēīīā āīīōīōāpūēē, āōāçī ēȳpūēē, āēāīīēīāēȳpūēē, āē ī īīāēāō āā āōūāō āēīīā ē: Çāī āāāī

Оскал Зловредного определенно из фельетона Жаботинского. Прозрачность персонажей определенно из «Приглашения на казнь». Все-то прочие прозрачными были с самого начала — Не-умеющий-спросить становится таковым, подчинившись воле Неизвестного.

Загадочный Неизвестный, этот эффективный устроитель седеров, исчез — будто его и не было. Да ведь он вроде и на других седерах замечен не был, однако же все про них знает, все у него в блокнотике записано. Стало быть, все-таки был, но только незаметно, тайно, инкогнито, так сказать. Читает в сердце Не-умеющего-спросить как по писаному. Сверхъестественные способности. Не-умеющий-спросить интересуется в какой-то момент, не ангельского ли тот чина. Скорей уж inferнального. Пришлец из иных миров, не иначе, — одним словом, мистерия.

Ключ к пониманию дан автором в самом начале, в преамбуле, дан даже и демонстративно, но таким образом, что утратить его ничего не стоит, поскольку в ходе действия детали экспозиции из памяти изглаживаются, если ты только заранее на них не ориентирован. А сказано вот что:

Īā āāīīn̄āīā īīyāēȳpōn̄ȳ Īāēçāīōī ūē ē Īā-ōī āpūēē-m̄ōīēōū Īē īīōīāē āōā īā āōū, ēāē āāī āōūōā

Надо полагать, что Неизвестный и Не-умеющий-спросить — одно и то же лицо, весь этот диалог — внутренний, театрик со зрителями (соответственно, и мы с вами, коли мы зрители), сценой, полупрозрачным занавесом и заходящим солнцем — все иллюзорно, прочие молчаливые персонажи суть иные ипостаси единственного героя психодрамы: поэтому их переодевание и перемещение за столом столь споро и безболезненно. Прав был епископ города Беркли. Мир есть просто внутренний театрик — ничего боле, остальное — иллюзия. Неиллюзорно только очередное поражение героя, желавшего притвориться узловатым деревом, неудобным топором дровосека, а оказавшегося, как в дурном сне, как в дне сурка, — опять (увы!) талмид хахамом.

И как ввиду падающего занавеса не вспомнить Амели Нотомб с ее «Косметикой врага», где Неизвестный — омерзительный прилипала, говорун, убивец, сексуальный маньяк с фантазией, человек из подполья — оказывается в конце спектакля другим «я» героя, вполне приличного господина, и весь диалог, держащий зал в напряжении, оказывается диалогом внутренним. Приличному господину остается только расшибить себе лоб о стенку. Что он и делает.

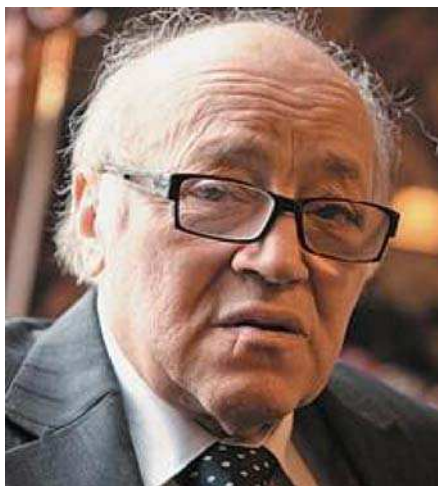
Очевидное преимущество иудаизма, даже и в нетрадиционной интерпретации д-ра Рузера, перед секулярным западным сознанием: там, где наш еврейский интеллигент, уступив нажиму категорического императива, идет проводить седер, европейский интеллигент разбивает свою порочную голову.

[1]. Не ловите меня на слове: в Талмуде (Гитин, 56б) девка действительно только одна. Но Ваикра раба сообщает деяниям божественного Тита настоящий размах: две!

ОДНО ЛИЦО С КОСМОСОМ

Ефрем Ратнер

В начале 1961-го Ефрем Теодорович Ратнер участвовал в термобарокамерных испытаниях гагаринского скафандра. Лично проводил испытания кандидатов в космонавты в группе вестибулярного отбора Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя (ЦНИАГ), и первая двадцатка во главе с Юрием Гагариным прошла через его руки. Так что будущий начальник четырех экспедиций по запуску биологических спутников «Космос» своей уникальной судьбой как бы опровергал бытовавшее в СССР мнение, будто евреев до космических исследований не допускали. Сегодня Ефрем Теодорович вспоминает те дни с «космической» грустью.

После армии я поступил в техническое училище и через два года (было оно двухгодичным) благополучно окончил его. Новоиспеченному механикусборщику электромеханических приборов светил классический «почтовый ящик», если бы в Государственном научно-исследовательском испытательном институте авиационной и космической медицины МО СССР не открылись мастерские, в которые срочно требовались такие вот специалисты.

Начальник мастерских сам приехал к нам в училище и попросил направить в институт молодых грамотных специалистов. Директор рекомендовал меня. Хотя зарплата в Институте авиационной и космической медицины была на 30 с лишним рублей меньше, чем в светивших мне «ящиках», я все же предпочел институт: работать там было намного интереснее, чем сидеть на линейке по сборке ракет «земля—воздух».

Ювеналий Михайлович Волинкин, директор института, издал приказ, разрешавший институтским выступать в качестве внештатных испытателей в экспериментах различной сложности. Приказ Волинкина давал возможность подзаработать не на разгрузке вагонов, а прямо у себя: зарплата была мизерная, всего 88 рублей. Естественно, я попросил, чтобы меня допустили к испытаниям.

Слово «испытательный» позволяло институту официально производить эксперименты на людях. И некоторые были довольно-таки опасные. Но мы хорошо понимали, во имя чего рискуем. Это понимание было всеобщим и вызывало подъем в душе. Не я один испытывал острое желание участвовать в экспериментах.

На мне, да чего уж там — на моей шкуре было произведено 110 различных испытаний. Наиболее длительными оказались связанные с тепловыми экспериментами.

Что случится в кабине космического корабля с космонавтом, если произойдет незапланированный спуск? Сгорит тепловая обшивка корабля? Раскалится корпус, и он начнет излучать тепло внутрь кабины? Холодильно-сушильный агрегат, поддерживающий нормальную температуру не выдержит большого перегрева и... Сколько выдержит человек в таких экстремальных условиях? Хватит ли резервного времени, чтобы космонавт без ущерба для здоровья мог совершить незапланированный спуск?

Начались испытания первого космического скафандра. Была произведена целая серия экспериментов — как на конвекционное тепло, так и на радиационное. Тяжелейшими для меня оказались испытания на радиационное тепло.

Для того чтобы определить предельные возможности человека и защитных устройств, были произведены четыре типа испытаний.

Испытатель заходил в термобарокамеру в трусах и нашьлемнике. В камере при этом создавалась температура от +130° до +270° на стенах камеры.

Для того чтобы не поджарить испытателя, в камеру подавали охлажденный до -60° воздух. В общем, температура воздуха варьировалась от +25° до +28°. Но если первое испытание — до +130° на стенах — мы просидели спокойно, то самое тяжелое — +270° на щитах — я выдержал всего двенадцать минут. За это время температура тела подскочила с 36,6° до 39,6°. Потеря веса составила 3,3 килограмма. Это уже не вода испарялась с потом, это плавилась подкожно-жировая клетчатка! Находиться в термобарокамере в этих условиях было невыносимо тяжело. В местах крепления спиралей под железными щитами температура повышалась, и на теле это отражалось ожогами.

А потом пошли испытания в ватной телогрейке и в ВКК (высотно-компенсирующем костюме). И наконец, в скафандре...

Алла Алексеевна Дородницына, проводившая испытания, подошла ко мне и сказала:

— Ефрем, можешь принять участие в испытаниях специального скафандра? Я бы очень этого хотела, но, понимаешь, имеются препятствия...

— Какие? — спрашиваю, а сам не то чтобы на все сто, но начинаю смекать. — Какие препятствия?

— После скажу. Какой у тебя вес?

— Шестьдесят девять с половиной.

— Рост?..

— Сто шестьдесят четыре.

— О!.. Как раз!.. Подходишь.

— К чему?

— Увидишь. Если я, конечно, препятствие устраню.

Через неделю она сказала, что все препятствия устранены и чтобы завтра я приходил в термобарокамеру.

Меня одели в ВКК. Дверь лаборатории закрыли. Раздался звонок. В лабораторию вошел капитан из Первого отдела. Вслед за ним «Контора» внесла длинный зеленый ящик. Срезали с него пломбу. Открыли. Подвели меня к ящику, словно больного, идущего на поправку, к зеркалу. В ящике я увидел белый блестящий скафандр. На шлеме ярко-красными буквами: «СССР». Я сразу понял, что Алла Алексеевна не только устранительница препятствий, возникавших у тех немногих евреев, кто пробился на «секретку», — с ее легкой руки я становился наземным двойником Юрия Алексеевича, и с большим удовольствием облачился в скафандр.

Влезать в скафандр Юрия Алексеевича надо было ногами вперед. (По этому поводу много шутили.) Молния находилась сзади на спине. (Тоже не обходилось без шуток: «Ефрем, тебе молнию застегнуть?») Только после этого наворачивался гермошлем... И тогда я терял старое лицо и находил новое, как мне казалось, — одно лицо с космосом.

втянул весь остаток воздуха из скафандра и немедленно прекратил переговоры. Меня вывели из термобарокамеры.

Оказывается, кто-то из экспериментаторов выключил воздуходувку, которая подавала через толстый дюритовый шланг воздух в скафандр.

Стали открывать смотровой щиток гермошлема, чтобы его отвернуть, а защелка заклинила и никак не поддавалась маленькой отвертке. Я услышал, как кто-то крикнул механику: «Тащи скорее большую отвертку!..»

Не знаю, что мною руководило, но когда я увидел руку с большой отверткой, я выхватил ее и ударил ею в защелку, крепящуюся на резиновой горловине гермошлема.

Я точно попал в защелку. А мог бы и себе в кадык.

Щиток повис в верхнем положении — его заклинило. Девочки мне потом рассказывали, что у меня был синий язык и губы синие. Глаза навывкате и какая-то страшная мимика на лице.

В тот момент ко мне подлетел капитан из Первого отдела и заорал:

— Вредитель!.. Испортил скафандр!..

Какая-то страшная неодолимая волна гнева и ненависти охватила меня. Должно быть, еще один «древний еврейский ген» проснулся во мне. Я схватил отвертку с намерением ударить капитана. В тот момент я действительно мог это сделать. Но мне помешала Дородницына. Заслонила меня от капитана, приказала выгнать его из лаборатории.

Меня посадили в самолетное кресло, дали подышать нашатырным спиртом. Принялись спрашивать, что да как. Я не очень охотно объяснял.

Алла Алексеевна сказала:

— Дыхни, Ефрем!

Я дыхнул и сам почувствовал запах оргстекла, исходивший из легких.

Алла Алексеевна срочно отправила кого-то в буфет, купить бутылку молока.

Я выпил молоко, отдышался, мне сняли ЭКГ, измерили пульс и отправили домой.

Еще три дня подряд я чувствовал, что пахну оргстеклом. И пища отдавала этим тошнотворным привкусом.

Через неделю Алла Алексеевна подошла ко мне и сказала:

— Скажу тебе по секрету, что по результатам твоих испытаний на фирме Гая Северина внесено усовершенствование при производстве скафандров. Гермошлем будут делать из термостойкого оргстекла.

— Алла Алексеевна, а какие препятствия были для моего участия в эксперименте? — спросил я.

— Какие препятствия могут быть у Первого отдела? Забыл, какой у тебя пункт в анкете?

— Я не скрывал, что я еврей.

Аодди Оагайдрэе: Дао іад а едана Ааддэ і а іааіііе: еаіе іі іди (10 іаідріа ца 20 ііебіа).

Еііаö 1960 ааа

— А Первый отдел счел, что это не совсем правильно. Мало того, они приказали тебе не говорить, что должны быть испытания секретного скафандра. Потому что за секретные испытания положено платить 25 процентов надбавки, а тебе их провели как простые испытания.

Это был конец 1960-го, перед полетом Гагарина, а скафандр, который мы испытывали, был его личный скафандр, сделанный под его габариты, под его тело. Наши с ним габариты практически совпадали.

Когда Гагарин прилетел, для страны это был взрыв радости и ликования. В институте событие отмечали абсолютно все — заливались государственным спиртом.

Юрий Алексеевич Гагарин пришел на послеполетные обследования и сказал: «Зачем мне крутиться в центрифуге? Что во мне изменилось за время полета? Давайте я лучше расскажу, что было со мной». И он рассказал, как чувствовал себя во время полета. Все время прибежал заместитель начальника госпиталя и говорил: «Юрий Алексеевич, вас ждут корреспонденты». А он отвечал: «Пока я не поговорю с людьми, которые помогли мне полететь в космос, я куда не пойду. Корреспонденты пусть подождут».

Зная о том, что к нам придет Гагарин, я тайком принес фотоаппарат и попросил его с нами сфотографироваться. Он согласился. Повалил на себя всех лаборантов и кричал: «Ефрем, снимай!» Обязательный был человек, никогда никого не забывал, у него была прекрасная память на лица. А у меня из памяти никак не выходит его лицо.

ДОРИТ ГОЛЕНДЕР: «ТАЛАНТ ДИПЛОМАТА – ЭТО НЕЧТО ВРОЖДЕННОЕ»

Беседу ведет Михаил Майков

В конце 2010 года в Москву приехала новый посол Государства Израиль — известный журналист Дорит Голендер, до своего назначения много лет возглавлявшая русскую службу радиостанции РЭКА. Корреспондент «Лехаима» встретился с г-жой Голендер и выяснил ее взгляды на русскую зиму, продажу свинины в израильских магазинах и срыв визита президента Медведева в Израиль.

Михаил Майков Ваши родители репатрировались в Израиль из Литвы в конце 1960-х годов, когда еще почти никто из СССР не уезжал. Что побудило их к такому решению?

Дорит Голендер Да, мы уехали в 1967 году, когда это удавалось единицам. Но родители мечтали репатрироваться с момента создания Государства Израиль — мама еще до войны окончила в Литве еврейскую гимназию, прекрасно знала иврит, и она, и отец всегда ощущали свою связь со Страной. Сестра моего отца выехала туда через Польшу в 1958 году, от нее мы и получили приглашение. Так я с родителями — мой брат не смог тогда уехать — оказалась в Израиле.

ММПочему?

ДГС момента принятия решения об отъезде до получения разрешения прошло года полтора-два. За это время брат женился, а приглашения и, соответственно, разрешения на его супругу не было. Мы надеялись, что они смогут приехать сразу после нас, но началась Шестидневная война, за ней последовал разрыв дипломатических отношений, так что брат с семьей приехал только через три года.

ММВы рассказывали, что по приезде в Израиль отцу пришлось некоторое время подметать улицы. А кем работали ваши родители до отъезда?

ДГЯ из рабочей семьи. Отец был водителем, мать окончила ремесленное училище, потом преподавала там кройку и шитье, а после войны стала очень известной в Вильнюсе портнихой (сегодня,

наверное, это называлось бы «дизайнер одежды»). Мы приехали в Израиль в год экономического кризиса, на пике безработицы. Отцу действительно пришлось поработать дворником, но затем ему удалось устроиться в тель-авивский муниципалитет, и там он проработал до конца своих дней.

ММВы все время говорите о «до войны» и «после войны». А как семье удалось пережить Холокост — ведь литовская община была уничтожена практически полностью?

ДГНет еврейской семьи, которая не испытала бы боль утраты. Я не знала своих дедушек и бабушек, их убили во время войны. Мама попала в гетто, потом в концлагерь Штутхоф. К тому времени у нее была семья, муж и сын. У нас в доме никогда про это не говорили, мама держала все в себе: люди, пережившие Холокост, вообще очень неохотно рассказывают об этом своим детям и внукам. Освободившись, она узнала, что сын и муж погибли. В живых не осталось никого, кроме двух братьев маминого отца, которые ее и приютили. Мама начала новую жизнь, вышла замуж, родила нас с братом.

Мой свекор, которому сейчас 91 год, воевал, дошел до Берлина, а вернувшись в Луцк, не нашел никого. Были уничтожены 96 его родственников.

ММС мужем вы познакомились уже в Израиле?

ДГДа.

ММЯ читал, что ему принадлежит магазин русских деликатесов в Ришоне...

ДГДа, он держал магазин, который многие годы был для нас надежным источником дохода. Когда началась массовая алия 1990-х, муж создал первую в Израиле фабрику, на которой выпекали русский хлеб, «Золотой колос». Она существует и сегодня, хотя принадлежит уже другому человеку.

ММА что входит в Израиле в понятие «русские деликатесы», кроме хлеба и свинины?

ДГСтаршее поколение испытывает ностальгию по жизни в СССР, для них это напоминание о детстве и юности. В «деликатесных» «русских» магазинах можно найти пельмени, эскимо, конфеты «Кара-Кум», шпроты, воблу, грибы и, разумеется, икру. Что до свинины, то каждый человек сам решает, чем ему питаться.

ММВаш старший сын стал религиозным. Он ориентировался на чей-то конкретный пример?

ДГЯ думаю, это и призвание, и генетика — дедушка моего мужа был раввином.

ММВы не были против?

ДГНам было нелегко. Но сейчас, 14 лет спустя, я радуюсь, глядя, как живет его семья, как прекрасно воспитаны его дети. Но они не ультраортодоксы, дети ходят в шортах, хоть и с кипами на головах.

ММПо приезду в Израиль вы какое-то время провели в кибуце, изучая иврит. Не было ли у вас как у бывшего советского жителя отторжения социалистических кибуцных порядков?

ДГМне кажется, это одно из самых счастливых впечатлений в моей жизни. Благодаря ульпану при кибуце я очень быстро вошла в израильскую действительность, встретила новых друзей, приехавших из самых разных стран, от Уругвая до Румынии. А кроме того, было наслаждением общаться с кибуцниками — они даже сейчас отличаются от других израильтян, а тогда это был совсем особый тип. Хотя кибуц, где жила я, Глиль-Ям, возможно, был не совсем типичным. Это был кибуц «городского типа», неподалеку от Герцлии, небольшой, семейный. Но там было свое хозяйство, свой коровник — все то, что ассоциируется у нас с кибуцем.

ММВы поступили в Иерусалимский университет на две специальности: английский и советологию. С чем был связан такой выбор?

ДГИзучать английский всегда было моей мечтой, перед отъездом в Израиль я даже успела сдать вступительные экзамены на иняз Вильнюсского университета. А про советологию я просто была уверена, что мне это будет легко — я же знаю советскую историю, изучала в школе. Разумеется, оказалось, что все мои «знания» только мешают.

ММА как началось в вашей жизни радио?

ДГЭто было неожиданно для меня самой. В детстве я любила декламировать, встав на табуретку, у меня всегда была хорошая дикция и память — я могла заучивать стихи километрами. А в университетском общежитии я жила вместе с американкой, изучавшей русский язык, и она, в отличие от меня, слушала русское радио. Она-то и услышала, что объявлен конкурс дикторов, и прибежала ко мне: «Ты должна туда пойти, я чувствую, что это для тебя». Я пошла, и меня взяли. В итоге я проработала на радио несколько десятилетий. Начинала как диктор, была редактором программ, замдиректора, а в 1995 году стала директором реорганизованной русской службы радиостанции РЭКА.

ММЗа эти годы русское радио Израиля очень выросло в профессиональном плане. А тогда, много лет назад, что было для вас главным в работе радиийщика?

ДГКонечно, мы всегда стремились быть профессионалами. Но важно было и другое: показать, что Израиль существует в мире. Сама возможность услышать в эфире фразу «Говорит “Голос Израиля” из Иерусалима» была, мне кажется, очень важна для евреев диаспоры.

ММКогда и почему вы стали Шломит Лидор?

ДГЯ пришла на радио в период «железного занавеса» и глушилок. У многих сотрудников в Советском Союзе оставались родственники. Поэтому все выступали под псевдонимами. Мой псевдоним составлен из переименованных имен моих родителей: папу звали Шломо, а маму — Лиза.

ММА перейти на телевидение вы никогда не хотели?

ДГРусское телевидение появилось в Израиле ближе к 1990-м. Меня приглашали на кастинги, но там совершенно другие требования, другой формат. Людей, которые успешно перешли с радио на телевидение, вообще единицы.

ММРаботая на государственной радиостанции, вы ощущали себя в первую очередь госслужащим или все же свободным журналистом?

ДГНашу журналистскую свободу ничто не ограничивало, в Израиле нет цензуры, кроме военной.

ММНо в блогах некоторые до сих пор ставят в вину РЭКА, скажем, позицию во время эвакуации Гуш-Катифа, называя ее целиком проправительственной.

ДГЛюди, лишённые других возможностей самовыражения, несут в блогах всякую чушь... Эвакуация Гуш-Катифа была одним из тяжелейших периодов в истории Израиля. Разумеется, наши корреспонденты выходили в эфир с места событий и давали слово всем — в том числе и людям, которых оттуда выселяли.

ММНасколько опыт руководителя крупной радиостанции помогает вам в вашей новой работе?

ДГРазумеется, помогает — опыт, связи, аналитические навыки. Но мне кажется, дипломатия — это нечто врожденное. Да, есть дипломатический этикет, его можно изучить. Но талант дипломата — это все-таки немножко другое.

ММА что вы сами любите как журналист?

ДГПоследние годы, руководя радиостанцией, я редко выходила в эфир. Но вообще мне приходилось работать в самых разных жанрах, в том числе вести прямые репортажи, например об

историческом визите в Израиль Горбачева с супругой. Я очень любила встречаться с людьми, вникать в их судьбы, у меня была такая передача — «Портреты».

ММ Как часто вы бывали в России в перестроечные и постперестроечные годы до вашего назначения послом?

ДГ Достаточно часто. Впервые я приехала сюда в январе 1990 года с первой израильской официальной делегацией, в качестве переводчика. Это был очень тяжелый период для России, увиденное меня шокировало. Но потом ситуация в стране начала меняться.

ММ А русскую зиму вы переносите как израильтянка или как выходец из СССР?

ДГ Вообще большая мерзлячка, даже когда в Израиле наступает «зима», мне всегда холодно. Но что делать — в России приходится вспомнить, что существуют четыре времени года.

ММ Что вы планируете делать по окончании каденции — вернуться на радио или остаться на дипломатической службе?

ДГ Я отношусь к тем людям, которые никогда не строят планов на будущее. «Хочешь рассмешить Б-га — расскажи Ему о своих планах». Давайте не будем заглядывать в будущее. О нем мы успеем подумать, когда нынешний этап подойдет к завершению.

ММ Давайте тогда заглянем в недавнее прошлое. Ваша предшественница на посту посла, Анна Азари, вела вполне светский образ жизни, ее можно было встретить в театре или на поэтическом вечере. Где, кроме вашего рабочего кабинета, в котором проходит наша беседа, можно будет в Москве увидеть вас?

ДГ Я очень люблю театр, балет, кино. Правда, не могу похвастаться, что у меня остается на все это много времени. Я нахожусь здесь с мужем, у нас много друзей, мы стараемся проводить свободное время с ними.

ММ Неужели даже в этой сфере вы не строите никаких планов?

ДГ Я приехала сюда не для светской жизни, а для работы. Но если будет позволять время, я, конечно, постараюсь совмещать полезное с приятным.

ММ А если вы читаете книгу, это, как правило, русскоязычная книга или ивритоязычная?

ДГ В Москве я много читаю по-русски. И вообще я люблю русскую литературу. Но израильских писателей знаю, конечно, лучше.

ММ Что вам запомнилось из израильских культурных явлений последних лет?

ДГ На меня сильное впечатление произвел спектакль театра «Гешер» «Раб» по Башевису Зингеру. Вообще, с появлением «Гешера» очень вырос уровень всех театров в Израиле — и в плане репертуара, и в том, что касается актерской игры. Это как частный бизнес, который всегда создает конкуренцию.

ММ В Москве вы пока не видели чего-то, что произвело бы на вас сходное впечатление?

ДГ Недавно была в студии Фоменко, смотрела вроде бы банальную историю, «Семейное счастье» по Толстому, — сделано совершенно потрясающе.

ММ Известно, что после того, как Либерман предложил вам пост посла, многие работники израильского МИДа были недовольны. Это как-то затрудняет сегодня вашу работу?

ДГ Это нормально, кадровые мидовцы, разумеется, имеют своих кандидатов на ту или иную дипломатическую должность. Но когда моя кандидатура была утверждена, ко мне подошли сотрудники

МИДа и сказали: «Мы всегда стараемся, чтобы дипломатами назначались люди из МИДа. Но теперь ты наш человек, и мы желаем тебе успеха».

ММВо время недавней забастовки сотрудников израильского МИДа, которая привела, в частности, к срыву визита Медведева в Израиль, не мелькала ли у вас мысль, что лучше было бы оставаться на радио, не было ли вам стыдно за вашу новую гильдию?

ДГМне было больно и обидно, как, кстати, и самим сотрудникам министерства. Но учтите, что сотрудники МИДа бастовали впервые с момента создания государства, что условия их работы и уровень оплаты не менялись в течение многих лет. После месяца забастовки все проблемы решены, а значит — мне трудно произнести эти слова, но все же, — все это было не зря. Хотя, повторю, конечно, очень обидно, что приглашал Медведева Шимон Перес, а поехал президент России в итоге в Иорданию и Палестинскую автономию.

ММТо есть вы проявляете корпоративную солидарность и понимаете мотивацию сотрудников МИДа?

ДГКонечно, я понимаю их мотивацию. Работать хорошо, но и получать достойное вознаграждение неплохо.

ММКогда вы уезжали из Израйля в Россию, бывший израильский посол в Москве Ализа Шенар переадресовала вам напутствие, которое ей в свое время дал Шимон Перес, — что посол в России должен бояться трех вещей: холестерина, алкоголя и протокола. Какой из этих трех пунктов наиболее ценен для вас?

ДГИзраильским дипломатам присуще чувство юмора и желание делиться своим опытом, и я признательна Ализе Шенар за совет. Действительно, россияне — очень гостеприимные люди, с ними надо выпить рюмку, закусить, но при всем том нужно придерживаться протокола. Так что все три пункта важны.

«КРАВ-МАГА»: БОЕВОЕ ИСКУССТВО ЦАХАЛА

На четыре вопроса отвечают: Павел Зуев, Яков Кедми, Егор Чудиновский, Авигдор

Эскин

Многие до сих пор уверены, что евреи на протяжении нескольких тысячелетий выживали исключительно благодаря своей «нейтральной позиции» — «откуп да подкуп». Тому, кто крепко в этом убежден, не худо вспомнить хотя бы о Масаде. Неправда, что евреи хлеба не сеют и лысеют много прежде других. Как все лысеют и хлеб сеют. Есть у евреев и своя армия, и свой спецназ, которым положено владеть системами рукопашного боя. В силовых структурах Государства Израиль одна из таких систем, между прочим незаемная, называется «Крав-Мага» («Ближний Бой»). Не то чтобы израильские спецназовцы сильно не доверяли шаолиньским практикам: пришлось платить кровью за знания, положенные в основу этого учения. КМ была разработана в Венгрии и Чехословакии Имрихом (Ими) Лихтенфельдом в 1930-х годах. Первоначально Ими обучал своей системе борьбы в Братиславе, защищая еврейскую общину от погромщиков. После Лихтенфельд преподавал рукопашный бой уже в «Хагане». Теперь его «венгерский товар» расходуется по всему миру. Однако есть точка зрения, что КМ — умело раскрученный ушлыми израильтянами бренд...

איאאיע און יאבאוו צאטבוע

יאאע צאא

Инструктор Российской ассоциации «Крав-Мага»/«KRAV MAGA GLOBAL», шеф-инструктор Новосибирского тренинг-центра «Крав-Мага»

Одни говорят, что «Крав-Мага» — синтетическая АФАНАСИЙ МАМЕДОВ боевая система, другие уверяют — она создавалась «с нуля», а не путем заимствований приемов из разных боевых систем.

Известно, что создатель «Крав-Мага» Имрих Лихтенфельд ПАВЕЛ ЗУЕВ был прекрасным спортсменом, достиг высоких результатов в борьбе, боксе, гимнастике, плавании. Кроме того, он изучал техники рукопашного боя под руководством своего отца, инструктора полиции. Помимо спортивного опыта, Имрих получил бесценный опыт уличных боев. Он позволил осознать недостатки применения спортивных техник в реальном бою и задуматься над решением этой проблемы. КМ начиналась с заимствования приемов из различных боевых систем. Когда Имрих иммигрировал в Палестину и стал инструктором отрядов самообороны, он обучал навыкам ведения боя — как без оружия, так и с оружием. Имрих и его ученики накапливали знания в области рукопашного боя и постепенно из простого набора различных техник, приемов ближнего боя стала формироваться система, представляющая собой самостоятельную единицу, с присущими именно ей методиками подготовки и своими техническими особенностями. КМ по определению — современная система самозащиты и тактического ведения боя. Самостоятельная и самодостаточная дисциплина, имеющая свои особенности.

В восточных единоборствах моментальному обретению «энергии АМ стали» учат не один год. Какие практики по контролю «боевой энергии» существуют в КМ?

В КМ уделяют большое внимание формированию боевого духа с первых ПЗ занятий. Инструктор объясняет занимающимся предназначение системы: умение выживать в любых обстоятельствах! Вся система подготовки направлена на то, чтобы с первых же тренировок ученик приобретал опыт проявления и, что очень важно, управления агрессией (по сути это и есть та энергия, если хотите), а также опыт противостояния агрессии нападающего. В КМ детально продумана методика подачи материала от простого к сложному, позволяющая сформировать уверенность в себе, являющуюся отправной точкой в готовности дать отпор любому агрессору. Если говорить о конкретных методиках, к ним можно отнести различные упражнения по визуализации и контролю за дыханием, всевозможные усложнения основных приемов самообороны при нарастающем уровне стресса в условиях, приближенных к реальным, рекогносцировку различных экстремальных ситуаций, связанных с уличными нападениями, которые происходили в реальности.

В КМ есть пределы необходимой самообороны? Или отсутствие АМ какой-либо жалости к врагу — основа системы, которую даже боевым искусством не хотят считать?

Кому-то покажется странным, но в КМ гармонично сочетаются и ПЗ пределы необходимой самообороны, и отсутствие жалости. На тренировках разбираются стадии всевозможных конфликтов, включающие в себя не только физическую конфронтацию, но и их вербальную составляющую. Кроме того, рассматриваются вопросы по предотвращению конфликтов в самом зародыше, а также поведение, позволяющее избежать нападения вовсе. Но если произошло несчастье, адепт КМ должен знать, что ему делать. Вот требование, предъявляемое гранд-мастером Ими Сде-Ором (Лихтенфельдом) к занимающимся КМ: «Стать настолько умелым, чтобы не было необходимости убивать». Имеется в виду, что подготовленному бойцу нет необходимости причинять ненужный вред противнику, так как он способен закончить конфликт быстро и эффективно. Необходимо воспитывать уважение к окружающим, чтобы оно проявлялось даже в экстремальных ситуациях. С другой стороны, не стоит забывать и следующее высказывание мастера: «Если кто-то придет, чтобы убить вас, — убейте его первым!» — относящееся к бескомпромиссным ситуациям.

Когда вы тренируетесь или тренируете, расстояние от Новосибирска АМ до Тель-Авива, Иерусалима становится короче? Что для вас быт и бытие Израиля?

Когда я познакомился с КМ, мне через некоторое время захотелось ПЗ посетить родину этой боевой системы, с целью получше узнать ее «изнутри», пропитаться духом, который был положен в ее основу. Ни для кого не секрет, что израильская армия является одной из самых дееспособных: на протяжении многих лет израильтяне воюют и накопившийся опыт является бесценным... Я ежегодно летаю в Израиль — для стажировки и повышения квалификации. Здесь проводятся специальные международные учебно-тренировочные лагеря для инструкторов высокой квалификации со всего мира.

Ἄ ΔΑΨΑἸΘΕἸἘἌ «ἘΔΑἸ-Ἰ ἈἸἌ» Ἰ Ἀ Ἰ ΔἈἸ Ἰ ἈἈ Ρ Ὀ

ΒΕἸ Ἀ ἘἈἸ Ἐ

ἈἸἈᾶᾶ ᾶᾶἸἈᾶᾶ ᾶᾶἸ Ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ «Ἰ ᾶᾶᾶ»

В свое время вы были многолетним координатором разведки «Натив», АМ все разведчики владели приемами КМ? Какое внимание уделялось рукопашному бою в стенах разведуправления? Должен ли быть современный разведчик «стрелялой» и «вышибалой» или «не княжеское это дело»?

«Натив» — название одной из государственных служб ЯКОВ КЕДМИ Израиля, которую и по российским понятиям можно отнести к спецслужбам. В переводе это слово означает «путь, тропа»... Разведслужбы относятся к категории спецслужб, но не все спецслужбы относятся к категории разведслужб. Хотя и у тех и у других есть общие элементы, однако они разнятся между собой. «Натив» не занимался сбором секретной информации, попытками проникновения в охраняемые объекты или вербовкой агентуры для этих целей. Работники «Натива» не действовали в качестве нелегалов, по крайней мере начиная с 1960-х годов. Так что не было ничего в работе «Натива», что бы требовало физического противостояния противнику. А раз так, то не требовалось ни специальной подготовки, ни обучения приемам рукопашного боя, ни КМ.

«Натив» инициировала развитие целого ряда культурных программ, АМ которые должны были познакомить евреев СССР с еврейской культурой, с Государством Израиль. В числе таких программ — выпуски книг, передачи радиостанции «Голос Израиля» на русском и других языках. Сегодняшнее увлечение КМ на территории, «подведомственной» «Натив», обходится без участия ваших коллег?

В рамках различного рода кружков, организованных нами, была и ЯК спортивная деятельность. Возможно, там, где присутствовала заинтересованность, были и занятия по разного рода единоборствам. КМ выработана инструкторами армии для подготовки бойцов определенных спецподразделений. Спортивная часть этой подготовки нами специально не культивировалась.

После двух лет пребывания в Израиле вы попали в школу офицеров АМ военной разведки. Тамашние инструкторы преподавали курсантам КМ? Как вы теперь поддерживаете форму?

На курсах военной разведки офицеров готовят для профессиональной ЯК работы в армейской разведке. Понятие «разведка» в русском языке имеет несколько иной смысл. То, что по-русски называется «разведвзвод» или «разведрота», у нас называется по-другому и больше соответствует понятию «рейдовики», или «полевая разведка», или «спецназ». Нас готовили к работе с командирами батальонов в качестве начальников разведотделов батальонов. Главное, чем мы занимались, — это топография и ее тактическое значение, войска противника и их действия применительно к их тактике и топографии местности. Так что не было никакой необходимости готовить офицеров к рукопашному бою. В разведшколе этот предмет не преподают. Системами рукопашного боя и применением КМ в армии занимаются в Школе по борьбе с террором. Там все, кому необходимо, проходят соответствующую подготовку. Спортивную форму я сегодня поддерживаю обычным способом: кроссы, ходьба, спортзал...

россиян. Сейчас Российская ассоциация «Крав-Мага», директором которой является Лейкин, насчитывает более десяти инструкторов, четверо из которых получили звание эксперта «Крав-Мага»: Алексей Каменев, Павел Зуев, Михаил Резников и я.

Вы инструктируете службы безопасности РФ или у наших спецслужб АМ иные предпочтения?

Мы сотрудничаем с разными службами безопасности, участвуя в ЕЧ подготовке как личной охраны, так и групп быстрого реагирования. Предпочтения спецслужб? Все зависит от конкретного начальства, конкретных командиров. Цель все равно у всех одна — выполнение поставленной задачи. Ну и конечно, вернуться домой живым. А какими средствами и методами подразделение или отдельный человек достигает этого — совершенно неважно. Сейчас к нам все больше стали обращаться с вопросами подготовки личного состава. Мы с удовольствием идем на контакт и готовы передавать новые знания и опыт.

У КМ есть какие-то специфические национальные черты? Что ее АМ отличает, скажем, от нашего самбо? Приобретает ли КМ в России российские черты?

Национальных черт у КМ нет. Ведь создавалась она с целью ЕЧ максимально быстрого обучения личного состава рукопашному бою, и все время уделялось только этому. К особенностям развития и преподавания КМ в различных странах можно отнести как климатические погодные условия, так и законодательные. В связи с климатическими условиями в каждой стране характер нападения будет несколько отличаться. В России, в частности в Петербурге, большую часть времени люди ходят в куртках и пальто, а не в футболках и шортах, поэтому захват за одежду будет наиболее распространенным видом нападения, который может повлечь к серьезным последствиям. У нас почти полгода лежит снег, перепады температур приводят к гололеду, что тоже влияет на характер боя в условиях улицы. Что касается законодательства. В разных странах достаточно сильно различаются статьи закона о необходимой обороне, превышении мер самообороны и так далее. Не следует забывать и о законе об оружии. Отличие от других боевых единоборств? Мы стараемся избегать сравнений, так как большинство дисциплин — это прежде всего спорт. Основное отличие КМ в том, что мы стараемся максимально приблизить тренировки к реальности, моделируем ситуации, которые могут произойти в повседневной жизни или уже произошли (анализ криминальных сводок). Для этого постоянно проводим занятия на улице, в замкнутых узких помещениях, лестницах, автомобилях, автобусах, во всех тех местах, где человек может подвергнуться нападению со стороны одного или группы вооруженных или невооруженных противников.

ΝΙ ΑΑ ΕΕ ΑΔΙ ΝΑ Ρ ΟΝΒ Ι Α ΟΑΩ, ΕΟΙ ΕΩ ΑΙ ΕΟΝΒ

ΑΑ ΕΑ ΑΙ Δ Υ Ν Ε Ε Ι

Ι δααί ααε οί εε, αοοί αεεπ ο ε υηηεπ

Вы участник Ливанской войны. Вас обучали приемам рукопашного боя АМ или до этого в современной войне, если она не носит партизанского характера, дело не доходит?

Во время Ливанской войны 1982 года я был АВИГДОР ЭСКИН артиллеристом. В наши курсы подготовки не было включено никакое боевое искусство в силу специфики рода войск. Но за год до того я прошел десятидневный курс в летнем лагере Лиги защиты евреев под Нью-Йорком. Мне это не раз помогло в жизни. Могу засвидетельствовать огромную пользу этих занятий, притом что я никак не считаю себя специалистом. Обычно люди впадают в состояние оцепенения, когда подвергаются нападению. Атакующий часто пытается шокировать и сразить внезапностью. Даже короткий курс по КМ дает человеку возможность овладеть основным инструментарием. В реальной жизни атакующие вас идут примитивно и напролом, а вовсе не по книгам о восточных стилях борьбы. Их действия легко просчитать. А ответы на них дает КМ. Помню, как в 1999 году в Москве я почувствовал неладное: за мной шли двое и недружелюбно комментировали мою ермолку. Как только я почувствовал, что они «слишком» приблизились, резко развернулся к ним и нанес два прицельных удара, после чего быстро скрылся. Надо сказать, таких ситуаций в моей жизни было немного. Думаю, это по причине того, что определенная подготовка дает человеку чувство уверенности. А собаки бросаются больше на тех, кто их боится, как известно...

Эли Лефлер, тренер КМ, который тренировал российских АМ «альфовцев», утверждает, что КМ может позволить любому человеку, независимо от его возраста и физической формы, максимально себя защитить. Нет ли тут рекламного налета, не раскручивается ли бренд?

Не могу не согласиться с Эли Лефлером. КМ построена настолько АЭ гибко, что защищает от самых разных видов нападения. Для живущего на Западе человека эта система оптимальна. Ведь КМ развивался как ответ на конкретные угрозы. Факт заимствования определенных приемов из самых разных систем неоспорим, хотя есть немало и своих изобретений.

КМ становится популярным во всем мире. Не смущает вас, АМ гражданина Израиля, что тайные знания утекают за рубеж?

«Крав-Мага» не стоит на месте. Она развивается в первую очередь АЭ именно у нас. Все последние новшества не сразу идут на экспорт.

Правда, что существуют разработки КМ для детей, таксистов, а АМ также для стюардов «Эль-Аль»?

Есть такие курсы. Но в каждом случае требуется особый уклон и АЭ особый подход. Именно в этом, на мой взгляд, наши тренеры преуспевают — в способности отвечать на конкретные запросы, а не рассматривать свою систему как ортодоксальный свод правил.

Следы выживания любого народа — «Искусства, знания, войны, троны / И память сорока веков!» Память у каждого народа своя, «наскальная», но ею не возбраняется делиться. С начала 1980-х годов КМ активно изучается правоохранными органами и армейскими спецподразделениями не только Израиля, но и США, Западной Европы, а с некоторых пор и России. И хоть известно, что в этом лучшем из миров каждый должен заниматься своим делом, бывают в жизни ситуации, когда никто не поможет — кроме «Крав-Мага», конечно.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Adai Eadea

Я жил в Иерусалиме. Вечером 4 ноября 1995 года мы с женой смотрели кино по телевизору. Я хорошо запомнил название: «Убийство из прошлого». Антон Носик, двое суток просидевший перед компьютером за «Принцем», пока не дошел до последнего уровня и не поцеловал принцессу, отсыпался у меня в кабинете. Когда фильм закончился, я переключил на Первый и попал на экстренный выпуск новостей. Только что на площади Малькей Исраэль в Тель-Авиве, после праздничного митинга в защиту мира, неизвестный стрелял в премьер-министра Ицхака Рабина. Он ранен, и, по всей видимости, тяжело. Я бросился будить Носика:

— Нос, проснись, в Рабина стреляли! Он ранен!

— Ху...я, выживет, — пробормотал Носик сквозь сон и повернулся на другой бок.

Через час стало известно, что не выжил. Я окончательно разбудил друга, и мы поехали к резиденции премьера, вокруг которой, движимые гражданским долгом, уже собирались люди. Мною и Носиком, признаться, двигал только журналистский долг — мы оба работали в газете «Вести».

וְאֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יִדְבַּר אִישׁ בְּאָזְנוֹ לְאָחֵי עֹבְדֵיךָ דָּאֵרִי אֵל

1995 א"ה

На следующий день, за утренним кофе, я сказал: «Представляю себе, какое веселье и стебалово стоит сейчас у нас в редакции!» Так оно и было — я расспросил коллег.

В нашей газете, кроме перекатанных из ивритской прессы новостей и аналитики вокруг убийства, появлялись и собственные материалы. В них не было ни новостей, ни аналитики. Своим гражданским долгом авторы считали заклеить атмосферу всеобщей настороженности, возникшей после убийства. Будучи интеллигентами, они цитировали Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны».

Заметим, что после покушения на де Голля в 1961 году во Франции было объявлено чрезвычайное положение. В Израиле после убийства Рабина — нет.

Наш друг, поэт-песенник, написал талантливые стихи: «Убили дедушку Рабина! / Прострелили пламенную грудь! / И жена его, старая жабина, / тоже загнется когда-нибудь!»

День смерти Рабина стал ежегодно отмечаться во всех общественных учреждениях как день памяти. Русские называли его «фестиваль Рабина». Они негодовали из-за того, что их детей в садах и школах заставляют принимать участие в поминальных митингах. Русские пили водку и проклинали власть.

Кажется, достаточно для введения в тему.

А тема называется «Русские в Израиле». Я взялся за нее, чтобы подвести некоторые итоги многолетних наблюдений. Разумеется, эти наблюдения ни в коей мере не относятся ко всем русским. Тем не менее они верны в отношении очень многих русских, — настолько, что можно говорить о типическом. Нигде национальный характер не демонстрирует себя так ярко, как в иммиграции, даже если ее велено называть репатриацией. Но фокус заключается в том, что, хотя большинство репатриантов и были у себя на родине евреями, в Израиле они прежде всего — русские. И проявляют, соответственно, русскую ментальность. Начну с посконного.

Русские научили израильтян пить и праздновать Новый год. В 1989 году израильтяне не пили — свидетельствую! Я знал только одного пьющего израильтянина. Его звал Яков, мы были соседями по съемной квартире. Яков работал в пиццерии, ходил вольным слушателем на лекции по философии в Еврейском университете, а по ночам пил в пабах ром. Другие израильтяне если что и пили, то пиво. В армии русские по пятницам имели возможность вполне прилично надраться, потому что израильтяне шабатнее красное сладенькое только пригубляли, и этого эрзац-портвейна нам доставалось немерено. Ах, какие это были прекрасные, наивные времена! Спальный иерусалимский район Гило. Какой-то выходной. Девять утра. Мы с приятелем заходим в абсолютно пустой супермаркет и берем бутылку вина. Пробиваем на кассе, выходим и выпиваем тут же на ступеньках. Осознаем, что следует повторить. Когда мы во второй раз подходим к кассе, добрая женщина сочувственно спрашивает: «Разбили?» А нынче все кассирши русские или эфиопки, и ни тех ни других не удивить даже полной тележкой водки.

Дайкееа еи і еаді оу а оаі ода ааіі даоее.

1991 аа

Новый год в Израиле называется Сильвестр. Двадцать лет назад в новогоднюю ночь можно было спокойно попасть практически в любой ресторан. Сегодня места нужно заказывать недели за две. Но даже в те невинные времена израильская полиция быстро просекла, что в ночь на первое января дороги страны наполняются абсолютно пьяными русскими водителями. Проверка на алкоголь в Израиле сначала стала новогодней традицией. Через несколько лет ее пришлось сделать рутинной на все дни года.

Но это все — забавные очевидности. Гораздо серьезнее русский характер проявляет себя в совково-имперском видении реальности. Когда мы начинали делать газету — самую толстую на тот момент русскую газету в мире, — работодатели приставили к нам двух кураторов, старых журналистских волков. С большим терпением они вдабливали в головы русским журналистам, что в новостных материалах авторы не должны высказывать собственное мнение или давать субъективные оценки. Но поскольку все практически журналисты были на самом деле русскими писателями, они клали на кураторов с прибором, и этим бедолагам приходилось вновь и вновь утыкаться в такое, например, начало новостной статьи: «Враг еврейского народа, мерзкий ублюдок Ясир Арафат, руки которого по локоть обгарены кровью наших соотечественников...»

В западном мире интеллектуальная элита всегда левая и толерантная. Русская интеллигенция в Израиле — правая и нетерпимая. К этому следует добавить такие замечательные качества, как заносчивость и келейность. Настоящий русский интеллигент слушает своего израильского собрата вполуха. Во-первых, потому, что, как правило, фигово знает иврит; а во-вторых, потому, что ему гораздо интереснее вещать — хоть и на фиговом иврите, но самому, — чем слушать другого.

Впрочем, русская экспансивность имеет и творческую составляющую. На сегодняшний день на иврит стараниями как анонимных, так и известных авторов переведено многое из того, что нам дорого и любо: от Чебурашки до Высоцкого. Правда, потребителями переводного наследия являются, главным образом, сами русские.

Наша община — живое доказательство тезиса о том, что образовательный уровень не делает человека более нравственным. Я вовсе не хочу сказать, что русские безнравственны. Просто в том месте, где у западного человека гражданская совесть, у русского — пустота. Нелегко в этом признаться, но советской власти удалось сделать из нас уродов. Сегодня это, может, уже и не так остро чувствуется — пообкатались за двадцать лет, но в начале 1990-х русские были настолько дикими, что с трудом понимали разницу между правительственным и государственным. На уроках обществоведения в советской школе этому не учили.

Ἰ γυὸ ἰ εἰαεῖ Ἀαἰ ἄαῖα - ἰδεδῶδ ἰ ἄαῖαεἰ. Ἀαῖδῶ.

Ἀαῖαῖ 1982 ἄἰἰ

Как-то раз я написал материал о том, как магавники издеваются над палестинцами. МАГАВ — аббревиатура, означающая «мишмар а-гвувль» — «пограничная полиция». Довольно несуразное название, потому что МАГАВ используется примерно как российский ОМОН — для подавления беспорядков. Но

принадлежит он не к полиции, а к армии. А в ЦАХАЛе призывник имеет право претендовать на службу в том или ином роде войск. Так вот, после этой публикации я почувствовал себя каким-то начальником военкомата: десятки молодых людей писали мне и звонили с просьбой рассказать, как им попасть в МАГАВ. На вопрос, почему именно в МАГАВ, отвечали на голубом глазу: «Хочу мочить арабов!» И ведь трудно осуждать. Они приехали из страны, в которой даже постсоветский президент публично заявляет о том, что террористов будет «мочить в сортире». Все мы вышли из бластного шансона.

Интересные этнографические наблюдения я делал в армии. Это, как известно, самый консолидирующий из израильских институтов. В армию меня призвали, когда мне было 28 лет, и действительную службу я проходил в формате так называемого «шлав бет» — второго эшелона, то есть не три года, а четыре месяца. Со мной вместе служили почти исключительно свежие иммигранты из разных стран — роскошный материал для сравнительной социологии. Больше всего я ненавидел аргентинцев. Они были стукачами, коллаборационистами и троцкистами. Они выслуживались у начальства. «Волонтеры на уборку туалета?» — спрашивает сержант на вечернем построении. Вверх взмывает частокол из аргентинских рук. Русские и персы мрачно тупят взгляд себе под ноги.

Да, вот персы — те были отличные ребята! Шлангами прикидывались точно как мы, но при этом как-то спокойнее, без нашей резкости. Я с персами дружил. Хотя все время повторял, что никогда не прощу им убийства Александра Грибоедова. Они довольно долго терпели эту подначку и только улыбались в ответ, пока им не надоело, и они объяснили мне, что Грибоедову не следовало соваться в Персию во времена правления Каджаров и уж тем более ему не следовало укрывать у себя в посольстве сбежавшую из шахского гарема девчонку. У меня отвалилась челюсть. Персы сказали, что все это написано в их школьном учебнике истории.

Всегда интересно и поучительно посмотреть на себя глазами других, и недаром, видимо, одной из самых диссидентских книг в Советском Союзе была книга французского публициста де Кюстина «Николаевская Россия». Де Кюстин писал: «Каждый, кто познакомится с царской Россией, будет готов жить в какой угодно стране. Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором невысказано счастье, ибо по своей природе человек не может быть счастлив без свободы», — и этот пассаж воспринимался вполне актуально, стоило только заменить «царскую» на «советскую».

Ненавистью к советской власти были серьезно контужены те, кто приехал в Израиль в 1970-х. Их можно понять: они уезжали в мрачной тени ужасного слова «навсегда», без какой бы то ни было надежды вновь увидеть оставшихся за железным занавесом друзей и близких. Они считали Россию империей зла еще долго после того, как прекратил существование Советский Союз. Они были настолько упорными в своих сложившихся доктринах и представлениях, что с трудом соглашались изменить в них хоть запятую. Помню, как мы с Носиком безрезультатно пытались объяснить им, что слово «тусовка» в русском языке существует, и давно. Семидесятники жили в Израиле, как в инкубаторе, и натиск новой волны русской иммиграции потряс их не меньше, чем коренных израильтян. А может, и больше. Они называли новую алию «колбасной», а себя считали истинными сионистами. Миша Генделев написал статью «0:0 в нашу пользу». В этой статье он бурно дискутировал с новыми русскими израильтянами. Навсегда запомнилась фраза: «И это он говорит мне — поэту и, между прочим, солдату!»

*Νέσαα ται δαάρ: Αί οϊί Ι ίνέ, Αδεαί Έαδεά, Αδρια Δααατá, Άαί υγί Έααδγααά (ιι έίτε).
Οέεοά Άαί-Έααί, Έαδνιέει .*

1992 άά

Генделев стал первым и пока последним израильским русским поэтом, которого пригласили на престижное иерусалимское поэтическое биеннале. После такого успеха его позвали в какую-то культурную программу на ТВ для дебатов по поводу литературы. Другим гостем был старый литератор «поколения “Пальмаха”», Йорам Канюк. Поскольку за четверть века, прожитые в Израиле, включая службу военврачом, в том числе во время Ливанской кампании, Миша ни разу не заморочился изучением иврита, считая это занятие для русского поэта не полезным, у него был только один козырь в общении с израильянами: эпатаж.

Миша явился на передачу, что называется, at his best. На нем были сиреневая рубашка, оранжевая бабочка, зеленая жилетка и красный пиджак, а на носу — пенсне, делавшее презрительный взгляд еще более презрительным. Несмотря на то что на иврите Миша говорил, как классический татарский дворник по-русски, в дискуссии с Йорамом Канюком он победил нокаутом. Для начала Миша выдвинул короткий, но хлесткий тезис о том, что никакой литературы в Израиле нет вообще. Это, как можно было догадаться, не очень понравилось Канюку, который, бедолага, на полном серьезе запилел речь в защиту родной словесности. Миша слушал его, глядя сквозь пенсне, мало что понимал, да это ему было и не нужно. Когда Канюк закончил, Генделев важно произнес на иврите: «Как говорила моя бабушка, — и продолжил по-русски: — “неглиже с отвагой”!»

Канюк еще долго брызгал слюной, пытаясь доказать, что Миша не русский еврей, а выродок, и почему-то все время приводил в пример какого-то партизана Яшку, с которым вместе воевал в 1948-м и который очень эффективно херачил арабов из пулемета «Стен». Ведущий культурной программы был откровенно счастлив.

Как-то раз мой аргентинский приятель^[1], проживший много лет в Бразилии, рассказал, что бразильская стуженка не могла заменить ему аргентинской: «Понимаешь, вкусы, усвоенные в детстве, очень сильны». Набоков назвал русский продуктовый магазин за границей «кунсткамерой отечественной гастрономии». Это верно и сегодня. Русский продмаг, будь он в Тель-Авиве, Берлине или Нью-Йорке, удивляет коллекцией ностальгических продуктов. Русский гастрономический натиск привел в Израиле к

двум серьезным подвижкам: повсеместному распространению черного хлеба и победе некошерных магазинов в борьбе с религиозным лобби.

Русским в Израиле осталось недолго. Я рассказывал на страницах этого журнала, как осознал вдруг, что нет больше в Израиле польской общины. Умрет и русская. Потому что дети русских родителей в Израиле сами уже — не русские. Есть ли здесь парадокс? Думаю, что нет. Ведь бытие хоть и не полностью, но очень сильно определяет сознание. И национальный характер.

[1]. *Со времен службы в армии я очень переменялся к аргентинцам. Я их теперь люблю.*

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

×ÈÒÀÈÈ?

ÈÐÀÌ ÈÈÀ ÁÁÐÀÌ ÎÁÀ: «ÄÈÌÀ ÑÒÐÌÈÈÀ ÕÐÀÓ, ÈÀÈ ÈÇÐÌÍ ÛÈ
Ì ÁÕÀÌÈÈÌ»

2010.9

СВЕТЛАНА, ИнтернетВернулась в свою юность. Дина Михайловна стала мне старшей сестрой . и наставницей в КБ Цветмета. Она ввела меня в круг своих друзей, познакомила с Высоцким, Т.Н. Солошек, которая впоследствии стала моим педагогом. Мы очень много времени проводили вместе. В то время Дина Михайловна увлекалась реставрацией икон, и я подарила ей две из семейной коллекции. Жизненные обстоятельства нас разлучили, но добрая память о Дине Михайловне живет во мне.

×ÈÒÀÈÈ?

ÁÌÐÈÑ ÈÈÈÌ. ÇÀ×ÁÌ ÁÁÐÁÐ Ì ÐÀÁÌÑÈÀÁÈÁ

2011.1

ВЛАД, ИНТЕРНЕТБорис Клин сокрушается в своей статье: «Но речь ведь не . только о технических проблемах. Более серьезный вопрос — это актуализация религиозного послания. В Русской православной церкви ее служители постоянно стремятся дать ответы на запросы сегодняшнего дня — политические, экономические, общественные. И это, естественно, привлекает людей. Еврейских проповедников не слышно и не видно. Такое ощущение, что они сами уже спрятались в интеллектуальном гетто и ждут, когда остальные туда придут. Да придут ли?» Наверное, такое представление ошибочно. На телеканалах России достаточно много талантливой молодежи. Правда, не всегда и не сразу это бросается в глаза. Вероятно, нужно более тонко чувствовать древнюю веру и различать неписанные традиции.

×ÈÒÀÈÈ?

Ì ÈÕÀÈÈ ÝÄÈÛÕÒÀÈÌ. Ì ÎÛÀÁÕÈÁ Á ÝÕÕ ÑÁÕÛ

2011.2

Г.Б. ГОРБОВИЦКИЙ, ИнтернетИзвестно, . как нынче СМИ относятся к русскому языку. Журнал «Лехаим», к сожалению, не является исключением. Яркий пример неуважительного отношения к русскому языку, естественно, и к читателю — статья М. Эдельштейна, пересыщенная непонятными для «простого» читателя научными терминами и «запросто» перенесенными из английского языка словами: «Фрустрация, эскапизм, алюминированы...» Термины эти допустимы для научного, но не для популярного журнала. Но особое недоумение — и это мягко говоря — вызывают следующие слова: «Байопик, оффлайнвый, френдить, юзер, лузер, флэшбек, месседж...» Уверен, эти слова можно было заменить русскоязычными эквивалентами или, в крайнем случае, несколькими русскими словами.

×ÈÒÀÈÈ?

Ì ÈÒÀÈÈ ÈÀÀÌ ÁÖÈÈÉ Â «ÁÌÌ ÍÌÄÄ»

2011.2

ВЛАДИМИР, ИнтернетФилософия . релятивизма — это, к сожалению, воздух, которым дышит Михаил Жванецкий. Выдох — это стон, стон и плач. Потому что нормальное дыхание человека возможно лишь тогда, когда он дышит исключительно истиной. Из сердца этого потекут реки воды живой. Истина — это Тора. Если дышать ею постоянно, меньше будет углекислого газа в наших головах.

×ÈÒÀÈÈ?

ÁÂÈÈ ÈÀÇÂÄ. ÁÌ ÁÄ ÈÌÑÒÈ ÑÓØÈÒ È ÑÂÄÄÖÄ ÈÐÓØÈÒ

2011.3

АНДРЕЙ, пос. Потьма«У евреев — “чем больше ты гневаешься, тем больше все портишь”... Но . все-таки как можно сравнивать гнев с идолопоклонством? Ведь гнев — это вроде бы только лишь несовершенство характера, а идолопоклонство означает отрицание Б-га...» Я мог бы тут накидать порядком цитат, собирателем которых стал, объявив войну своему «несовершенному характеру». Раньше перемалывал в огромном количестве самую разную литературу, а порою — макулатуру. Просто чтобы время скоротать, однако с годами все переменялось: я начал искать свои корни, и теперь отмечаю все, что не имеет отношения к моему происхождению, что ворует время. Читая главы из «Слова раввина», я обнаруживаю в себе рост того тонкого, почти неуловимого душевного состояния, о котором в недалеком еще прошлом не то чтобы подумать — помыслить не мог. Мое превосходство: когда другие вечно находятся в поиске, раскручивая колесо бытового, чтобы «оживить» свою жизнь, я держусь благодаря чистому потоку.

ГРОМЧЕ ВСЕХ

אָדאַען י' אַעע

Есть такое место, где лифты грохочут, двери хлопают, тарелки бьются, а каждое окно — как материн рот, что велит улице: а ну не орать; катайтесь на своих роликах где-нибудь еще; немедленно домой! Мой голос громче всех. Там моя мама еще живехонька, и бакалейщик решаете дать ей совет.

— Миссис Абрамович, — говорит он, — главное — своих детей не бояться.

— Ах, мистер Бялик, — отвечает мама, — что ей, что ее отцу скажешь — потише, мол, а они: «Потише в могиле будет».

— С Кони-Айленда на кладбище, — говорит папа. — На той же подземке, за те же деньги.

Я стою у бочки с солеными огурцами. Борозжу мизинцем рассол. Отвлекаюсь, чтобы объявить:

— Кэмпбелл — томатный суп. Кэмпбелл — овощной на говяжьем бульоне. Кэмпбелл — шотландская похлебка...

— Тише ты, — велит бакалейщик. — А то с банок наклейки поотлетают.

— Ширли, прошу тебя, чуточку потише, — умоляет мама.

В этом месте вся улица стонет: «Тише! Тише!» — но ей ни на капельку, ни на толику не унять радостный хор у меня внутри.

Там же, совсем рядом, за углом, здание из красного кирпича, давным-давно старое. Каждое утро перед входом стоят дети в две предполагаемо ровные линейки. Их ничто не оскорбляет. Им все равно ждать.

Обычно среди них и я. Собственно, я первая, потому что моя фамилия начинается на «А».

В одно холодное утро староста хлопнул меня по плечу и сказал:

— Ширли Абрамович, тебя вызывают в четыреста девятый кабинет.

Я послушно помчалась не вниз, а вверх по лестнице в 409-й кабинет, где сидели шестиклассники. И встала, замерев, у учительского стола: ждала, когда у мистера Хилтона, их учителя, найдется для меня время.

Через минут пять он сказал:

— Ширли!

— Что? — шепнула я.

— Вот те на! Ширли Абрамович! Я слышал, ты говоришь громко, четко и умеешь читать с выражением. Так оно и есть?

— Да, — шепнула я.

— Тогда давай без глупостей! Когда-нибудь ты еще, может, и учиться у меня будешь. Отвечай как положено.

— Хорошо! — проорала я.

— Так-то лучше, — кивнул он. — Слушай, Ширли, а ты не можешь волосы подвязать или там заколоть? А то у тебя на голове копна.

— Могу! — выкрикнула я.

— Все, угомонись. — Он развернулся к классу. — Дети, полная тишина! Откройте учебники на тридцать девятой странице. Читайте до пятьдесят второй. Как закончите, начинайте сначала. — Он снова окинул меня взглядом. — Ты, наверное, Ширли, знаешь, что приближается Рождество. Мы готовим замечательный спектакль. Роли по большей части уже розданы. Но очень нужен еще человек с сильным голосом, с мощной энергетикой. Знаешь, что такое энергетика? Правда? Умница. Я тут вчера на школьном собрании слышал, как ты читаешь «Господь — Пастырь мой»^[1]. Мне очень понравилось. Прекрасно было исполнено. Миссис Джордан, твоя учительница, тебя хвалит. Значит, так, Ширли Абрамович, если хочешь участвовать в спектакле, повторяй за мной: «Клянусь работать на полную, как я никогда еще не работала!»

Я взглянула на небеса и выпалила:

— Клянусь! — Поцеловала мизинец и посмотрела на Г-спода.

— Такая уж у актеров жизнь, — объяснил он. — Он, как солдат, всегда наготове и всегда готов исполнять приказы генерала — то есть режиссера. Все, — сказал он, — абсолютно все зависит только от тебя.

После уроков ученики по всей школе отчищали и отдирали с окон ошметки индейки и шелуху от попкорна. Прощай, День благодарения. На следующее утро староста принес со склада красную и зеленую бумагу. Мы наделали новых гирлянд, развесили их по стенам, прикрепили над дверями.

Учителя становились все радостнее. Словно в головах у них весело звенели колокольчики детства. Моя лучшая подруга Эви во всем видела худое, но даже она не нашла, над чем поиздеваться. Мы выучили «Святую ночь»^[2] назубок.

— Замечательно, просто замечательно! — восторгалась мисс Глазе, проходившая у нас в школе практику. — Даже не верится, что кое-кто из вас по-английски толком не говорит.

Мы выучили «Украсьте залы» и «Вести ангельской внемли»^[3]. Учителям не было за нас стыдно, и мы не смущались.

А вот мама, узнав про это все, сказала папе:

— Миша, ты хоть представляешь, что там творится? Крамер вошла в комиссию по распределению билетов.

— Кто? — переспросил папа. — Крамер? Так у нее вообще активность повышенная.

— Активность? Активность обычно направлена на что-то разумное. Знаешь, — сказала она со вздохом, — меня очень удивляет, как наши соседи носятся с этим Рождеством.

Папа не сразу сообразил, что на это ответить. Но быстро нашелся.

— Ты же в Америке! Клара, ты сама сюда хотела. В Палестине арабы сожрали бы тебя живьем. В Европе были погромы. В Аргентине сплошь индейцы. А здесь — Рождество... Вот незадача, да?

— Очень смешно, Миша. Что с тобой случилось? Если мы давным-давно приехали в эту страну, спасаясь от тирании, а тут один сплошной вертеп и нашим детям забивают головы враньем, что тут забавного? Ой, Миша, куда подевался твой идеализм?

— А твое чувство юмора?

— Его у меня никогда не было, а вот ты всегда был идеалистом.

— Я все тот же Миша Абрамович. Ни на йоту не изменился — кого хочешь спроси.

— Ты меня спроси, — сказала мама, да будет ей земля пухом. — Я знаю ответ.

Соседи тоже думали, как к этому относиться.

Отец Марти сказал:

— Знаете, у моего сына очень важная роль.

— И у моего, — подхватил мистер Сауэрфельд.

— А мой в этом не участвует! — заявила миссис Клег. — Я сказала «нет». Нет, и все. А раз я сказала «нет», значит, «нет»!

Жена раввина заявила:

— Это омерзительно!

Но ее никто не слушал. По территории, строго ограниченной великой мудростью Г-сподней, она расхаживала в рыжевatom парике.

Каждый день было много шума, а уж пользы сколько! Я стала правой рукой мистера Хилтона.

Он говорил:

— Что бы я без тебя делал, Ширли?

Он говорил:

— Твои папа с мамой должны каждый вечер вставать на колени и благодарить Господа за то, что Он дал им такую дочь.

А еще он говорил:

— Милое мое дитя, работать с тобой — сплошное удовольствие.

Порой он восклицал:

— Бог ты мой! Куда я подевал текст? Ширли! Ширли! Где он?

— Вот он, мистер Хилтон, — тихо отвечала я.

Иногда, устав, он снова звал меня:

— Ширли, у меня больше нет сил орать на этих деток. Скажи ты Айре Пушковой, что он выходит, когда Лестер показывает на звезду во второй раз!

И я вопила что было мочи:

— Айра Пушков, да что с тобой такое? Болван! Мистер Хилтон уже пять раз тебе сказал, тебе выходить, когда Лестер покажет на звезду во второй раз.

— Ой, Клара, — сказал папа, — чем же она занимается до шести вечера, что даже на стол накрыть не может?

— К Рождеству готовится, — холодно ответила мама.

— Хо-хо! — воскликнул папа. — Чем Рождество плохо? В конце-то концов история всех чему-то учит. Из книг понятно, что этот праздник идет еще от язычества — свечи, огни, та же Ханука. То есть он не совсем христианский. Так что те, кто считает его сугубо христианским праздником, — не патриоты, а просто невежды. То, что стало частью истории, принадлежит всем. Хотите назад в Средневековье? А что, брить голову тупой бритвой лучше? Что плохого в том, что Ширли учится говорить четко? Да ничего. Может, ей не придется всю жизнь бегать от прилавка в кухню и обратно? Она совсем не дура.

Спасибо тебе, папа, за твою доброту. Я и по сей день такая. Дурацкого во мне много, но я не дура.

В тот вечер папа поцеловал меня и сказал, проявив интерес к моей карьере:

— Ширли, завтра у тебя большой день. Мои поздравления.

Утром шел снег. На углу улицы стояло дерево, которое добрые городские власти украсили специально для нас. Чтобы не попасть под его хладную сень, наши соседи ходили в булочную за три квартала. Мясник закрыл окна черными шторами, чтобы разноцветные огоньки не светили на его кур. Я вела себя иначе. По дороге в школу я, проявив терпимость, обеими руками послала дереву воздушный поцелуй. Оно, бедное, не имело никакого отношения к Египту.

Под любопытными взглядами остальных учеников я прошествовала прямо в зал.

— Давай, Ширли! — подбодрили меня старосты.

Четверо самых рослых мальчишек уже расставляли декорации.

Мистер Хилтон ужасно нервничал. И ничуть не радовался. Начиная что-то говорить и тут же грустно отводил глаза. Устало опустился на кресло в первом ряду и попросил меня помочь мисс Гласе. Я стала помогать, но она решила, что у меня слишком звучный голос и сказала:

— Позерка!

Родители стали собираться задолго до того, как мы успели все подготовить. Они старались произвести хорошее впечатление. Раздвинув бесконечные метры занавеса, я в щелочку посмотрела на зал. Где увидела свою смущенную маму.

Мисс Гласе приклеила Айре, Лестеру и Мейеру бороды. Она чуть не забыла повесить на проволоку звезду, но я ей напомнила. Чтобы прочистить горло, я как следует откашлялась. Мисс Гласе последний раз проверила, все ли в костюмах, все ли на местах.

— Ну, начали... — шепнула она.

Джеки Сауэрфельд, самый красивый из первоклассников, раздвинул худеньким локтем складки занавеса и тонким голосом зашел:

Í àí ù-ì àì ù!

Í à-èí ààì

Í àò òí àè ààì ò ààì ò è è ì ì à è ò à è è ì!

È à è òì à àì , à àì ò à ì ò è à è àì

è , è à è ì í à è àì , à àì í í è à è àì .

После чего удалился.

Из-за кулис тут же понесся мой голос, поразивший Айру, Лестера и Мейера, — они его ждали, но все равно изумились.

— Помню, помню дом, где я родился...

Мисс Глазе раздвинула занавес, и зрителям предстал дом — старый овин, где на куче соломы лежала Селия Корнблах и держала на руках Синди Лу, свою любимую куклу. Айра, Лестер и Мейер медленно двинулись из-за кулис к ней, показывая то на плывущую вверх звезду, то на Синди Лу.

Это была длинная и грустная история. Я, тщательно выговаривая слова, рассказывала о своем одиноком детстве, а Эдди Браунштейн ходил, опираясь на огромный пастуший посох, по сцене — искал овец. Я снова заговорила про одиночество — меня никто не понял, кроме нескольких женщин, которых никто терпеть не мог. Эдди был слишком мал, и его место занял Марти Грофф в молитвенном покрывале своего отца. Я упомянула о двенадцати друзьях, и половина мальчиков из четвертого класса собралась вокруг Марти, забравшегося под мои разглагольствования на ящик из-под апельсинов. Громко и печально я вещала о любви, Боге и Человеке, пока вследствие подлого предательства Эби Стока мы не подошли к ключевому моменту. Марти, чьими устами была я, ждал у креста. Он в отчаянии смотрел на зрителей. «Б-же мой, Б-же мой! Для чего Ты меня оставил?»[4] Солдаты, красавцы все как на подбор, схватили бедного Марти, чтобы пригвоздить его к кресту, но он вырвался, снова развернулся к залу и раскинул руки, изображая отчаяние и приближение конца. Я самым громким шепотом произнесла:

— Дальше — тишина. Но, как всем в этом зале, в этом городе, на этой планете теперь известно, я обрел жизнь вечную.

Вечером миссис Корнблах заглянула к нам выпить чаю на кухне.

— Ну и как там наша Дева? — с озабоченным видом спросил папа.

— Для человека, который растит дочь, ты слишком остер на язык, Абрамович!

— Лимончика возьми, — мирно предложил папа. — Подсластить настроение.

Они немного поругались на идише и перешли на смесь русского и польского. Понимать я стала, только когда папа снова заговорил по-английски.

— И тем не менее, согласитесь, это было чудесное мероприятие, на котором мы познакомились с верованиями, присущими другой культуре.

— Пожалуй, — сказала миссис Корнблах. — Только вот... Знаете Чарли Тернера, хорошенького мальчика из класса Селии? Он и еще пара ребят получили совсем крошечные роли, а кто-то вообще не участвовал. Как-то это неприятно. Это же, в конце концов, их религия.

— Ах, — воскликнула мама. — Мистер Хилтон ничего не мог поделать. У них голоса слишком слабые. Да и с чего бы им вопить? Они с рождения знают английский наизусть. Белокурые как ангелы. Разве так важно, чтобы они участвовали в спектакле? Рождество... все, что положено... у них и так это есть.

Я слушала, слушала и тут чувствую — сил моих больше нет. Уже совсем сонная я сползла с кровати и опустилась на колени. Сложила руки куполом и произнесла:

— Слушай, Израиль... — А потом крикнула на идише: — Спокойной ночи, спокойной вам ночи. Умоляю, тсс!

— Сама тсс, — ответил папа и захлопнул дверь.

Я была счастлива. И тут же заснула. Я успела помолиться за всех — за моих болтливых родителей, за двоюродных братьев и сестер далеко отсюда, за прохожих на улице и за всех одиноких христиан. Я очень надеялась, что меня услышат. Мой голос уж точно громче всех.

Í adháirí naí áéénérá Áadó Í óríéiré

[1]. Псалом 23.

[2]. «Святая ночь» — рождественская песнь, которая звучит во время рождественской мессы.

[3]. «Украсьте залы» («Deck the Halls») и «Вести ангельской внемли» («Hark! The herald Angels») — песни, традиционно исполняющиеся на Рождество.

[4]. Пс., 27:46.

ЭССЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

Ḥēlōēy Ḥēē

ÈÑÀÀÈ ÁÁÁÁËÛ: ÍÁ ÁÀÈÈ ÇÀÊÎ Í × ÈÛÛ»

15 мая 1939 года писатель Исаак Бабель, пожалованный дачей за литературные заслуги, был арестован в Перedelкино и доставлен во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Рукописи его были изъяты и уничтожены — в том числе незаконченные рассказы, пьесы, сценарии и переводы. Ему предъявили обвинение в шпионаже и через шесть месяцев, после трех суток мучительного допроса, он сознался в несуществующих преступлениях. Вечером 25 января 1940 года его наскоро судила Военная коллегия Верхсуда; Бабель отказался от своих признательных показаний, и той же ночью, в час сорок, был расстрелян. Ему было сорок пять лет. При аресте он сказал: «Не дали закончить». В своем последнем слове он просил не за себя, а защищал авторитет и правду литературы.

*Èñààè ÁáááëÛ
Èç àððèàà È.È.Èèàèèà*

1930 ãã

Но, конечно, они антиподы: Кафка — интроверт, недовольный собой, равнодушный к политике; гений, не уверенный в своем праве на язык, которым пользуется; он без конца мучится из-за расстроившейся помолвки, редко выходит из дому. А Бабель — беспечный, отчаянный, бабник, полубродяга, кавалерист, пропагандист, отец троих детей от разных женщин, лишь одна из которых — законная жена. Тогда зачем поминать Кафку, говоря о Бабеле? Кафка хотя бы умер в своей постели. Бабе́ля убило преступное ведомство циничной и преступной власти. Кафка потребовал, чтобы написанное им уничтожили, — его не послушались. Имя и сочинения Бабе́ля были стерты — как будто он ничего и не писал, — и только в 1954 году, во время «оттепели», его, по советской терминологии, «реабилитировали».

Однако вдвоем они говорят нам то, что мы обязаны знать в наше время, — о жестоких траекториях силы и обмана, включая самообман. Кафки одного недостаточно: его интерьеры слишком ограничены. Бабе́ля одного недостаточно: его ландшафты слишком широки и разбросаны. Кафка дает мощную, разнообразно интерпретируемую метафору: человек, который мыслит, но едва ли живет, метафизик, в конце концов сжигаемый ложью. Бабе́ль, напротив, живет, живет, живет! Живет полнокровно, жадно, с любопытством; у него раблезианский, всеобъемлющий, эксцентрический интерес к непредсказуемым людским побуждениям. Он мистификатор, пройдоха, иронист, непостоянный любовник, бесстыдный самозванец — и сотни этих пламенных личностей исподволь рождают правды, одну за другой — в физиономии, в цвете неба, в луже грязи, в слове. Насилие, жалость, комедия, озарение. Он словно чуткая мембрана, отзывающаяся на каждый творческий импульс.

Он родился в Одессе, космополитическом, многоязыком городе, глядевшем на море и дальше. Это, по его словам, «очаровательнейший город Российской империи».

«Подумайте — город, в котором легко жить, в котором ясно жить. Половину населения его составляют евреи, а евреи — это народ, который несколько очень простых вещей очень хорошо затвердил. Они женятся для того, чтобы не быть одинокими, любят для того, чтобы жить в веках, копят деньги для того, чтобы покупать дома и дарить женам каракулевые жакеты, чадолюбивы потому, что это же очень хорошо и нужно — любить своих детей. Бедных евреев из Одессы очень путают губернаторы и циркуляры, но сбить их с позиции нелегко, очень уж стародавняя позиция. Их и не собьют и многому у них научатся. В значительной степени их усилиями создавалась та атмосфера легкости и ясности, которая окружает Одессу».

В этом абзаце много от самого Бабеля, душевного, веселого человека — искреннее и вместе с тем ироническое восхищение от людей, таких, какие они есть, насмешливое, с вызовом утверждение своего полноправия («чтобы жить в веках»), благополучие и нищета, живущие бок о бок, простые люди, замороженные бюрократией, недоумение и упрямство, любовь и одиночество. Что до еврейской бедноты, то Бабель и сам вышел оттуда, с Молдаванки, района со смешанным населением, где водились бандиты. То, что он наблюдал там глазами сообразительного мальчика, быстро насытило его богатым жизненным опытом, вылившимся (ему было двадцать девять лет) в цветистые рассказы о Бене Крике и его шайке — преступниках со своим кодексом чести, примерно той же породы, что у Деймона Раниона[1].

Лайонел Триллинг[2], первый англоязычный критик, всерьез занявшийся Бабелем, ошибочно воспринял его как «еврея гетто». Если «гетто» подразумевает ограниченное, ущербное мировосприятие, то Бабель — его противоположность. Он свободно владел идишем и ивритом, знал традиционные тексты и их пространственные комментарии, но к этому добавилась не оставлявшая его всю жизнь влюбленность в Мопассана и Флобера. Первые его рассказы были написаны на хорошем литературном французском. Широта социального кругозора позволяла ему видеть мир глазами крестьян, солдат, священников, раввинов, детей, художников, артистов, женщин из разных общественных слоев. Он водил знакомство с проститутками, таксистами, жокеями; он знал, каково остаться без гроша, жить на краю, в стороне от проторенных дорог. Он был и поэтом города — «стеклянного петербургского солнца», и лириком на природе — когда «в небе обрушивались стены заката». Его привлекали размах и гибкость, оптимизм и непредвиденные возможности; этим манила его социальная свобода. Чаемое приняло политическую форму, и Бабель приветствовал революцию.

Не только приветствовал — принял в ней участие. Чтобы оказаться поближе к своему литературному кумиру Максиму Горькому, Бабель нелегально жил в Петербурге, не имея права селиться за чертой оседлости. С приходом революции черта оседлости исчезла, дискриминационные квоты были отменены, цензура кончилась, в жизни открылись новые горизонты, и Бабель с энтузиазмом примкнул к большевикам. Разочарование наступило в 1920 году, когда он военным корреспондентом с Первой конной армией нес коммунизм польским деревням, никак к подобному спасению не готовым. «...Все говорят, что они воюют за правду и все грабят», — записывал он в дневнике. «...Убийцы, невыносимо, подлость и преступление...» «Побоище. Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных». Спустя шесть лет Бабель опубликовал «Конармию», пронзительные рассказы, холодно сочащиеся кровью и жалостью, и сразу прославился.

С восхождением Сталина в 1924 году новая тирания стала воспроизводить прежнюю. Послереволюционное литературное и художественное цветение, богатое экспериментами, сошло на нет или было задушено. Вернулась цензура, вынюхивала чуждое, благоволя топорному и плоскому соцреализму. Жена Бабеля Евгения, на которой он женился в 1919 году, эмигрировала в Париж, и там в 1920-м родилась его дочь Наталья. Его мать и сестра тоже уехали — в Брюссель. Бабель, навеки обрученный с русским языком, не мог расстаться с Москвой, писал цикл рассказов на материале детства, пробовал себя в драме, работал для кино. Сценарии, в особенности те, что предназначались для немых фильмов, были замечательны: под магнетическим взглядом камеры, при новой технике письма в настоящем времени им сообщалась сверхреальная яркость самых цветистых рассказов Бабеля. По некоторым были сняты фильмы, пользовавшиеся успехом, но они не отвечали партийным установкам, и режиссер одного из них — экранизации Тургенева[3] — вынужден был публично извиняться.

Бабель не мог подчиниться литературным предписаниям власти и печатался все реже. Его обвиняли в «молчании» — нежелании участвовать в общей работе — и лишили привилегии выезжать за границу. Последний раз он поехал в Париж в 1935 году, когда Андре Мальро ходатайствовал перед властями, чтобы Бабелю разрешили присутствовать на международном конгрессе в защиту культуры, поддерживаемом коммунистами. После этого он больше не виделся с женой и дочерью. В тот же год, в

Москве, он стал жить одним домом с Антониной Пирожковой, и она родила от него дочь. От одной прежней связи у него еще был сын. Если личная жизнь Бабеля была непредсказуемой, беспорядочной, порывистой, то проза его являла собой полную ее противоположность. Он чистил свои фразы, добиваясь непосредственности воздействия. Как Пушкин, по его словам, он стремился «писать коротко и точно». Самое острое его замечание о литературном стиле содержится в «Гюи де Мопассане», лукавой, полукомической, полусерьезной сексуальной притче, в сердцевине которой — сила и требовательность языка. Действенность фразы, говорит молодой рассказчик, — «в повороте, едва ошутимом. Рычаг должен лежать в руке и обогреться. Повернуть его надо один раз, а не два». Но даже не здесь суть. Суть (это самый суровый литературный афоризм Бабеля) вот в чем: «Никакое железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя».

Писательское кредо и самое душевное признание Бабеля. Можно благоговеть перед ним, но стоит помнить, что этот искатель чистой правды, тончайший мастер, был когда-то бесстыдным пропагандистом революции, выступавшим с оголтелыми, штампованными призывами: «Добейте его, красные бойцы, добейте его во что бы то ни стало, добейте его сейчас, сегодня! Не теряя ни минуты!» «Добейте их, бойцы Конармии! Заколотите крепче приподнявшиеся крышки их смердящих могил!» Такие лозунги — наглухо запертые камеры, которых не взломать никаким рычагом, и, хотя трюизмом стало то, что всякая утопия содержит в себе семена дистопии, Бабелю, по крайней мере, был дарован почти с самого начала скептицизм. Из скептицизма родилось разочарование, из разочарования — отвращение. И в конце концов революция, как ей и положено, пожрала свое дитя.

Дорогу в эту пасть сократило Бабелю его искусство. Он не желал, не мог приспособиться ко лжи — он видел, видел глазом безжалостным, как прожектор, и, подобно Кафке, он отдавал свои истории голосам и страстям, в которых трепетало непредвиденное. Если мы хотим очертить и передать будущему литературную конфигурацию XX века — образ, который навсегда запечатлется на сетчатке истории, то пора — давно пора — поставить Бабеля рядом с Кафкой. Нет такого нерва, какого не затронули бы эти двое.

Ôðàí ò Èàòéà

Àò àéüüà Bèíáé.

Í ðàãã

1906 ãã

ÒÐÀÁÈÖÈΒ È ÁÂÐÁËÑÈÈÈ Í ÈÑÀÒÁËÛ

Что такое еврейская книга? Узкое определение — и в то же время концептуально самое широкое — это, прежде всего, Тора и Талмуд (еврейская Библия и океан этически трансформирующих комментариев) и все другие тексты, направленные на разгадку прихотливых, как у Иова, движений сердца и побуждающие к нравственной жизни. Еврейская книга — литургия, этика, философия, онтология. Еврейская книга говорит о попытке устроить мир по образу Б-жию, не посягая на то, чтобы Б-га изобразить. Еврейская книга, будь то «Путеводитель растерянных» Маймонида, написанный в XII веке, или «Одинокий верующий человек» Йосефа Соловейчика, написанный в XX-м, исходит из заповеди в книге Левит: «Люби ближнего твоего, как самого себя» и еще более радикального кредо «Шма» о нерасторжимости еврейского народа с Творцом.

Еврейская книга дидактична. Она утверждает достижение добродетели через учение. Она говорит об обязанности. Она предполагает существование Творца и Его присутствие. Можно ли считать еврейской книгой то, что обычно называют еврейско-американским романом?

Думаю, нет; надеюсь, что нет. Если из романа выпирает идея добродетели, мне хочется швырнуть его в стену. Принято считать (отбросим извечные поклепы расистов), что быть евреем — значит быть добропорядочным гражданином, социально ответственным, отзывчивым, способным к жалости, принципиальным, противником насилия. Тогда романист — нечто противоположное: это раскрепощенность, свобода, даже демоническая свобода, воображение без узды. Словосочетание «еврейский писатель» следовало бы считать оксюмороном. Вот почему романисты, родившиеся евреями, но тяготеющие ко всяческой необузданности, — Норман Мейлер, например, — не так уж неправы, когда отказываются считать себя еврейскими писателями.

От романов нам нужно совсем не то, что от трансцендентальных литургий синагоги. Свет, исходящий от романа, рождается в темных расчетах искусства: сюжета, языка (особенно языка), иронии, комедии, кривых переулков желания и обмана.

Покойный Ирвинг Хоу[4] определял американский еврейский роман (тогда еще не «еврейско-американский»), исходя исключительно из материала. А единственная жизнеспособная тема еврейского романа, утверждал он, — это великий кризис иммиграции и ее последствия; когда она исчерпается — что неизбежно, — еврейские писатели останутся с пустыми руками. Но сложности иммиграции и конфликты между старшим и новым поколением — удел не только евреев: переселенцы Уиллы Кэсер[5] уже обосновались на этой территории, так что захлопывающее определение Ирвинга Хоу было ошибочным изначально.

Он был прав, однако, предсказывая исчезновение еврейской темы в Америке. Истинно еврейские темы нашего времени происходят из Европы (результат массового убийства трети еврейского населения Земли) и из возрождения исторической еврейской государственности в Израиле (самого революционного события XX века, затронуть которое сумел из знаменитых прозаиков только Филип Рот). Все остальные темы так называемого еврейско-американского романа — американские: это написано на американском языке и сюжеты американские.

Мультикультурализм, гораздо более ретивый, чем прежний плюрализм («живи и жить давай другим»), любит изготавливать «этническую» беллетристику. («Этнический» — неправильное название, принятое у социологов, производит ложное и унижительное разграничение. Слово греческого происхождения и относилось к язычникам, то есть не иудеям и не христианам.) В последние десятилетия почти все антологии прозы, дабы представить полный «спектр», зачастую наполнялись слабой прозой. Эта практика, продиктованная социальной благожелательностью, оказывается недоброжелательной по отношению к литературе. Выдающимися еврейскими писателями в сегодняшней Америке остаются Сол Беллоу и Филип Рот, остальные еврейские писатели их поколения и следующего — им не ровня. Однако их импульс и их талант направлены на создание литературы, а не на поиски корней. И если в их книгах корни так осязаемы, то потому, как пронизательно заметил Башевис Зингер, что каждому писателю необходим адрес. У Исаака Бабеля были красочные одесские бандиты, но были и рассказы о погромах. У Шолом-Алейхема ужасы местечка упрятаны под маску комедии, у Зингера — демонологии. Ужас Кафки — ужас еврея перед тем, что ему может быть отказано в праве на существование, — носит фальшивое имя суда.

Но адрес — больше чем география; адрес означает, что к писателю адресуется литературная традиция на его языке, что в самих слогах языка осела конкретная история. Иначе почему мы говорим о Чехове, Достоевском, Толстом как о русских писателях, а Джейн Остин, Диккенс и Джордж Элиот для нас английские писатели, Хорхе Луис Борхес и Габриэль Гарсиа Маркес — южноамериканские и т. д.? В характере литературного произведения неизбежно проступает инстинктивная окраска, присущая именно русскому, англичанину или колумбийцу.

И то, что справедливо в отношении национального восприятия и нюансов, справедливо и в отношении религиозного (даже если автор отказался идентифицировать себя с данной религией). В этом смысле Джон Апдайк — христианский писатель, В. С. Найпол — индуистский писатель, Салман Рушди — мусульманский. Понятно, что тема у писателя возникает из того, чем он озабочен; каждый в той или иной степени сформирован своим происхождением, историей. Каждого, кто жил в ушедшем веке, не мог не затронуть катаклизм убийств и жестокостей, который мы называем Холокостом, — это событие оставило неизгладимый — мрачный — отпечаток на нашей нравственной жизни, у всех без исключения.

Но от писателя не надо ждать, что он будет поборником морали или представителем «идентичности». Это — из области трактатов, проповедей, полемики или, хуже того, патоки. Когда сочинению навязывается тезис или схема — любого рода предписание или тенденция, воображение вылетает в окно и вместе с ним свобода, безответственная легкость, которые воображение дарит и контролирует. Писатели в роли эссеистов, полемистов или учителей могут проникнуться проблемами коллективистскими, если почувствовали такую потребность; но сочинителя беллетристики должно заботить только Повествование, как бы прочно ни был он привязан к традиции. Традиция, конечно, подразумевает коллективное и историческое, вызывает к сознательности и принципиальности, она в какой-то степени учит и обязывает.

Но традиция полезна писателю лишь тогда, когда он не сознает, что ею пользуется, когда она не видима и не слышна, когда писатель вдыхает ее с воздухом, когда она не превращается в учительницу и не навязывает ему принципов, когда писатель глух к уговорам коллективного. Видеть в писателе

общественного лидера или воплощение славной традиции — не самое ли большое предательство по отношению к подлинному творческому импульсу? Для такой роли ни один писатель недостаточно надежен. Цель сочинительства — вымыслы. Не служба обществу и не выражение его надежд.

Писатели ответственны только за стройность фразы и за нестесненность воображения, которое заводит иногда найденными путями в дикие места. В то же время надо уважать писателей, которые осведомлены в традиции (обратное было бы подобно лоботомии), не гонятся за пустяками, которые признают, что идеи — это эмоции, а эмоции — это идеи. Вот что мы имеем в виду, говоря о прозрениях искусства.

Гидая פא אַזערע פֿאַר אַזערע אַרעווע אַרעווע

[1] *Деймон Ранион (1884–1946) — американский новеллист. Наиболее известны его юмористические рассказы из жизни преступного мира.*

[2] *Лайонел Триллинг (1905–1975) — литературовед, культуролог, прозаик. В книге «Либеральное воображение» (1950) выступил против социологической теории литературы.*

[3] *В 1935 г. С. Эйзенштейн начал снимать «Бежин луг» по сценарию А. Ржешевского. Местом действия были окрестности тургеневского Бежина луга, но сюжет основан на истории Павлика Морозова. Материал забраковало начальство. Для переделки сценария С. Эйзенштейн привлек Бабеля, но съемки не возобновились, и в 1937 году фильм был закрыт.*

[4] *Ирвинг Хоу (1920–1993) — американский критик и публицист. Написал много книг, одна из наиболее известных — «Мир наших отцов» (1976) — о судьбе еврейских иммигрантов из Восточной Европы в Америке.*

[5] *Уилла Кэсер (1876–1947) — американская писательница. Наиболее известны ее романы «О, пионеры», «Моя Антония» о суровой жизни фермеров-иммигрантов.*

ВСЁ-ТАКИ ЧУДО!

(БАЙКИ ПРО ДАНЬКУ)

Продолжаем читать про [Даньку](#) — маленького мальчика, который всё время задаёт вопросы.

ÀŌÈÈÌÌ ÀÌ

Однажды Данька, мама и папа были в гостях на седере. [Седер](#) — это домашнее празднование еврейской Пасхи. На седере интересно. В начале празднования прячут кусочек мацы, завернутый в салфетку. Он называется «афикоман». В конце седера афикоман надо найти, разделить между всеми и съесть. Без этого седер просто не может кончиться.

Есть два разных обычая.

Афикоман может спрятать взрослый — ребёнок найдёт и получит подарок.

Афикоман может спрятать ребёнок, и тогда взрослые дарят ему что-нибудь, а он возвращает афикоман. Хорошо быть ребёнком: что так, что эдак — без подарка всё равно не останешься.

Решили — пусть Данька афикоман прячет.

Данька взял афикоман и стал думать, куда бы его спрятать. Данька вышел в другую комнату, огляделся и сунул афикоман на книжную полку рядом с большой книгой «Ароматы еврейской кухни». Такая книга была у Даньки дома тоже. Мама любила эту книгу читать.

Когда мама готовила фаршированную рыбу или ещё что-нибудь вкусное, она всегда в эту книгу заглядывала.

Мама говорила: «Ага!»

Мама говорила: «Значит, так?!»

Мама говорила: «Хм».

Мама говорила: «Интересно».

Мама говорила: «А у нас дома готовили совсем по-другому».

После этого мама начинала готовить.

А как мама начинала готовить: как в книге или как у мамы дома, когда она была маленькой, — этого Данька не знал.

Мама готовит очень вкусно.

Даже папа ест фаршированную рыбу, хотя он не вырастил её на огороде, а ведь папа ест только то, что сам вырастил на огороде.

Данька как увидел эту знакомую большую книгу «Ароматы еврейской кухни», так рядом с ней и спрятал афикоман.

Ни за что не найдут!

И тут Данька увидел, что в комнату заглянула мама.

Значит, она видела.

Значит, найдут.

Мама, конечно, сделала вид, что ничего не видела.

Данька, конечно, даже виду не показал, что видел маму.

Седер продолжался.

Седер очень долго продолжается.

Данька выбрал момент, когда на него никто не обращал внимания, потихоньку пошёл в комнату, где стояла большая книга «Ароматы еврейской кухни», достал афикоман, оглянулся, чтобы убедиться, что его никто не видит, зашёл в спальню и спрятал афикоман под подушку.

И вернулся в комнату, где был седер.

Там разговаривали, пели песни и ели разные вкусные вещи.

Все гости принесли что-нибудь вкусненькое.

Каждый своё.

Мама принесла фаршированную рыбу.

Данька видел, как мама её готовила.

Как раскрыла большую книгу «Ароматы еврейской кухни» и сказала: «Ага!», и сказала: «Хм», и сказала: «А у нас дома готовили совсем не так!»

Мамина фаршированная рыба всем очень понравилась.

Все женщины стали спрашивать маму, как она эту рыбу так замечательно приготовила.

И кроме рыбы было много других вкусных вещей.

Данька хотел всё попробовать.

Но всего было так много, что Данька не смог.

У Даньки живот стал вот такой!

Данька наелся, улегся на диване и сам не заметил, как задремал.

Ведь было уже очень поздно.

Данька так не привык.

Данька привык раньше ложиться.

Вот Данька спит себе, а седег кончается, и пора уже есть афикоман.

Папа говорит:

— Давайте Даньку разбудим.

А мама говорит:

— Давайте Даньку не станем будить: спит мальчик, и пусть спит. Нечего его будить. Давайте сами искать афикоман.

И все стали искать афикоман.

Ищут-ищут, а найти не могут.

Тут мама говорит:

— Ладно уж, я знаю, куда Данька афикоман спрятал, — я случайно видела.

Мама пошла в другую комнату, подошла к полке, где стояла большая книга «Ароматы еврейской кухни», и сказала:

— Вот куда Данька спрятал. Молодец! Хорошо спрятал. Все сколько искали, найти не могли.

И все сказали:

— Молодец Данька! Хорошо спрятал!

Мама немножко сдвинула большую книгу «Ароматы еврейской кухни» — никакого афикомана рядом не было.

Обыскали всю полку — нет ничего.

Обыскали соседние полки — нет ничего.

Мама сказала: «Я ничего не понимаю».

Мама сказала: «Как же так?»

Мама сказала: «Я же своими глазами видела!»

Мама сказала: «Надо будить Даньку».

Стали будить Даньку.

Данька никак не хотел просыпаться.

Данька спросонок никак не мог понять, чего от него хотят.

Наконец Данька понял, чего от него хотят.

Данька сказал:

— Ладно уж, так и быть, отдам я вам афикоман.

Данька пошёл в спальню.

И все за ним тоже пошли в спальню.

Данька достал из-под подушки афикоман.

Все крикнули «Ура!» и захлопали в ладоши.

Разделили афикоман на кусочки — каждому по кусочку.

И Даньке достался кусочек. Данька его съел.

Потом спели несколько весёлых песен и отправились домой.

А Данька получил подарок: мацовые мячики для жонглирования.

Мячики называются мацовыми не потому, что они сделаны из мацы, а потому, что на них маца нарисована.

Āīī ōīī ā ō ō āī ēōōā īī ōyōāē āōēēīī āī?

ĀĀĪ ŪĒĒĪ Ū ŅĒĒŪ

— Пойдем гулять, — сказала мама.

— Не могу, — сказал Данька.

— Почему?

— У меня нет сил, — сказал Данька. — Силы покинули меня.

И Данька лёг на пол.

— Куда ж они подевались?

— Они убежали в тёмный лес, и их съели дикие звери.

— Какие звери?

— Волк, лиса и медведь.

— Знаешь что, — сказала мама, — давай-ка поедem в лес и посмотрим, может быть, волк, лиса и медведь всё-таки не съели твои силы. Может быть, твои силы убежали и спрятались? Давай их поищем.

— Мы правда пойдём в лес искать мои силы? — спросил Данька.

— Ну конечно. Вставай, одевайся и поехали в лес.

Данька встал.

Данька оделся.

Данька с мамой сели в машину и поехали в лес.

Данька с мамой вышли из машины и стали искать убежавшие от Даньки силы.

Данька с мамой долго бродили по лесу — сил нигде не было.

Даже мама устала, а уж как Данька устал! Вы думаете, легко бродить по лесу, когда ты остался совсем без сил?

Наконец Данька увидел свои силы под корнями большого дуба.

Они очень обрадовались, увидев Даньку.

Они уже сами были не рады, что убежали.

Они заблудились.

Они не могли найти дороги назад.

Они боялись диких зверей: волка, лисы и медведя.

Они замёрзли.

Они были напуганы.

Они чувствовали себя одинокими и несчастными.

Поэтому они так обрадовались, увидев Даньку.

И Данька тоже обрадовался.

И мама тоже обрадовалась.

Силы вернулись к Даньке и больше уже никогда его не покидали.

Все сели в машину и поехали домой.

Вопрос: тебя когда-нибудь покидали силы?

Хала

К субботе мама с Данькой делают халу. Конечно, халу можно купить в магазине. Но зачем покупать в магазине, если можно сделать самим? Это же так интересно!

И гораздо вкуснее.

Мама насыпает в большую миску муку, дрожжи, соль.

И перемешивает.

— Мама, зачем соль? Нужно не соль, а сахар. Хала ведь должна быть сладкой, а не солёной. Ты перепутала соль и сахар.

— Ничего я не перепутала. Надо обязательно положить немножко соли. Только немножко. Не для того, чтобы хала была солёной, а чтобы хала была вкусной. Соль придаёт вкус. Разве ты этого не знал? Так всегда делают.

— Я не знал, — говорит Данька.

— Ну вот, теперь знай. Сахар мы класть не будем, а смотри, что мы положим вместо сахара.

Мама разбивает в маленькую мисочку яйца, добавляет немного воды, оливкового масла и мёда.

— Вот! Мёд вместо сахара. Давай, размешивай, — говорит мама.

Данька размешивает.

Мама выливает всё это в большую миску с мукой и перемешивает. Теперь это уже не мука — теперь это уже тесто.

Мама мнёт тесто руками. Это называется «месить тесто».

Мама накрывает миску салфеткой.

— Теперь, — говорит мама, — будем ждать чуда.

— Какого чуда?

— Тесто поднимется.

— Как это поднимется?

— А вот увидишь. Надо только подождать.

Данька задавал эти вопросы только в первый раз: когда он в первый раз делал с мамой халу. Теперь-то он знает, что тесто поднимается, он видел это много раз своими глазами. И всё равно чудо! Тесто поднимается к самому краю миски и даже хочет из неё выбраться.

Данька не понимает, почему это происходит. Папа объяснял, и очень хорошо объяснял, и не один раз объяснял, но Данька каждый раз забывает. А вот как мама объяснила, он помнит. Мама сказала, что она шепчет тесту особые слова, от которых тесто поднимается.

— Как это так?

— Утром ты спишь. Я тебе говорю: «Данька, вставай!» И ты поднимаешься. Вот и с тестом то же самое.
Мама с Данькой готовят тесто для халы в среду вечером.
Мама ставит тесто в холодильник.

Тесто поднимается целую ночь и целый день.

В холодке.

А в четверг вечером, когда мама приходит с работы, тут-то они с Данькой достают тесто из холодильника и начинают делать халу.

*Î à à ñ èì à à ò ñ ñ è ñ è ñ è ò à ò é á
À ã, é á è ò à ò ò ñ ñ à ñ ñ è ñ ñ ñ*

*À ñ - ò à è è ÷ ó ñ ñ!
À ñ - ò à è è ÷ ó ñ ñ!
À ñ - ò à è è ÷ ó ñ ñ!*

Мама вываливает тесто на большую деревянную доску.

Но сначала Данька посыпает доску мукой — чтобы тесто не прилипало.

Мама разрезает ножом тесто на шесть примерно равных частей.

Теперь надо сделать из них шесть валиков.

Мама делает три валика.

Данька делает три валика.

Из этих валиков плетётся коса.

Все валики должны быть одинаковой длины — иначе коса не получится.

Косу для халы можно сплести из разного числа валиков.

Можно из трех, тогда получится коса, как у девочек.

Мама с Данькой плетут косу из шести валиков.

Из шести валиков аккуратно сплести косу, конечно, труднее, чем из трех, намного труднее, но зато хала получается очень красивая.

Вот хала сплетена. Данька берёт кисточку, обмакивает её в мисочку, где разбито яйцо, и мажет кисточкой халу. А потом посыпает сверху зёрнышками мака и кунжута.

Мама с Данькой делают две халы.

Мама ставит халы в духовку — пусть пекутся.

Данька идёт спать.

Назавтра утром, а это уже пятница, Данька сразу бежит смотреть. Халы лежат на столе под салфеткой. Какие они красивые и ароматные! Так и хочется отщипнуть кусочек. Но нельзя — надо потерпеть.

Вечером папа произносит за праздничным столом благословение:

— Благословен Ты, Г-споди, Б-же наш, Царь вселенной, выращивающий хлеб из земли!

Папа разламывает халу и передаёт кусочки маме и Даньке.

Ах, какая же хала вкусная!

И совсем не солёная.

Клали соль, а хала не солёная.

Папа говорит:

— Смотри, Данька, Б-г сам не вырастил из земли халу. Из земли выросли только колосья. Но ведь надо было сначала посеять пшеницу, чтобы колосья выросли, и надо было много чего с колосьями сделать, чтобы из них получилась мука. А потом вы с мамой потрудились, чтобы сделать из муки халу. Так что, благословляя Б-га, мы благословляем и всех тех, кто вместе с Ним приложил руку к этой хале, а значит, и тебя, и маму.

— А как из колосьев получается мука? — спрашивает Данька.

— А плиту мы тоже благословляем? Она ведь тоже трудилась, — спрашивает Данька.

— А если Б-г не сажал пшеницу, не молот из неё муки, не пёк из муки халу, то что же Он тогда делал? — спрашивает Данька.

И задает ещё много других важных вопросов.

— Завтра. Завтра у нас суббота, папа не идёт на работу — он тебе всё объяснит, — говорит мама. — А сейчас — спать!

— Не хочу спать, — говорит Данька, зевает и идёт спать.

Çàààí éá íàí ààéáí íí ìáàéáé óàéó

Áíí òíí ÷ òí áúéí áú ñ ò ááò ò íí, áàéé áú í àí à í á í í ñ ò á á á é á áá á ò í é í á é ú í é é?

Çàààí éá á ò í ñ é ú í : í àí à à é á í í í ò á á ò ú ò á í à á í í ò í í, ç à à à í ú á Á á í ú é é.

ÁÀÐ-ÈÌ ÓÁÁ

Бар-Кохба сражался против римлян. Дело было почти две тысячи лет назад. Римляне поймали разведчика Бар-Кохбы и отрезали ему язык.

— Можешь теперь идти и рассказывать, что ты видел.

Разведчик вернулся к своим и ничего не мог рассказать: ведь у него не было языка. Тогда Бар-Кохба стал задавать ему вопросы, и разведчик либо кивал, и это было «да», либо мотал головой, и это было «нет». Так Бар-Кохба узнал, где расположен римский лагерь, сколько там бойцов и где стоит охрана. Бар-Кохба напал на римлян и победил их.

Эту историю папа рассказал Даньке. И научил его игре, которая называется «Бар-Кохба». Один из играющих что-то загадывает, а второй задаёт вопросы, на которые можно отвечать только «да» или «нет». И так выяснить, что тот загадал. Трудная игра. Но интересная.

— Давай мы будем загадывать сначала только литературных героев, — сказал папа. — Я загадал. Давай,

задавай вопросы.

— Эта история, где тот, кого ты загадал, — она была на самом деле? — спросил Данька.

— Нет, — сказал папа.

— Это сказка?

— Да.

— Это стихотворение?

— Нет.

— Этот герой, он деревянный?

— Да.

— С большим носом?

— Да.

— Буратино?

— Да.

Данька так быстро догадался, потому что ему только что читали «Буратино».

— Теперь твоя очередь, — сказал папа, — ты загадывай.

Данька подумал немножко и загадал. Папа долго задавал Даньке самые разные вопросы, но у него так ничего и не вышло: не мог он отгадать, какого героя загадал Данька.

— Ладно, сдаюсь, — сказал папа. — Давай, рассказывай, кого ты там загадал.

— Я загадал Даньку, — сказал Данька.

ты же не

— Это неправильно, — сказал папа. — Мы же договорились загадывать литературных героев, но

литературный герой — ты просто мальчик.

— Да?! А «Байки про Даньку»?!

И ещё Данька спросил:

— Этот разведчик Бар-Кохбы, он что, был неграмотный? Он что, не умел писать? Но игра всё равно интересная.

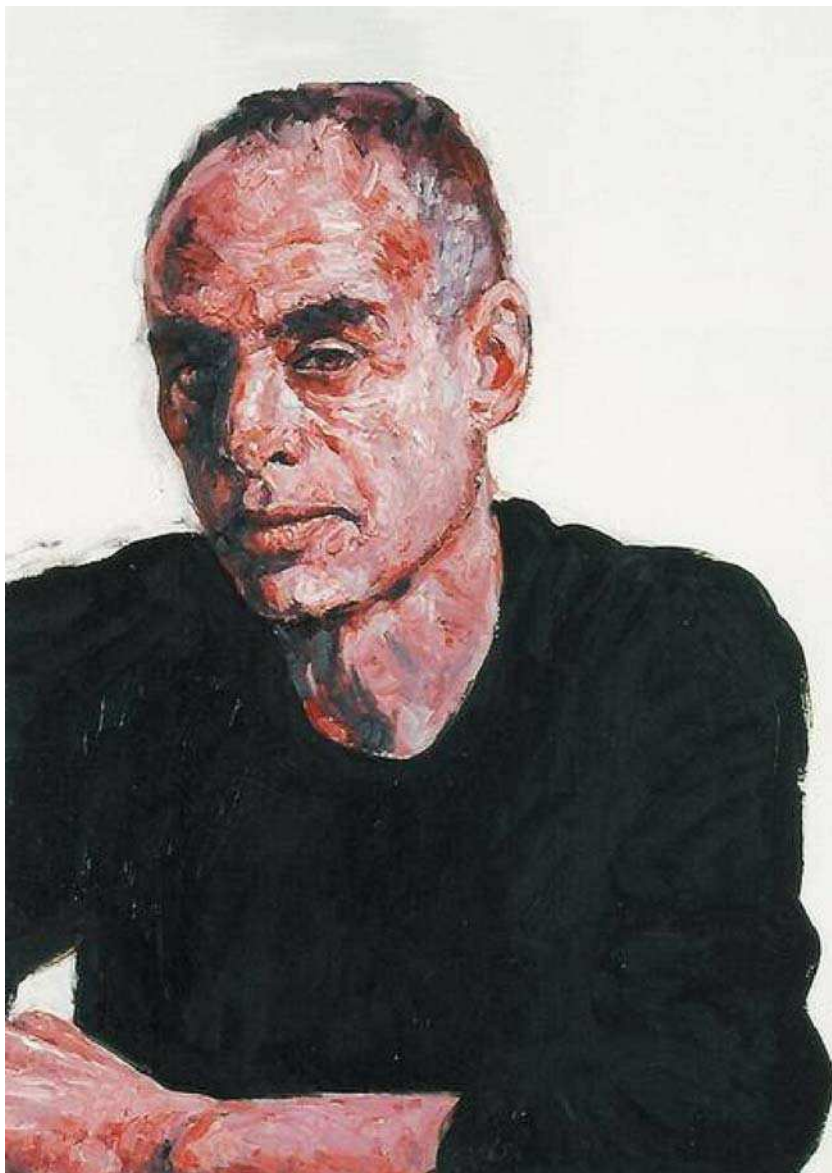
Çääi éä: íäi äääííí ñíñäé ñíäííé ä «Ääð-Ëíöó».

Äííðíí «Äääéé íðí Ääíüó» — ýòí èäé: áúéí íà ñäí íí ääää ééé ýòí ñéàçéà?

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Анна Исакова

В начале 1970-х годов Ханок Левин переместился из темноты периферийных залов на ярко освещенные центральные сцены страны. Поначалу считалось, что молодой человек ищет скандальной известности, однако примерно с 1975 года Левин перестает давать интервью, публично отстаивать политические или эстетические позиции и вообще хоть как-то объясняться по поводу своих пьес и обстоятельств, связанных с их постановкой. Да и колонки сплетен не получают от него и о нем никакой информации.

Ἰσοδοὸ Ὀλίτσα Ἐκεία

ὄειε Ὀάαεα

В театральных кругах витают слухи по поводу его женитьб и разводов, но подтверждения из авторитетных источников не получают. Левин тщательно отбирает свой внутренний круг, окружая себя

только верными людьми, благодаря чему из этого круга ничего не просачивается наружу. Он непреклонно ограничивает творимый скандал рамками сцены. Действо, скандальное действо, происходит только там. Вне этих рамок — полные темь и тишина.

Большую часть своих пьес Левин ставит сам. После первых больших скандалов и столь же громких успехов он становится сам себе режиссером на непреложном условии: театр покупает пьесу Левина в постановке Левина, не зная при этом, о чем она. Более того, сам Левин выберет нужных ему актеров, необязательно из труппы театра, но и они тоже до последней минуты не будут знать, кого и что им предстоит играть.

Актеров, которых Левин считал «своими», и сегодня называют «левинскими». Это друг юности драматурга Ицхак Хезкия, Мони Мошонов, Захрира Харифаи и еще пять-шесть доверенных персон, к лицам которых навсегда прилипло особое выражение — смесь отстраненности, сарказма и детского удивления перед несовершенством мира. «Свои» актеры понимают Левина и имеют право с ним дискутировать. А он пишет для них роли, учитывающие особенности и возможности каждого.

Ханох Левин родился в 1943 году в Тель-Авиве и вырос в квартале Неве-Шаанан, где его отец, иммигрант из Польши, держал продуктовую лавку. Семья была «соблюдающей», а дядя и вовсе стал министром от религиозной партии. Отец умер у Ханоха на глазах, когда тому было 12 лет. Старший брат спешно уехал в Англию, не желая содержать семью. И когда Ханоху исполнилось 15, мать перевела его в вечернюю школу и устроила работать посыльным. Потом он отслужил в армии, а в 1964 году поступил на философско-литературный факультет Тель-Авивского университета, где проучился до 1967-го, но диплома не получил.

Зато уже в 1960 году 17-летний Левин появляется в тель-авивском «Бустане» — помещении, служившем одновременно физкультурным залом и молодежным клубом. Он приносит туда юмористические куплеты и ставит капустники. Вокруг него даже образуется небольшой отряд страстных почитателей. В тот же период он сближается с молодыми коммунистами из группировки Моше Снэ, пишет для них юмористические тексты и убеждается, что цензура существует всюду, коммунисты не исключение.

А в 1965 году Левин начинает выпускать юмористическую полосу в университетской газете «Дикобраз». Полоса называется «Даф а-ахораим шель Ханох Левин», что переводится как «Задняя страница, заполняемая Ханохом Левином», но может считаться и «страницей из задницы Ханоха Левина». Ни для кого из сокурсников не секрет: Ханох — любитель неформальной лексики. Как, впрочем, и неформальной точки зрения на любой заданный и незаданный, а лучше всего — на принципиально незадаваемый вопрос.

В статьях, помещенных в «Дикобразе», Левин еще пытается объясниться со сверстниками, оправдать неконформность — собственную и вообще. Делает он это не слишком убедительно, несколько неуклюже и даже косноязычно. Вскоре его назовут виртуозом иврита. Он станет для театрального мирового сообщества синонимом ивритского театра, как Мольер является синонимом театра французского, а Шекспир — английского. А из «Дикобраза» Левина в конечном счете попросили. По требованию возмущенных читателей, недовольных сомнительным левинским юмором и несовершенным стилем.

Биографы спорят, какую дату следует считать началом театральной карьеры Левина. Одни предлагают 1969 год в связи с постановкой первой пьесы — «Соломон Грипп»; другие — 1970-й, когда на сцене Камерного театра, одного из самых крупных в стране, появилось написанное молодым автором сатирическое ревю «Королева ванной» (ставил его Давид Левин, старший брат драматурга).

Впрочем, «Королеву ванной» довольно скоро (после 22 спектаклей, сопровождавшихся хулиганскими выходками негодующих зрителей) сняли с репертуара. Автор выступил с резкой антимилитаристской и социальной критикой именно тогда, когда большинство жителей страны наслаждались плодами одержанной в Шестидневной войне победы. Многие усмотрели в «Королеве ванной» не только неуместный пафосизм, но и антисионистский пафос. Одного никто не мог отрицать: автор явно обладал недюжинным литературным талантом, был необычайно остроумен и владел ивритом, как д'Артаньян шпагой. Публика орала и возмущалась, но при этом растащила ревю на фразы и словечки. А Левин зарекся писать политические тексты.

Потом он зарекся писать легкие комедии и даже признался приятелю, Ицхаку Лаору, что ненавидит зрителя, получающего бездумное удовольствие от смешной пьесы. Впрочем, в том, что Левин сознательно хотел заставить зрителя мучиться, никто не сомневается. Он сам охотно в этом признавался. А вот с какой целью — это большой вопрос. Некоторые биографы пытаются убедить нас, что драматург

стремился таким способом пробудить совесть нации, но это звучит не слишком достоверно. Многие считают, что Левин отвергал расхожие этические критерии, а к человечеству, включая собственную публику, испытывал высокомерное презрение, посильнее нищевского. И, не пропуская ни одного представления, неизменно присутствовал в зале, испытывая удовольствие только от негодования зрителя. Кланяться на аплодисменты не выходил, считая их свидетельством провала.

Исследователи пытались понять пьесы Левина при помощи психоанализа, но не преуспели. Находясь почти неотлучно в Израиле (путешествовать он не любил), Левин ухитрился не оставить на столь небольшом пространстве никаких следов собственной психопатологии. То ли был виртуозом по заматыванию следов, то ли никаким явным психическим расстройством не страдал.

Не увенчались успехом и попытки изыскивать в левинских пьесах политические аллегории и карикатуры на государственных деятелей. Он и сам отрицал подобные квазисхожести резко и безапелляционно. Создается впечатление, что Левин создавал не карикатуру на окружающую реальность, а универсальные образы зла, расчлененного на философские категории, виды и подвиды. Но и такая трактовка не получила всеобщего признания. То, что драматург интересовался по преимуществу разновидностями зла, подтверждается воспоминаниями близких, включая Лаора. Но уложить театр Левина в существующие философские системы не удастся, поскольку в его драматургии отсутствует полюс добра. А это означает, что схватки между добром и злом нет, как нет классовой борьбы, борьбы между полами, борьбы вообще. А также: экономических реалий, четких исторических и географических координат, словом, ничего мешающего абстракции оставаться абстракцией и вести себя при этом как сущность.

Зато после нескольких просто смешных комедий в левинских пьесах появляется ужас, который поначалу движется рука об руку с комическим, становясь, однако, с каждой новой пьесой все ужаснее и захватывая все большие территории текста. Правда, смешное при этом становится только смешнее — секрет этого драматургического рецепта до сих пор не разгадан. Но где-то в середине 1980-х комедия и фарс сменяются в творчестве Левина странным жанром, называемым на иврите мифопьесами («ацагот митос»). Тут уж даже самые преданные зрители, вплоть до ближайших друзей, выходят из зала в середине спектакля, с трудом сдерживая тошноту. Многие называют мифопьесы Левина пьесами ужаса или кошмара («ацагот зваа»). Да и сам Левин, по воспоминаниям Лаора, предлагал называть этот жанр «ужастиком» («зваатон»).

Но чем ужаснее (и одновременно смешнее) становятся пьесы Левина, тем пышнее расцветает его слава. Спектакли по его произведениям появляются на сценах самых почитаемых театров мира. А в 1999 году 54-летний драматург умирает от рака. Давид Левин утверждает, что во всем виновата застенчивость и душевная мягкость брата. Врач якобы сказал Ханоху, что ничего страшного с его здоровьем не происходит, и драматург, уверенный в обратном, не захотел обижать доктора недоверием. Время было упущено.

Впрочем, точных сведений о том, когда и как ему был вынесен медицинский приговор и насколько он повлиял на характер левинской драматургии, нет. Точных сведений вообще нет относительно чего бы то ни было касающегося Левина. Например, считалось, что общее число его пьес — около тридцати, вместе с сатирическими ревью. А после смерти драматурга оказалось, что есть еще почти такое же количество пьес, никогда не предлагавшихся Левиным к постановке. Почему? Не хотел ставить? Собирался переписать? Оставил как подсобный материал? Неизвестно. Наследники пустили эту «генизу» в оборот,

пьесы разбирают и ставят. Что это: мародерство или сознательно подстроенное Левиным продолжение его театрального существования?

Однозначный ответ ни на один из вопросов получить невозможно. Но человек, принадлежавший к внутреннему кругу скандального драматурга, может оказаться обладателем волшебной карты, ведущей к местонахождению не менее волшебного ключика. И такой человек есть. Зовут его Ицхак Лаор. Он считался приятелем покойного, закончил тот же факультет, пишет стихи и прозу, преподает в университете и недавно выпустил книгу «Ханох Левин»^[1]. Одно нехорошо: в 2010 году Лаор был обвинен в сексуальных домогательствах аж к 20 дамам, одна из которых подала на него жалобу в полицию. К рассказам в прессе о сексуальных проступках почтенного литератора добавились сообщения о его хамских выходках (вплоть до прилюдного рукоприкладства) по отношению к коллегам, постепенно обросшие весьма скандальными подробностями.

Надо сказать, защитники Лаора по большей части не отрицали обвинений, настаивая с пеной у рта лишь на том, что все это способ дискредитации политического противника. Мол, поскольку Лаор связан с компартией «Хадаш» и является левым активистом, его пытаются усмирить судебным преследованием. Да и академический истеблишмент якобы предпочитает ему, гениальному, более серых, но политически правильных представителей интеллектуальной прослойки. На какой политической платформе основано это якобы предпочтение, не совсем понятно, поскольку ядовитые стрелы критики Лаора направлены в первую очередь как раз на израильских левых, например на Давида Гроссмана.

Выход в разгар всей этой дискуссии книги о Левине может иметь несколько причин. Возможно, автор хотел напомнить о своей дружбе со всеми почитаемым драматургом и легитимизировать собственный скандал ссылкой на скандалы Левина. По другой версии, издание книги должно было подчеркнуть заслуги профессора перед израильским обществом и тем самым свести скандал на нет — «на кого руку подняли?!» И наконец, причина может быть совсем тривиальной.

Книга является по сути рефератом диссертации, принесшей Лаору десятилетием раньше докторское звание. Такие монографии принято выпускать не столько для купли-продажи, сколько для раздачи друзьям, знакомым и коллегам. Но массовые издательства вроде «Кибуц меухад» благотворительностью занимаются редко. Можно предположить, что в разгар скандала вокруг Лаора (да еще плюс скандальное имя Левина на обложке) это мероприятие показалось издателям выгодным.

Я одолела этот труд, порядком измучив себя, и настаивать на повторении моего опыта другими не стану. Вряд ли можно найти столь исчерпывающую попытку объяснить необъяснимое при помощи: Маркса, Гегеля, Ницше, Фрейда, Лакана, Иглтона, Бахтина, Делеза, Деррида, Фрея, Хайдеггера, Лиотара, Жижека, Олсона и Джемисона. Надеюсь, что главных цитируемых я не забыла, но есть еще и подсобные. Отмечу сразу, что научная беспристрастность при этом соблюдена: автор откровенно рассказывает, как возмущился Левин, когда Лаор попытался всучить ему труд Фуко, и как в ультимативной форме потребовал никогда больше ничего подобного ему не втюхивать. В результате создается почти левинская загадочная ситуация: с какой же целью цитируется вся эта высокоученая рать?

Возможные ответы: а) потому что будущему доктору гуманитарных наук полагается знать и цитировать именно эти имена; б) потому что поэтика Левина столь сложна и малопонятна, что ее можно объяснить только при помощи столь же сложных, малопонятных и слабо привязанных к теме дискуссии цитат; в) потому что автор, воспитанный на марксистской индоктринации, свято верит в существование правды, заключенной в самом звучании имени ее носителя: «Маркс сказал... Ленин сказал... Лакан сказал...» Что они сказали, зачем и почему — это уже не столь важно. Главное — произнести магическое имя.

Но хотя ответ «в» напрашивается, я бы отдала предпочтение пункту «а». Из уважения к профессору философии и литературы. По той же причине не стану перечислять и многочисленные попытки Лаора притянуть Левина к радикальной израильской левизне за вырванные из контекста строчки или за специальным образом препарированные факты биографии. Все мы помним, из чего состоял марксистско-ленинский способ доказательства. Скажем, требуется объяснить левинский конфликт с человечеством. Дело нехитрое — драматургу тут же приписываются: нищее детство, пролетарский конфликт с буржуазным школьным окружением и отторжение автора-чужака милитаристски настроенной театральной публикой.

Однако Давид Левин говорит, что до смерти отца Ханох рос любимцем семьи и ни в чем не нуждался. Мол, было у него сплошное счастливое детство с конфетами, поцелуями, игрушками и поездками на дачу (в так называемые «кайтанот»). Что до конфликта в знаменитой гимназии «Цейтлин», где одно

время учился Ханох, тот вообще не прослеживается. Ни пролетарский, ни какой иной. У Лаора нет доказательств его существования. Вместо этого мы имеем дело с абстрактными рассуждениями о судьбах пролетарских юношей в цвету, растерзанных враждебным тель-авивским бомондом. Кто они, эти несчастливцы, не указывается. Да и само существование подобного молодежного бомонда в означенные годы сомнительно. Ну а уж предположение, что соученики-мажоры просто обязаны были возненавидеть племянника министра за его пролетарское происхождение... Кстати, многие бывшие одноклассники Левина все еще отвечают на телефонные звонки. Зачем было вместо этого обращаться к Фрейдю и Гегелю — непонятно.

Еврейская

Тезис о враждебной публике как о факторе социально-психологического давления на драматурга тоже не выдерживает критики. Сам же Лаор рассказывает о манипулятивной технике Левина, игравшего со зрителями в «ненавидь меня!» и «люби меня!», совершенно сознательно чередуя пьесы, направленные на вызывание то одной эмоции, то другой. А Давид Левин подчеркивает, что Ханох создал не только свой театр, но и свою публику, что удавалось только самым выдающимся драматургам. Если это правда, то у Левина получилось то, с чем не справились коммунистические кумиры Лаора: за несколько десятилетий перековать буржуазных милитаристов в либеральных интеллектуалов.

Было такое или нет, мы разбираться не будем, поскольку в книге Лаора вопрос о публике вообще не обсуждается. Ограничимся заключением, что автор, несмотря на цитаты из подходящих источников и биографические подтасовки, не смог превратить Левина в верного сына коммунистической партии. Впрочем, Лаор не так уж и настаивает на своем. Ощущение того, что Левин как явление искусства выходит за все идеологические рамки, не оставляет читателя до конца.

Не боится Лаор и создающегося (благодаря его воспоминаниям о личных контактах с Левиным) впечатления о не слишком близкой дружбе между исследователем и исследуемым. Осторожные вопросы Лаора и остроумные афористичные ответы Левина говорят скорее об отношениях понимающего свою значимость маэстро и его соблюдающего дистанцию поклонника.

Но именно эти моменты пикировки, замечательно живо переданные Лаором, определяют ценность текста, пусть не дающего вразумительной разгадки мистерии под названием «левинская драматургия», но ставящего много вполне релевантных вопросов. Что ж, умение поставить вопрос не менее важно для решения любой проблемы, чем способность на этот вопрос ответить. В этом плане диссертация была справедливо признана хорошо защищенной. Несмотря на весьма спорную систему ее защиты.

^[1]. **Кибуц меухад, 2010.**

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ĚРĂĬ ĚĚÀ ÓĚĚÖĚÀВ

САĚ"Í ŪĚ ØÀÒÀÐ

Ĭ.: ŸĚŃĬ Ĭ, 2011. — 592 Ń

ØÐÀĀĚØÐĬ ĚВ ĂŃØÐĂ × Ě ØÐÀĀĀĀĚĚ

Новый роман Людмилы Улицкой густонаселен персонажами и переполнен событиями. Плотный спрессованный текст местами напоминает конспект куда большего по объему произведения. Недаром своеобразной моделью мира (в сновидении одной героини) здесь становится толпа знакомых и родственников перед входом в цирк-шапито под зеленым шатром.

Хронологический размах романа — от начала 1950-х до середины 1990-х, хотя автор совершает экскурсы и в более отдаленные времена. Место действия — почти везде Москва. В книге прослежены судьбы трех друзей, некогда одноклассников, живущих близ Покровских ворот. Каждый из них по-своему уникален и в своем роде романтик.

Саня — мальчик из интеллигентной (с дворянскими корнями) семьи, выпускник консерватории по классу теории музыки, тонкая натура, эстет. По причине подростковой психологической травмы он сторонится женщин и избегает всякого рода «физиологии» в личных отношениях.

Миха Меламид живет в душливой мещанской атмосфере теткиной коммунальной комнаты, пишет лирические стихи. На филфак университета с его паспортными данными никак не попасть, и он становится педагогом-дефектологом. Правда, ненадолго...

Илья — полукровка, внебрачный сын фотографа с киностудии, впоследствии и сам заядлый фотолюбитель, создатель уникальной портретной галереи советских диссидентов, а также коллекционер книг русских футуристов.

В общем, на троих друзей «полтора еврея», как говорит один из героев.

Саня, Миха и Илья — лишь сердцевина, стержень романного микрокосма. В их орбите, связанные с ними всевозможными нитями, действуют различные персонажи, подчас чрезвычайно яркие и колоритные. Большинство героев — «атипичные» люди советского времени, в той или иной степени являющиеся изгоями системы. Аристократическая бабушка Сани, лично знававшая поэтов Серебряного

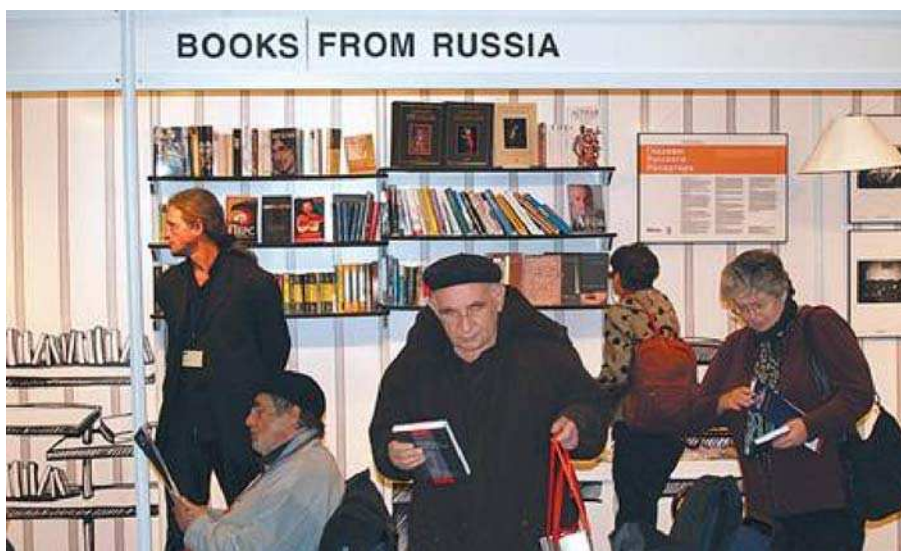
Павла Чистякова и еще одного чистяковского ученика Ильи Репина. Хотелось бы, чтобы эта полезная работа вышла за пределы передвижнического круга и периода, – ведь и поздние работы Репина можно сопоставить с последующим творчеством Пэна. Особо интересны здесь материалы беседы автора с недавно ушедшим из жизни учеником Пэна Петром Явичем, которые должны быть учтены всеми «пэноведами». Содержательны опубликованные Валерием Шишановым документы о Пэне из фондов РГАЛИ. Важную, хотя и грустную работу продельывает Лариса Михневич, пытающаяся проследить судьбу экспонатов витебского Музея современного (левого) искусства, распяленных после его закрытия. Продолжает эту публикацию сокращенный вариант монографии Шишанова «Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции (1918–1941)», вышедшей в Минске в 2007 году и до Москвы в книготорговых количествах не добравшейся. Тем ценнее каталог произведений, имевшихся в этом собрании, с пометками об их нынешнем местонахождении. Материал Сергея Папеты посвящен Розалии Рабинович (сестре знаменитого театрального художника Исаака Рабиновича). Пройдя через искус авангарда, она рисовала советские плакаты (отсюда и название очерка Папеты «Роза, паровоз “Иосиф Сталин”»), а закончила свой путь в домах пионеров, архитекторов и т. д. Что ж, и это вполне типичный вариант судьбы художника-еврея в СССР.

Г а а́ а́ і і́ і́ о о́ о́ ө ө́ ө́ ү ү́ ү́ *ё ё́ ё́ о о́ о́ ә ә́ ә́* *Ё ё́ Ё ё́* *Е ё́ Е ё́*

ПУШКИН ПИШЕТ ПО-ЯПОНСКИ

Завершилась Иерусалимская книжная ярмарка

*Áíá-áéá íáñéíéúéí íáúéó ñéíá Èáðññééí ñéáý éíéáéíáý ýðí áðéá íí ññáí ó ðáçí áðé
éííá-íí áá áðññááó éíéáéíúí òíðúí áí áí Òðáíéóððóá, Èííáííá ééé Íáðéáá Ííá ííñéó íí-òé
éáí áðí úé áðáéóáð. È ýòá éáí áðí ññóú í ðéòíáéó áááá á íáéíóíðíá í ðíòéáíðá-éá ñí í áááóí áðíáí úí
ñó-áóúíí í áðí ðéýóéý. Í áó, éííá-íí, éííñóðáí úá éçááóáéé í ðéáçáéáðó á Èáðññééí, íí áñ-òáéé
éó ñóáíáú áíáýáýð éáé-òí íá ñééóéíí áðíñéí. È çáçá, áðí ééó éí áí, éçáññóíúó íéññóáéé çáññí
áúáááó íá òáé óé í ííá. Òí áññóú íá òí -òíáú áííáúá í ééíá, íí òáí í áí áí áá B í á áíáðð óéá í òíí,
-òí ýðí áðéá í ðíáíáé-òñý ðáç á ááá áíáá, á í á éáéáúé áíá*

И в этот раз камерность Иерусалимской книжной ярмарки бросалась в глаза, но вот с точки зрения международного резонанса ее смело можно считать удачной. Во-первых, в Иерусалим прибыл Иэн Макьюэн, едва ли не самый именитый современный британский писатель. Он приехал получать присужденную ему премию — приехал, несмотря на призывы бойкотировать иерусалимский форум, которые раздались сразу после того, как стало известно, что именно Макьюэну решено вручить эту награду. Иерусалимская премия по литературе (10 тыс. долларов) учреждена в 1963 году и присуждается раз в два года писателям, в чьих работах затрагивается тема личной свободы человека в обществе. Первым лауреатом премии стал Бертран Рассел, позже этой награды удостоивались такие крупные фигуры, как Симона де Бовуар, Борхес, Грэм Грин, Ионеско, Кутзее, Марио Варгас Льюса. Свой выбор в этом году жюри премии объяснило тем, что герои романов Макьюэна «борются за свое право лично выражать свои идеи и жить в соответствии с этими идеями в условиях политической и социальной нестабильности»: «Его очевидная привязанность к своим персонажам и убедительность, с которой он описывает их борьбу, делает Макьюэна одним из наиболее значительных писателей нашего времени».

Во-вторых, кроме Макьюэна Иерусалимскую ярмарку почтил своим присутствием классик постмодернизма, автор романов «Имя розы» и «Маятник Фуко», ставших образцами постмодернистского фикшна, итальянец Умберто Эко. Последний только что вышедший роман Эко «Пражское кладбище», кажется, тем более оправдывал его приезд. Еврейская тема в нем — центральная, о чем, собственно, говорит уже само название книги. Пражское кладбище — то самое место, где похоронен создатель Голема рабби Йеуда-Лива бен Бецалель. Кроме того, в романе речь идет и о знаменитых «Протоколах сионских мудрецов». Действие происходит в конце XIX века, который, по словам Эко, «оказался богат на события в той или иной степени чудовищные и загадочные — тут так и не разрешенная загадка смерти Ипполито Ньево (итальянского писателя и публициста. — Н.А.), и подделка “Протоколов сионских мудрецов”, вдохновивших Гитлера на уничтожение евреев, и дело Дрейфуса, и бесконечные интриги, которые плели тайные полиции самых разных стран, и масонские секты, и иезуитские заговоры, и прочие события, которые показались бы вычитанными из романа с продолжением, если бы не подтверждались подлинными документами». Разумеется, Эко принял предложение приехать в Иерусалим и довольно резко высказался по поводу призывов бойкотировать Иерусалимскую ярмарку.

То есть интерес к ярмарке в Иерусалиме был достаточно велик. На этом фоне довольно скромно смотрелся объединенный стенд российских издательств. Он радовал открытым пространством, лишенным уже ставших привычными по участию России в других книжных форумах лабиринтных построений и лубочного дизайна, но огорчал небольшим количеством представленных изданий, которое к тому же в ходе ярмарки стремительно убывало. Это, впрочем, лишний раз доказывает, что российская книжная продукция пользуется успехом у иерусалимской публики. Но по существу, российский стенд был не более чем своеобразным обрамлением стендов издательств «Текст», «Книжники», «Мосты культуры / Гешарим».

Столь же скромным, как российская экспозиция, был и состав делегации российских литераторов: Андрей Левкин (который пребывал одновременно в двух ипостасях — писателя и журналиста), Олеся Николаева, Максим Амелин, Дмитрий Бак, Людмила Улицкая, Линор Горалик. Понятно, что обширной программу мероприятий с участием российских авторов назвать было трудно.

В воскресенье, 20 февраля, российский стенд открылся презентацией фотовыставки журнала «Русский репортер» и фуршетом. На следующий день Дмитрий Бак давал открытый урок русской литературы и, представляя критический проект «100 поэтов», рассказывал о современной российской поэзии (к слову сказать, лирическая нота вообще доминировала в мероприятиях с участием членов российской делегации). Впрочем, центральным мероприятием понедельника стала презентация книг серии «Библиотека еврейских текстов» издательства «Книжники»: новый перевод Пятикнижия, раздел Мишны «Времена», Кодекс Маймонида, антология талмудической агады «Эйн Яков», «Тора — свет» рабби Шнеура-Залмана из Ляд и др.

Во вторник прошла презентация новой книги «Перемещенные окна» лауреата премии «Поэт» Инны Лиснянской. В сборник вошли стихи, написанные за последние четыре года как в России, так и в Израиле. Людмила Улицкая представила свой детский книжный проект «Другой, другие, о других», которым она занимается не первый год. Книги этой серии, адресованные детской аудитории, посвящены культурам разных стран (речь идет о самых разных вещах: семья, одежда, кухня и т. д.) и уже хорошо знакомы читателям.

А вечером Улицкая приняла участие в круглом столе, посвященном проблемам современной литературы. На вопросы Линор Горалик, блестяще справившейся с ролью модератора, помимо Улицкой, отвечали Дмитрий Бак и Этгар Керет. Что пишут, о чем пишут, для кого пишут и чего от своего писания хотят современные писатели — вот круг наиболее общих из обсуждавшихся проблем. Бак отвечал как критик и как поэт (если кто не знает — Бак пишет стихи), Улицкая говорила о своем новом романе «Зеленый шатер» (см. рубрику «Pro et contra» в этом номере «Лехаима»), Керет — о своей книге «Когда умерли автобусы».

И еще одно весьма любопытное мероприятие состоялось в этот же день — польско-еврейский вечер, организованный издательством «Мосты культуры / Гешарим» и Польским институтом книги. Связан он был с выходом воспоминаний Марека Эдельмана «И была любовь в гетто», романа Анджея Барта «Фабрика мухобоек» и автобиографии известного галериста «Необычайная жизнь и “шесть смертей” Якоба Бергера». Вечер посетил Виктор Ерофеев, который появился в сопровождении финских операторов — в Иерусалиме о Ерофееве снимали фильм.

В среду прошли встречи со Светланой Шенбрун — она представляла книжное издание романа «Пилюли счастья» — и Юлией Винер, которая говорила о своем сборнике «Место для жизни. Квартирный сюжет в рассказах» (обе книги вышли в популярной серии «Проза еврейской жизни»). Но вообще-то прежде всего ожидался приезд на ярмарку Умберто Эко. Он должен был прийти на презентацию русского перевода книги Моше Иделя «Каббала: новые перспективы», изданного теми же «Мостоми культуры». Однако на Иделя Эко не пришел, а появился на ярмарке уже к вечеру, в то самое время, когда проходил круглый стол «Тот, кто владел Именем», посвященный 250-летию со дня кончины рабби Исраэля Бааль-Шем-Това. На круглом столе, в частности, была представлена книга «Хвалы Бешту», выпущенная издательством «Книжники». Встречу вел Менахем Яглом, а участвовали в ней переводчики Михаил Кравцов и Сергей Гойзман, филолог Михаил Вайскопф и Дина Рубина. Последняя замечательно вписалась в ученую компанию, поведав аудитории, что рассказы о Бааль-Шем-Тове по интонации и языку живо напоминают ей то, что довелось слышать в детстве.

В заключительный день ярмарки состоялись презентация книг российских издательств (тех, что еще остались на стенде) и поэтический вечер Максима Амелина и Олеси Николаевой, а также встреча с ними обоими плюс Дмитрий Бак.

Остается только добавить, что одной из главных достопримечательностей ярмарки в Иерусалиме стал личный стенд Ильи Пушкина, в прошлом врача-гинеколога, затем терапевта, а ныне живущего в Израиле и женатого на японке поэта и писателя. Пушкин пишет на японском рассказы и стихи. На ярмарке продавал свои книги. Жена-японка сидела рядом. Публика невольно останавливалась...

Шило и ее переводчик Борис Борухов проявляют немалую изобретательность, придумывая каждому из них свою интонацию и свою историю болезни. Но все равно роман выглядит слишком просчитанным, предсказуемым. Коктейль «Шило» состоит из проверенных ингредиентов: немного Фрейда, немного секса, немного арабо-еврейской дружбы, немного конфликта ашкеназов и сефардов (с симпатией к последним, понятно, впрочем, у ашкеназки-истерички есть оправдание — татуировка с лагерным номером на руке, а потому марокканки почтительно замолкают, когда она истерит). Характеры героев статичны, они без остатка выплескиваются в первом же монологе, а потом идут лишь вариации на заданную тему. Профессиональный роман, но честнее было бы назвать его «Муза ей на помощь не пришла».

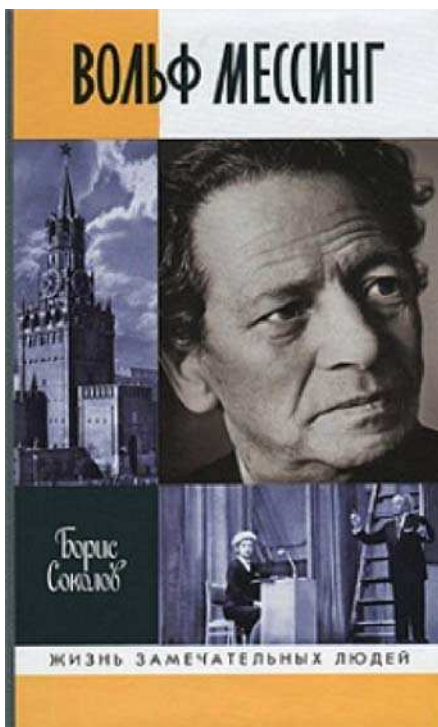
ПАРАДОКС АРТИСТА

Борис Соколов. Вольф Мессинг

М.: Молодая гвардия, 2010

Андрей Мартынов

Ἰὼν ἰάων πᾶσι θεῶν, ὃς ἴσῃ ἰδιότητι πᾶσι γινώσκει. Ἀλλὰ ἐὶς ἰαί ἰδιότητι, ὃς ὀφείλει γινώσκει, ὃς ἴσῃ ἐὶς ἰδιότητι. καὶ ἴσῃ ἐὶς ἰδιότητι. καὶ ἴσῃ ἐὶς ἰδιότητι, ἀλλὰ ἰδιότητι, γινώσκει ἐὶς ἰδιότητι. Ἰὼν ἰάων, ἐὶς ἰαί ἐὶς ἰδιότητι ἴσῃ ἐὶς ἰδιότητι...

Известный военный историк и булгаковед Борис Соколов всегда верен своему принципу — проведению сеансов черной магии с их последующим разоблачением. Подобный метод к рассказу о Вольфе Мессинге подходит как нельзя лучше. И дело здесь не в какой-то умышленной мистификации (о ней отдельно). Просто эпоха, в которую жил Мессинг, породила понятное желание, скрыв факты, обезопасить себя.

Взять, к примеру, такое частное дело, как религиозные взгляды человека. Но в обществе «активной несвободы» (К. Маркс) открытое исповедание веры, да еще публичным лицом, грозило, как известно, по меньшей мере серьезными проблемами на работе. Соколов пишет, что Мессинг оставался верующим иудеем, хотя был вынужден скрывать свои убеждения. Биография актера позволяет понять истоки его религиозности. Мессинг вспоминал, что после окончания хедера раввин, отметив набожность подростка, направил его в ешиву. Правда, еще во время учебы Мессинг отказался от мысли стать священнослужителем, предпочтя светскую профессию.

Впрочем, и сам Мессинг не отказывался иной раз что-то преувеличить, где-то прихвастнуть (как там у того же Булгакова говорят о поручике Шервинском: «Тебе бы писателем быть... Фантазия у тебя богатая»). Так, Соколов опровергает утверждения артиста о его знакомстве с Шолом-Алейхемом и Фрейдом. Хотя желание числить писателя и психоаналитика в числе своих друзей свидетельствует не только о степени достоверности актерских мемуаров, но и о хорошем вкусе Мессинга...

Успех и признание в Советском Союзе пришли к Мессингу довольно быстро. Да, к моменту оккупации Восточной Польши он уже был состоявшимся артистом, но теперь ему нужно было выступать на другом языке и заниматься неизбежной для тоталитарного общества самоцензурой. Тем не менее, Мессинг успешно гастролирует по стране. На вырученные за выступления деньги покупает для фронта два истребителя «ЯК-16». Один из них «именной» — для морского летчика, Героя Советского Союза, капитана Константина Ковалева, одержавшего на нем девять побед, а другой для авиаполка «Варшава» недавно сформированного Войска Польского. Думается, это был не добровольно-принудительный акт, как утверждают некоторые мемуаристы, а искреннее стремление посылить участвовать в войне. Напомним, что после второй мировой в Гуру-Кальварию, откуда был родом Мессинг, вернулось всего двадцать евреев.

Вершиной карьеры Мессинга была его работа на сцене Государственного еврейского театра. Артист эстрадного жанра на сцене академического театра? Парадокс. Но одновременно и признание Михоэлсом таланта Мессинга. А еще желание последнего поддержать близкий ему коллектив в период начала борьбы с «безродным космополитизмом» (выступление проходило в 1947 году).

Наверное, не в последнюю очередь своими успехами Мессинг обязан жене, Аиде Рапопорт, с которой он познакомился во время войны и которая долгие годы работала ассистентом на его выступлениях. Ведь артисту необходимо полное взаимопонимание внутри команды. А где оно может быть полнее, чем между влюбленными? Автор обращает внимание, что «никто из мемуаристов никогда не упоминал о каких-либо размолвках между Мессингом и его супругой».

По словам Соколова, Мессинг «был гениальным артистом, умевшим завораживать зрителей, заставить их поверить в то, что он действительно способен читать их мысли». И здесь возникает еще одна парадоксальная ситуация: с одной стороны, создавалась видимость торжества советской науки, всячески подчеркивавшаяся коммунистической пропагандой. С другой — Мессинг своим искусством освобождал людей от все той же пропаганды, заставлял их поверить в чудеса, погрузиться в волшебный мир, лучший, чем серая повседневность.

Парадокс? Но в этом и заключается дарование настоящего артиста.

Что же касается встреч со Сталиным или Берией, то правда это или ложь, читатель может узнать непосредственно из книги. Автор этих строк, в отличие от Бориса Соколова, искусством черной магии и ее разоблачения не владеет, а потому рассказать об этом не может.

ЗВУКИ ЦАДКИНА

Лиза Плавинская

В мае галерея «Минотавр» покажет в Москве любопытную выставку Бориса Аронсона. А мы продолжаем сегодня путешествие по коллекции этой парижско-тель-авивской галереи, о хозяине которой, галеристе и антикваре нового поколения Бенуа Сапиро, мы уже писали (см. Лехаим. 2009. № 6). «Минотавр» работает с наследием знаменитейших авангардистов XX века, выходцев из еврейских местечек Российской империи и Центральной Европы. Осип Цадкин в этом ряду — фигура особенная. Выдающийся скульптор и художник, он прошел извилистыми путями авангарда так, как будто это была прямая и ясная дорога. Он сыграл огромную роль в жизни своих современников и оказал влияние на язык современной городской скульптуры.

Γηϊ Όαάεεί. Αεί υεία ηάάάτι.

*1927 άά
Άάάάά «Γείόάά», Γάάεε*

Осип Цадкин — яркий представитель парижской школы кубизма, знаковая фигура «Улья». Именно он дал приют будущей легенде парижского авангарда Хаиму Сутину (см. о нем: Лехаим. 2010. № 7),

он вытащил в Париж из Белоруссии другого супергероя — Лазаря (Эля) Лисицкого и познакомил итальянского авангардиста Амедео Модильяни со своими друзьями, художниками-евреями. Дружба Сутина и Модильяни стала важной вехой в жизни этих прекрасных художников, представителей столь разных культур.

Как нью-йоркский авангард был бы невозможен без иммиграции художников-евреев в период второй мировой войны, так и парижской школе 1910–1920-х годов в каком-то смысле повезло, что евреям Российской империи не нашлось места на родине.

Первое свое художественное образование Осип Цадкин получил в Витебске у Иегуды Пэна, легендарного учителя многих великих художников, в том числе Марка Шагала. Около 1910 года Цадкин приехал в Париж, по-видимому обладая полной информацией об устройстве тамошней художественной жизни. Уже вскоре мы обнаруживаем его живущим в знаменитом парижском сквоте художников-авангардистов «Улье» и учащимся в единственной в мире частной академии, в которой преподавали кубизм. Образование в «Гранд Шомьер», так называлась академия, не было продолжительным — от нескольких недель до года, — но оказывалось невероятно эффективным. Цадкин поступает на отделение скульптуры, где также училась, например, Вера Мухина. Сам скульптор позднее довольно иронично относился к своему раннему кубистическому периоду, считая опыты этого времени едва ли не мальчишеством. Тем не менее для истории авангарда эти произведения Цадкина можно считать очень показательными.

Њіўіаў ааі іаіа

1920 аа

І ааі ааіаіа, І аааа

Ранняя скульптура, еще витебского периода, хранящаяся сейчас в музее Цадкина в Париже (например, «Героическая голова», 1909), олицетворяет две первоначальные идеи художника в искусстве: природную дикость в образе первобытного воина, сильного, с лукавым прищуром, и целостность скульптурного материала в виде круглой глыбы розового гранита.

Что дали Цадкину кубисты? Небольшая скульптура из собрания галереи «Минотавр» «Дама с веером» демонстрирует сочетание простых и грубых геометрических фигур с объемной спиральной динамикой, имитирующей движение воздуха.

*Ī īī ōī āī ò ðāçðñōāī īīī óĐī ò òāñāī á
(Ā ī āī yōū ī āīī āāñēōī āēāō āī āñāī ŷ āō īōīē ī ēōīāīē āīēī ŷ.)*

Đī ò òāñāī.

1953 ā ā

Еще одна важная идея в раннем творчестве Цадкина — это идея музыкального звука: множество изображений музыкантов и музыкальных инструментов, аккордеон, виолончель, скрипка, композитор над нотами. Кубисты дружили с музыкантами, и изображения музыкальных инструментов — такая же знаковая черта кубизма, как, собственно, кубы. Но именно у Цадкина музыкальные инструменты не просто фетиш. Тема музыки как звука-чуда и динамики как единства ритма для него основополагающие. Пожалуй, он единственный из художников еврейского происхождения, кто безвозвратно покинул плоскостную, буквенную структуру традиционной еврейской культуры, придав древнему наследию объем. Цадкин никогда не обращался ни к библейским темам, ни к быту родного белорусского местечка, но традиционная еврейская музыкальность и острое трагическое чувство безошибочно идентифицируют его как художника-еврея. В скульптуре Цадкина идея звука — это «вой одиночества» в ранней парижской молодости и крик ужаса — в монументе разрушенного Роттердама (1953).

Многое в скульптуре Цадкина можно понять через его живопись и графику. В скульптуре Цадкин не выносит промежутков между фигурами. Цельность природного материала и единство воздушного пространства, омывающего скульптуру, вылепливаются им как две драгоценности. Это важнейший урок преодоления наследия Родена — великого скульптора предыдущей эпохи. Одиночество и трагизм каждой из фигур Родена у Цадкина выглядят как уникальность, способная, тем не менее, к воссоединению через музыку.

К раннему парижскому периоду относятся и деревянные скульптуры Цадкина. Их часто показывают по отдельности, что неверно, ниже мы объясним почему. Художник говорил, что из-за стесненности обстоятельств и дороговизны процесса литья из бронзы он обратился к дереву и постепенно создал целый «лес» деревянных скульптур. Разные породы дерева он окрасил в природные тона: охру, черный, белый. Идеальная обработка деревянной поверхности сочетается здесь с огромным аскетизмом, связанным со стилистикой древних культур и естественным минимализмом биологической формы дерева.

В результате получились живые столбы, слегка оттененные чертами женского торса. Поражает светоносность и наполненность жизнью этих необычных структур, этого деревянного «леса».

После трагедии второй мировой войны именно осознание живой целостности мира позволило Осипу Цадкину создать самое значительное из произведений и, можно сказать, самую трагическую из европейских скульптур этого периода — памятник разрушенному Роттердаму. То движение, которое было танцем, стало воплем. Та целостность, которая была радостным спокойствием, прорвалась зияющей дырой непостижимой трагедии.

Творчество Цадкина сообщило скульптуре сложившийся пластический язык гуманитарной трагедии, наподобие «Герники» Пабло Пикассо. Но, в отличие от Пикассо, язык Цадкина не остался персональным опытом переживания катастрофы. Этот язык был усвоен, и на нем позже говорили такие гении, как скульптор Эрнст Неизвестный и художник Михаил Шварцман.

Ἴ ἴ ὀ ὀ ἴ ἴ ἴ ἴ Ἀ ἄ ἄ ἄ ἄ

1917 ἄ ἄ

Ἀ ἄ ἄ ἄ ἄ «Ἴ ἴ ἴ ὀ ἄ ἄ ὀ», ἴ ἄ ἄ ἄ ἄ

Творчество второй половины жизни Осипа Цадкина «сыграно» в совсем другой тональности. Оно более графично и проникнуто почти литературным лиризмом. Этот период начался в Нью-Йорке, где Цадкин оказался в годы второй мировой войны. Полуутопленная в земле, разобранный на отдельные пластические элементы парковая скульптура на первый взгляд выглядит непозволительным эстетизмом для трагических времен. Однако это обманчивый эстетизм. Элементы, напоминающие европейскую классическую архитектуру, — это на самом деле страшная свалка некогда прекрасных культурных ценностей. Цадкин, познавший целостность мира, познал и его разрушение и воплотил это в бронзе.

Позднее творчество Цадкина хорошо представлено в коллекции его бельгийских друзей — художников и арт-дилеров Вигерсма — и в собрании брюссельского фонда Осипа Цадкина. В двойном портрете Хендрика и Нела Вигерсма мы видим продолжающийся диалог с наследием Родена. Идеальность форм, трактованная у позднего Родена как прямой эротизм, выводится Цадкиным, вслед за Аристидом

Майодем, в сферу идеального. Теперь посмотрим, что происходит с тактильностью, всегда важной для Цадкина.

Áâá óèãöðí.

1964 ãã

*Dorsky Galleries,
Í îþ-Ëíðé*

Если в ранних деревянных скульптурах тактильность идентична идеальной поверхности и прикосновение возможно только визуальное, то в средний период в бронзовых скульптурах музыкантов это прикосновение «вызывает» звук, но не влияет на качество поверхности. Зрелый Цадкин делает прикосновение физическим — мы видим объятия любящих и соприкосновение фигур в танце.

Сила природной целостности и вера в очищающее влияние древних энергий у Цадкина давно в прошлом. Он говорит теперь о человеческом душевном тепле, о ценности соприкосновения, дающегося долгой совместной жизнью, о понимании. Человек мыслящий, пройдя через страшные трагедии вместе со всем миром, он сохранил веру в возможность взаимопонимания. В этом смысле Цадкин — самый «добрый» и «человеческий» гений авангарда XX века. Его интонации необычны и не свойственны искусству авангардистов, может быть, они позволяют по-другому взглянуть на позднее творчество Пикассо и Матисса.

Ùááóí-áé.

1927 áá

Ááéááý «Ì éíòááð», Í áðèæ

ЕЩЁ ПОСМОТРИМ!

МИК ДЖАГГЕР. ФОТОАЛЬБОМ

МОСКВА, ДОМ ФОТОГРАФИИ, до 15.04.2011

Ėėġġ Ąġġġġġ. Ėġġġġġġġ, 1995

Биеннале «Мода и стиль в фотографии» уже давно больше про стиль, чем про моду. Тем и интересно. В конце концов, публике не обязательно всерьез воспринимать персонажей этой бесконечной ярмарки тщеславия, жертвами которой оказываются модельеры, а порой и прославляющие их фотографы.

Среди героев фотофестиваля нынешнего года Марлен Дитрих и звезды мирового кино в объективе Джона Кембриджа, итальянские папарацци 1950-х и современный немецкий классик Юрген Теллер (одна из его работ интерпретирует образ знаменитой кушетки, couch, Зигмунда Фрейда). Отдельная выставка посвящена Мику Джаггеру, легенде не одного только рока, но и культуры в целом. Не зря его снимали великие кинорежиссеры, от Годара до Скорсезе, — и великие фотографы тоже. В том числе и Анни Лейбовиц. Вообще-то она сделала портреты многих знаменитостей, не покладая рук работала для журнала «Vanity Fair» (истории фотографии в этом журнале посвящена специальная выставка в рамках биеннале), но применительно к основателю «Роллинг Стоун» ее талант выглядит особенно примечательно. Жаль, авторские права не позволяют нам воспроизвести портрет ее работы.

ὍΛΕΪ ΕΪ ΑἸΔΕῖ Ἰ ἈΔΕῖΝ. ὈΔἈἸ ΕἸ Ἰ ΔΕῖΝ. ΕἸ ἈἈ ΟἸ ΔΕῖΝ. ΕἸ ἈἈ ΟἸ ΔΕῖΝ.

БРЕМЕН, МУЗЕЙ МАРКСА, до 25.04.2011

Ἰ ἈἸ ΕἸ ἈἈ ΟἸ ΔΕῖΝ «ὍΛΕΪ ΕΪ ΑἸΔΕῖ Ἰ ἈΔΕῖΝ».

Ἰ ἈἸ ΕἸ ἈΔΕῖΝ

ἈΔΕῖΝ ἈἸ

Сто тридцать с лишним картин, эскизов и скульптур на двойной выставке в Бремене отражают все художественные интересы авторов, от позднего экспрессионизма до абстрактных тенденций 1950-х. Хотя изначально кажется, что между живописцем Лионелем Файнингером (1871–1956) и скульптором Герхардом Марксом (1889–1981) различий больше, чем общего. Тем более что Файнингер начинал как карикатурист, заключавший контракты с американскими газетами на циклы комиксов (что не помешало ему стать одним из самых поэтичных живописцев века). Но школа объединяет и разнонаправленное — тем более если такой школой был Баухауз. Оба преподавали там в начале 1920-х. Позже, когда их профессиональные пути разошлись, они продолжали поддерживать близкие отношения. Благодаря Файнингеру Маркс, уже ставший к тому времени одним из самых знаменитых скульпторов Германии, даже начал заниматься гравюрой.

Перерыв в отношениях возник лишь после эмиграции Файнингера — после 1935 года он с женой Юлией, урожденной Лиlienфельд, вынужден был уехать в Америку, где их сын, Андреас Файнингер, прославился как фотограф. Работы старшего Файнингера были изъяты из немецких музеев, некоторые из них показывали на выставках «дегенеративного искусства», причем порой они соседствовали со скульптурами Маркса (тот остался в Германии, но получил запрет выставляться). После войны отношения возобновились благодаря переписке. В это же время у них был и общий галерист в Нью-Йорке, Карл Валентин. Но важным в их отношениях оставалось все же другое.

ÀÓÑÒÀÀ Î ÀËÁÐ

Ï ÀÐÈÈ, Î ÓÇÁË Î ÐÑÝ, äî 27.05.2011

Анна фон Мильденбург.

Неизвестный фотограф.

Библиотека и коллекции Венского общества любителей музыки

Малер перед Венской оперой.

Неизвестный фотограф.

1904 год.

Библиотека и коллекции Венского общества любителей музыки

У Малера все сошлось: в прошлом году отмечали 150-летие его рождения (огромную выставку показал Театральный музей в Вене), в этом наступает 100-летие со дня его смерти. По этому поводу Музей Орсе собрал небольшую, но эффектную экспозицию, разместившуюся всего в одном зале, 67-м. Но размер не имеет значения, если представлены редкости, а сам рассказ осмыслен до последней запятой.

Помимо ставших уже хрестоматийными работ, кураторы отобрали и малоизвестные фотографии, в том числе из австрийской прессы 1920-х, и не публиковавшиеся прежде. Музей Вены обладает самым значительным архивом Фляйшман в мире, хотя после эмиграции та получила американское гражданство, а какую-то часть жизни провела в Швейцарии. После войны сделала фотокарьеру в Нью-Йорке, не столь яркую, как на родине, но достойную, даже открыла собственную студию. В Вену приехала лишь однажды, почувствовала, что город не ее, жить здесь уже невозможно. В Америке торжественно отметили ее 90-летие, в Нью-Йорке она и умерла.

Асяяне і іебгата

ПИАНИСТКА ИРИНА БЕРКОВИЧ: НЕ ТОЛЬКО БАХ...

Беседу ведет Владимир Мак

В Москве в 1980-х годах имя пианистки Ирины Беркович было известно в кругах, ставивших музыку выше известности ее исполнителей. В невероятно насыщенном сезоне 1985/1986, в год 300-летия Баха, одним из главных музыкальных событий в тогда еще советской столице стали ее девять концертных программ со всеми сочинениями Баха для фортепьяно соло и ансамблей, и именно тогда об Ирине стала писать аккредитованная в СССР иностранная пресса.

В Израиле она, профессор Иерусалимской академии музыки и танца с 20-летним стажем, гастролирующая по всему миру, в том числе в Москве, известна как пианистка и педагог. А в 2008-м Ирина потрясла своих поклонников, выйдя на сцену в дуэте со знаменитым джазовым пианистом Славой Ганелиным.

О том, как в ее жизни возник джаз, о музыке, музыкантах и о том, что мешало ее карьере на родине, с Ириной Беркович говорил Владимир Мак.

Владимир Мак Как возник этот альянс?

Ирина Беркович Идея принадлежит Славе, которого я давно слушаю и давно и глубоко уважаю. Я не люблю, когда на каждом шагу говорят «гениальный», и сама этого не делаю, но про Славу я другого слова сказать не могу. Музыкальный язык, на котором Ганелин говорит, настолько далек от классической музыки, что я не видела возможных точек пересечения. Идея принадлежит Славе, и когда он предложил попробовать, я расценила это как не более чем шутку — Славино чувство юмора я тоже высоко ценю. Но в какой-то момент решила, а почему бы и нет, и мы попробовали. И тут уместны слова Германа Гессе из «Игры в бисер»: «Ничто так не сближает людей, как совместное музицирование». Пианисты-солисты всю жизнь проводят в одиночестве. И когда ты вдруг оказываешься вместе с кем-то по-настоящему — переоценить это невозможно! Территория, на которой мы находимся — общая, и я никогда не делаю того, чего не умею. Не пытаюсь импровизировать. Но я играю написанную музыку, а рядом Слава, обладающий тактом, знаниями и талантом, абсолютно вписывается в эту музыку, как бы оркеструя ее и, естественно, внося некоторые изменения. И я, догматик, тоже не могу не вносить изменений. В результате музыка меняется. Мы со Славой играли всякий раз по-разному, но это всегда мне доставляло огромное наслаждение. То самое, о котором пишет Гессе.

ВМ Судьба сводила тебя с выдающимися музыкантами с самого начала, с обучения в школе.

ИБ В специальной детской музыкальной Школе имени Гнесиных, в которую меня в шесть лет привела бабушка. Спустя много лет я поняла, что это была уникальная школа. Все, что мы, ученики Гнесинской школы, получили, было уже не на уровне знаний и навыков, а в крови. В 13 лет я играла концерт Кабалевского с оркестром, которым дирижировал сам Дмитрий Борисович. Это меня инфицировало на всю жизнь: ведь здесь было и телевидение, и поездки, и концерт в Колонном зале Дома союзов.

ВМ А кто был первым педагогом по фортепьяно?

ИБ Ирина Борисовна Радзевич. Она мне дала очень много, хотя позже, когда я ушла к Борису Абрамовичу Шацкесу, в консерваторское училище, наши отношения сложились не лучшим образом. Меня не только она, вся школа подвергла остракизму — уходить оттуда в училище было предательством. После концертов с Кабалевским мне были открыты все пути, а я по ним пойти не захотела. Потому что невозможно всю жизнь учиться у одного учителя.

ВМ Есть отдельные примеры.

ИБ Исключения из правил. Я представления не имею, как учить детей, но когда детский педагог учит студентов — тоже ненормально. После первого урока Шацкес вызвал мою маму, сказал ей какие-то фантастические слова и отказался брать деньги за уроки. До конца девятого класса я бегала между двумя педагогами, а потом поступила на второй курс училища при Московской консерватории. Шацкес был уникальной личностью — мастером спорта по шахматам, автором шахматных книг и композиций, профессиональным преферансистом, заядлым рыболовом — проявлялся во всех сторонах жизни. При этом он был сыном замечательного пианиста Абрама Шацкеса, ученика Метнера. И учеником Гольденвейзера. Большим пианистом не стал, хотя был солистом Москонцерта, и к 36 годам решил попробовать себя в педагогике. Борис Абрамович меня окунул совсем в другой мир. За три года, что я у него проучилась, я сыграла столько новой музыки, что невозможно подсчитать. Все сошлось! Вероятно, я была неплохой ученицей, и для меня он был идеальным педагогом и даже больше. Влияние его было огромно — музыка, литература, просто общение... Шацкес привел меня к Флиеру: Борис Абрамович и Яков Владимирович жили в одном доме и дружили, и каждое произведение, которое я проходила с преподавателем Шацкесом, показывалось профессору Флиеру. И было ясно, что я поступаю в консерваторию к нему в класс.

ВМ Стопроцентного запрета на евреев в Московской консерватории не было?

ИБ Не было, если я поступила. Но тогда мне эти проблемы были неизвестны — Шацкес умудрился отгородить меня от них. У меня было свободное посещение, я играла на сессии ЮНЕСКО концерт Прокофьева, я фанатично занималась, и ничто, кроме музыки, меня не волновало. Правда, первый удар я получила до консерватории — во время отбора на конкурс в Монреаль. Я прошла все этапы до всесоюзного, на котором меня и завалили. Мне пришлось узнать, что играть 25 часов в сутки недостаточно, есть еще объективные факторы. Фамилия, например. Впоследствии Флиер говорил моим родителям: может ей сменить фамилию на благозвучную? Мне это показалось абсурдом. Я считала, что это не поможет, но будет противно. И была права.

Говоря о периоде перед консерваторией, я хочу вспомнить еще одно имя. Дмитрий Александрович Блюм. Один из лучших людей, кого я видела за всю жизнь. Прекрасный музыкант и большая личность. Он преподавал теорию в училище, мы в начале его боялись, но потом стали друзьями. Когда меня не пустили в Монреаль, Дмитрий Александрович мне позвонил и сказал: «Ира, когда у тебя будет концерт в Большом зале консерватории, оставь мне, пожалуйста, билет». Мы с ним общались и когда я уехала в Израиль — писали друг другу, я навещала его, когда приезжала в Москву.

А в консерватории был только Флиер. Великий музыкант и великий романтик. И свою задачу он видел в том, чтобы меня окунуть в романтику. Я была безумно счастлива общаться с Яковом Владимировичем, слушать его игру, но понимала, что повторить это не смогу. Флиер был настоящий артист. Когда в и без того полном классе появлялся посторонний, он преображался, будто давал концерт. А я любила, когда мы занимались дома. Яков Владимирович часто цитировал на уроках своего учителя Игумнова: «Индивидуальность, если есть, она всегда проявится. А если нет, то будет маленький Игумнов». И сам добавлял: «Будет маленький Флиер» — меня трясло от этих слов. У нас в классе все играли сонату Листа и концерт Чайковского, и не помню, чтобы кто-нибудь играл фуги Баха. Но ни в коем случае я не хочу сказать, что жалею, что училась у Флиера. Звучание инструмента, класс пианизма, самая высокая планка при оценке — она была непререкаемой и другой не могла быть. Сейчас я отлично понимаю, сколь ценно это было.

ВМ Но ведь обойтись без Баха ты не могла, ведь наверняка играла сама?

ИБ Второй том прелюдий и фуг я играла еще в училище, а первый выучила сама и долго уговаривала Флиера, чтобы он послушал. И уговорила. Я помню — у него дома: кабинет в бордовых тонах, бордовый рояль, бордовый халат у Флиера, он уютно сидит в кресле и слушает. Ему понравилось, и мы занимались. Он, хоть и играл романтику, был настоящим художником с широкими взглядами. Кстати, одним из первых в Москве принял Глена Гульда, пианиста совсем не романтического направления.

ВМ Ты окончила Московскую консерваторию в 1977-м, в том же году, в декабре, умер Флиер. И тебя не взяли в аспирантуру, потому что, насколько я помню, ты не была лауреатом конкурса.

ИБ У Шацкеса я скакала на белом коне, а в консерватории уже была взрослой. Приходилось решать и немзыкальные задачи — пытаться попасть на конкурс. Ведь без лауреатства ты не мог играть сольные концерты. Есть два типа музыкантов. Одним конкурсы необходимы, другим противопоказаны. Я не говорю, что хорошо, что плохо. Если бы тогда не было это обязательно, я в жизни не пошла бы ни на один конкурс. Но законы были другие, и я пыталась. Безуспешно. Что сейчас это обсуждать, прошло столько лет, и все, что произошло, вероятно, произошло правильно.

ВМ Это не помешало тебе в 1980 году стать лауреатом Баховского конкурса в Лейпциге.

ИБ За девять лет до этого я должна была ехать на тот же конкурс, но обстоятельства были против меня. Я и на этот раз не надеялась, что поеду, однако все-таки выпустили. И я стала лауреатом, что дало возможность играть. И вот чудо: я прошла отбор, вместе со мной прошел Андрей Никольский, очень талантливый музыкант, ученик Станислава Нейгауза. Промучились мы невероятно — любой международный конкурс казался детским лепетом по сравнению с отборами в СССР. Выдержать полгода этой мясорубки — испытание, требующее качеств, совершенно противоречащих тем, что необходимы музыканту. После этого едешь на конкурс под девизом: «Победа или смерть!» — если ничего не получишь, то второго шанса не будет, если у тебя нет важного папы. Играть с таким психологическим грузом невозможно, трудно вспомнить о музыке и забыть о петле, которая вот-вот затянется на шее. Последнее прослушивание перед конкурсом Бетховена было у нас с Андреем накануне отлета в Вену, уже билеты в карманах лежали. Отыграли мы концерты с оркестром и пошли в Министерство культуры на инструктаж. Я всегда ждала очередного облома, и бдительность моя не дремала. Но тут, при наличии загранпаспорта, она заснула. Заходим мы с Андреем, еще одной будущей участницей из Грузии Ниной Мамрадзе (это был блатной национальный кадр, прошедший в довесок к нам) и будущим членом жюри пианистом Евгением Малининым в кабинет к некоему Гостевскому. Дальше ничего не помню, все как в тумане до слов Мамрадзе: «Значит, мы не поедем?»

ВМ В последний момент что-то произошло?

ИБ Нам сказали, что международная обстановка резко изменилась, забрали паспорта и билеты. Интересно, что для Малинина она не изменилась, и он уехал один. Я слышала о многих подобных случаях, но со мной это происходило впервые! И я дала себе клятву не играть в эти игры и заниматься только музыкой и собственными проблемами, которых всегда была масса. Тогда у меня возникла удачная, как мне кажется, ассоциация — если ты лежишь на рельсах, то поезд тебя раздавит не потому, что это именно ты, а потому, что это поезд. Ты можешь встать с рельсов и уйти, но если ты уже на них лежишь, то должна быть готова к тому, что поезд идет.

ВМ Истинной причины того, что вас не пустили в Вену, ты не знаешь?

ИБ Через пять лет на гастролях в Кисловодске я встретилась с Малининым, и вечером, за чаем, он сказал, что за три месяца ему и всем членам жюри было известно, что мы не поедем! На меня был донос, я даже теперь знаю чей. Там говорилось, что я хочу уехать, получаю вызовы из Израиля. Это было правдой. На Никольского был тоже донос — его называли наркоманом и спекулянтom. Он вскоре женился на югославке и уехал^[1].

Больше всего в этой истории меня потряс цинизм и абсурд: ведь три месяца собирали жюри, платили людям деньги, занимали оркестры, залы — и все это для того, чтобы два молодых пианиста не узнали раньше времени, что они стали невыездными.

ВМ И ты уехала.

ИБ Уехать я хотела всегда, но долгие годы не могла в силу личных проблем, которые удалось решить только к 1989 году. Уезжали мы в Израиль, потому что мне казалось, что там я не буду чувствовать себя чужой, как в Союзе. Кроме того, ни одной страны не было, где меня кто-нибудь ждал, а когда в аэропорту Бен-Гурион вышла из самолета и увидела множество таких же, как и я, маленьких смуглых брюнеток, сразу же себя хорошо почувствовала. А сейчас знаю, что не ошиблась. В конце 1989 года все в Союзе было уже разрешено, и мне накидали кучу концертов в прекрасных залах с хорошими оркестрами. Впервые тогда я сыграла в зале Чайковского в Москве, были восторженные рецензии, у меня брали интервью.

ВМ И в Израиле все сразу устроилось?

ИБ Гостиница для репатриантов, непонятный гортанный язык — все это вселило ужас. Потом я осмелилась позвонить людям, которых немного знала по Москве. Они тут же приехали, забрали нас к себе в Реховот, помогли снять квартиру... У каждого приехавшего есть такие люди. Затем возникла проблема инструмента — я пришла в Музей Вейцмана и попросила разрешения позаниматься на рояле. И люди, работавшие в этом музее, просто стали моей семьей на долгое время, они и по сей день мои близкие друзья.

ВМ В Иерусалимскую академию ты попала вскоре после приезда.

ИБ У меня было рекомендательное письмо к Марку Копитману^[2]. Он пообещал мне прослушивание. Я не удивилась и не оскорбилась, как некоторые, а сыграла. Надо отдать должное, через пять минут после начала игры меня прервали и извинились. На работу взяли, но ведь это был март 1990 года — массовой репатриации еще не было, академия была вдвое меньше. Копитман предложил вести Баховский семинар — я наотрез отказалась, я не умела говорить, а тут еще и по-английски. «Тогда жди до октября», — сказал Марк. Ждать я не могла, надо было зарабатывать. Так прошло полгода, на семинарах было все больше народу, а летом стали приезжать в Израиль из Союза по тысяче и более людей в день, и у меня набрался полный класс учеников. Я стала педагогом.

ВМ Прошел 21 год. Стало ли для тебя преподавание таким же жизненно необходимым занятием, как игра на рояле?

ИБ Игра на рояле — это не занятие, но моя личная жизнь. Поэтому, если вдруг выбирать, я выберу жизнь. Но без учеников не могу. Если отбросить финансовую составляющую — может, я хотела бы, чтобы их было меньше. Но общение со студентами мне необходимо хотя бы потому, что когда ты многие вещи объясняешь другим, то понимаешь их сам. Педагогика мне прояснила саму себя. У меня ученики — очень хорошие ребята. Это не значит, что все они блестяще играют. И задачу свою я вижу не так, как в свое время видели педагоги Московской консерватории.

ВМ Во всем мире давно, а в России, по-моему, недавно это тоже поняли: получение образования не всегда связано с приобретением специальности. Но при этом — есть у тебя ученики, ставшие хорошими пианистами и лауреатами?

ИБ Есть, и много. Но сегодня в мире очень много хороших пианистов. И не все они играют в Карнеги-холле или в Концертгебау.

ВМ Как, впрочем, и их педагоги.

ИБ Для меня музыка давно перестала быть профессией. Если ты занимаешься искусством или наукой всю жизнь, в какой-то момент профессия переходит в путь познания, который бесконечен.

ВМ Пианист не может играть только для себя. Он должен выходить на сцену. В Москве имя Ирины Беркович ассоциировалось с Бахом. Особенно в 1985-м, когда по совету пианиста и органиста Леонида Ройзмана в год 300-летия со дня рождения Баха ты сыграла все его клавирные сочинения.

ИБ Леонид Исаакович подал мне идею цикла программ из клавирных сочинений Баха. А когда я ужаснулась, он сказал, что надо думать о насыщенности рынка и делать то, что другие не делают. Спорить я не могла, доверяла я Ройзману безгранично. Он сам мне помог составить программы, их было девять — вся клавирная музыка, камерные сочинения, вместе со скрипачом Валентином Жуком и виолончелистом Валентином Фейгиным и концерты с камерным оркестром. Ройзман оказался прав: это заинтересовало публику. Первые концерты проходили в пустом, как всегда, Гнесинском зале, потом он стал заполняться, а завершилась серия в переполненном Малом зале консерватории. Появилась публика и, что особо ценно, моя.

ВМ В Израиле у тебя тоже своя публика. Она сформировалась на «Гольдберг-вариациях» Баха и «Вариациях на тему Диабелли» Бетховена. Но Бахом и Бетховеном сегодня твой репертуар не ограничен.

ИБ Около двадцати лет назад я вдруг стала играть много романтической музыки: обе сонаты и 24 прелюдии Шопена, си-минорную сонату Листа. Возможно, выплеснулось наружу полученное у Флиера. Сейчас этот период прошел, но я рада, что он был.

ВМ В твоей последней программе Берг, Шенберг.

ИБ Когда я училась, это были практически запрещенные имена. Существовали энтузиасты, как Алеша Любимов, которые неизвестно откуда доставали ноты и играли эту музыку, которую в Союзе считали новой. А стандартный репертуар заканчивался французскими композиторами, Прокофьевым и Шостаковичем. Ну и некоторыми современниками — Бабаджаняном, например. Кстати: прекрасный композитор и пианист, он был председателем комиссии у меня на дипломе...

ВМ Девяносто процентов исполнителей всю жизнь играют на концертах одно и то же.

ИБ Они дают по 260 концертов в год. А я и 60 не даю, поэтому свободна. Я играю настолько редко, что было бы странно, если бы играла одно и то же. Большой вопрос: жизненные обстоятельства диктуют нам образ жизни или наоборот? Я пока не нашла ответа. Я сажусь за рояль, чтобы узнать что-то интересное, но не для того, чтобы повторить то, что уже знаю. Я возвращаюсь к сочинению только потому, что начинаю его слышать по-другому. Музыканты, дающие много концертов, не имеют времени обновлять репертуар. В Союзе я много концертировала. Конечно, у меня не было нескольких десятков разных программ. Но существует лето, существуют перерывы, когда ты готовишь новое. Я обкатывала новые программы в школах.

ВМ На бесплатных концертах.

ИБ Конечно! Но мне было важно доказать самой себе, что я это могу. Поэтому я так рвалась на конкурс. Став, наконец, лауреатом, я получила возможность и играть с оркестром, и давать сольные концерты.

ВМ Ты известна в мире как исполнительница Баха, а Баха в последнее время играешь мало.

ИБ Просто мало выношу на концерты, которых тоже мало. Бах — это моя жизнь. Без ежедневного прикосновения к его музыке я становлюсь душевнобольной. Прикосновение к Баху дает мне устойчивость и ощущение мира с собой. А постоянно играть на концертах «Гольдберг-вариации» невозможно.

^[1] **Андрей Никольский в 1978 году получил вторую премию на Международном конкурсе имени Лонг и Тибо в Париже. В 1983 году эмигрировал из СССР, в**

1987 году занял первое место на Международном конкурсе пианистов имени королевы Елизаветы. Погиб в автокатастрофе в 1995 году.

^[2] **Марк Копитман — композитор, в Израиле с 1971 года, профессор Иерусалимской академии.**

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2011 НИСАН 5771 – 4(228)

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Àéàèíàé Ì íèðíàíà

THE PASSENGER

Mieczyslaw Weinberg
DVD (PAL) èèè Blue-ray
Ààðì àì èÿ, Neos

Ì ÀÑÑÀÆÈÐÈÀ

Ì á:èíëáá Àáéí ááðã
Ì í áðà á äáóð àèò áò,
áííü è ñáí áò ñ ýì èèíáì
Ðæèííáð Áÿàéá Ì áóí ò í è
Àèðèæ áð Õáí áí ð Èóðáí ò çèñ

Надпись на коробке с диском не рекомендует смотреть оперу Мечислава Вайнберга «Пассажирка» детям до 12 лет. Трудно сразу понять, чем может быть вызвано такое ограничение. Хотя действие «Пассажирки» происходит не только на борту морского лайнера, но и в Освенциме, отличающихся особой жестокостью сцен здесь нет, а музыка обладает такой силой, что поразила в свое время Шостаковича. Тот даже сказал, что был бы счастлив, если бы на партитуре стояло его имя.

Но авторитета Шостаковича не хватило на то, чтобы оперу Мечислава Вайнберга (см. Лехаим. 2010. № 11) поставили в Советском Союзе. Премьера при жизни композитора не состоялась, хотя оперу заказывал Большой театр. Цензура не могла предъявить претензий к либретто, написанному Александром Медведевым и Юрием Лукиным по повести польской писательницы Зофьи Посмыш, переведенной в середине 1960-х «Иностранной литературой». Но, видимо, у многих сама тема концлагерей в советском контексте вызывала ненужные аллюзии.

Первое концертное исполнение «Пассажирки» прошло в Москве в 2006 году в Доме музыки (а не в Театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, как указано в буклете), затем в Новосибирске. Постановка на фестивале в австрийском Брегенце прошлым летом стала первой театральной интерпретацией оперы — возможно, потому, что интерес к ней проявил интендант фестиваля Дэвид Паунтни, который сам ее и поставил. На партитуру он наткнулся случайно, буквально не глядя вытащив из стопки на столе, которую ему постоянно обновляют издательства. Начал читать — и обомлел.

Долгое время считалось, что смотреть спектакли и оперы на экране — занятие не из лучших. Но звукозаписывающая техника вкупе с размерами домашних экранов примиряет сегодня с киноверсиями сценических постановок. «Пассажирка» напоминает, как много возможностей у кино. В итоге для консервативных меломанов, привыкших в опере все мерить голосами и не замечать режиссера и художника,

видеоряд превращается в важнейшую часть оперы. Певцы оказываются отменными актерами, идет ли речь о Лизе, ныне жене дипломата, а прежде надсмотрщице в концлагере (ее поет замечательная южноафриканская меццо-сопрано Мишель Бредт) или бывшей заключенной Марте (сопрано Елена Келессиди — гречанка родом из Казахстана), случайно встретившейся с Лизой на одном корабле. Хорошая акустика домашнего видео позволяет оценить и звучание венского филармонического оркестра, руководимого Теодором Курентзисом — не зря DVD-диск уже успел получить несколько престижных наград, включая «Le Diamant d'Opera».

Премьера «Пассажирки», сопровождавшаяся трехдневной конференцией, посвященной Вайнбергу, открыла миру нового композитора. Сегодня музыку Вайнберга исполняют повсюду. В апреле в оперном театре французского Нанси покажут его «Портрет», также поставленный в Австрии. Осенью «Пассажирку» представили в Варшаве, в будущем году ее увидят в Английской национальной опере в Лондоне и Королевском театре Мадрида.

Фирма «Neos», выпустившая запись, не рассчитывает на особый интерес к ней в России. Буклет к диску содержит либретто на четырех языках, включая польский. Зато субтитры к опере есть и на русском — в отличие от фильма-бонуса «На чужбине», посвященного жизни и трудам Вайнберга, репетициям в Брегенце. Дирижер Владимир Федосеев, часто исполняющий симфонии Вайнберга, рассказывает в фильме, как пытался в свое время убедить руководство Большого поставить «Пассажирку» — тогда оно просто не поняло музыки.

Интересно, когда теперь «Пассажирку» увидят в Москве. Премьера пока что не запланирована.

РЕДЬКА — И ТОРТ

Рֹדֵעַ נִתְיָאָה

חֲדִי וְעֵי אֲבָאִי

אַבְרָהָם אֲדִיר הֶוְיֵה

נֹוֶא, 2010

Гениальный еврей-программист одержим идеей, что для всего на свете должен быть единый универсальный цифровой Код («Система»). Он ищет этот код в Торе, которую воспринимает как зашифрованную базу данных. На эту мысль наталкивает его знакомый хасид. Когда программист находит Систему, та оказывается не чем иным, как именем Б-га. Ни больше ни меньше. Таков сюжет дебютного фильма Аронофски «Пи». На первый взгляд может показаться диким, что человек, который дебютировал такой комиксовой задумкой, мгновенно приобрел статус артхаусника, тонкой штучки, чуть ли не Кортасара кинематографа. Но это если вы не видели картину. Потому что она завораживает. Чрезмерная визуальная ее сторона, монтажные фейерверки задвигают куда-то в угол вопрос: «А о чем, собственно, речь?» как несущественный.

«Пи» получил приз на фестивале «Санденс». При бюджете в 60 тыс. долларов собрал в прокате 3,2 млн. В Аронофски стали вкладывать деньги (первый фильм он снимал на собственные средства). Следующие две картины — «Реквием по мечте» и особенно «Фонтан» — были в ту же сторону, что и «Пи»: избыточные по киноязыку, блестящие по форме, нарочито затемненные по смыслу. Картины провалились. Шесть лет потратил режиссер на «Фонтан», а в прокате при бюджете 35 млн долларов он собрал 16 млн. Видимо, осознав, что карьера под угрозой, пытаясь открезвиться от имиджа маргинального путаника, Аронофски кинулся в другую крайность. В следующем своем фильме, «Рестлер», он решил все минимизировать — бюджет, стиль, драматургию, амбиции. И это был тот случай, когда все всё наконец поняли. Фильм собрал и призы, и кассу. Упрочил репутацию режиссера. Дал ему возможность приступить к следующему проекту. «Черный Лебедь» — про фанатичную юную балерину (за эту роль Натали Портман получила своего «Оскара»), которая готовится в первый раз выступить в роли примы в «Лебедином озере». Она инфантильна, благовоспитанна, невротична и потому по логике режиссера идеально подходит на роль Белого Лебедя. Но ей надо еще станцевать и Черного. А для этого вытащить наружу всю дрянь, всю «черноту», что сможет наскрести внутри. По драматургии «Лебедь» ближе к «Пи». Ну посудите сами. Оба фильма сняты в одном и том же жанре «шизоидальный триллер». Соответственно, и там, и там главные герои шизофреники, каждый со своим набором видений. Оба нервны до последней степени. Настолько, что их периодически тошнит. У обоих есть гуру, который направляет их энергию в определенном направлении. И даже сентенции этих учителей похожи. Гуру в «Пи» учит измотанного поисками Системы математика:

«Тебе нужно отдохнуть. Прими ванную, иначе ничего не добьешься. Не будет никакого порядка, а только хаос». В «Лебедь» балейтмейстер внушает балерине: «Совершенство — это не только самоконтроль. Но и умение отпустить себя»... Интересно. Если правда, что сюжет есть мысль автора, доведенная до состояния схемы, то сам Аронофски явно так не считает. Потому что и математик, и балерина добиваются прорывов, не «отпуская» себя, а наоборот — загнав до крайней степени. На волне вскипающих глюков, рушащейся «крыши» (своей и зрителя), вылетают они к победам и кульминации. А если посмотреть на форму, так «Лебедь», конечно, ближе к «Рестлеру». Побыстрее, конечно, побойчее, поядренее, но и тут — никуда не делась — полудокументальная ручная камера и склейки имени Годара. Все это было уместно в архаусной драме про маленького большого Рестлера, и странновато смотрится рядом с помпезными компьютерными эффектами триллера про двойников. Что тут скажешь? Такой человек. Гений. Совмещает несовместимое. Редьку — и торт. Критики крикают, смущенно косятся друг на друга: то ли шедевром «Лебедя» объявить, то ли пошлятиной?..

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2011 НИСАН 5771 – 4(228)

ЧУЖИЕ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ

Î àéý Áîë-àé

Strangers no more

ÑÒÀ, 2010

Dààèññàdù Èàdàí Áóòí àí è Èèdè Nàèí Ìí

Последнюю на сегодняшний день, 83-ю по счету, церемонию вручения премии «Оскар» называют едва ли не самой предсказуемой за несколько десятилетий. Действительно, в главных номинациях победителями оказались именно те фильмы («Король говорит») и те актеры (Колин Ферт, Натали Портман), которым публика и критика прочили награды. Однако неожиданный скандал разгорелся вокруг невинной номинации «Лучший короткометражный документальный фильм». Дело в том, что по решению Американской киноакадемии приз получила лента об израильской школе «Бялик-Рогозин» в Тель-Авиве.

Наверное, после 28 февраля (день вручения премии «Оскар») весь мир в курсе, что в школе «Бялик-Рогозин» обучаются дети из 48 стран мира, исповедующие ислам, христианство и иудаизм (или вовсе нерелигиозные). Объединяет их только одно: все они дети иммигрантов, прибывших в Израиль нелегально, и всех их (независимо от национальности, гражданского статуса и религиозной принадлежности) в «Бялик-Рогозин» считают израильянами.

Высшая кинематографическая награда 40-минутному фильму об одной из самых необычных школ мира вызвала дискуссию в прессе и Интернете. Но если газетные сенсации недолговечны, блогеры не могут успокоиться второй месяц. Их реакция наглядно показывает двойственность отношения общества к школе, возглавляемой Карен Таль и проблеме, которую Таль и ее коллеги пытаются решать.

В России двойственное отношение к картине сказалось даже в том, что простое, в общем-то, название «Strangers no more» не смогло получить однозначного официального перевода: фильм называют то «Больше не чужие», то «Здесь нет чужих» (а также «Уже не чужаки» и т. д.). Запрос в поисковике по англоязычной версии названия отсылает к рекламной кампании «Кока-колы» и лентам о пришельцах. В ситуации такого, почти метафизического, разброда, бьющий через край популизм в оценках деятельности школы и ее директора выглядит почти логично: «Еще неизвестно, что труднее — один раз поехать с детьми в Треблинку, как это сделал Корчак, или каждый день защищать детей от депортации и издевательств властей, как это делает Карен Таль», — пишет человек на сайте «Левый либеральный Израиль». И тут же в комментариях ему отвечают: «Совсем охренел Черный Абдулла». И дальше: «Езжайте в Калифорнию — там всё так, как вы хотите».

Израиль и правда не Калифорния. Хоть мэр Тель-Авива и назвал картину «лучшей визитной карточкой города и всего Израиля», фильм о школе «Бялик-Рогозин» все-таки американского, а не израильского производства. Авторы — Карен Гудман и Кирк Саймон — опытные документалисты, работавшие для «Нэшнл Географик» и Би-би-си. Их предыдущий совместный проект — «Внутри человеческого тела» — был снят как раз с максимальным использованием киношных «прибабасов» вроде компьютерной графики и анимации. В «Чужаках» же истории, которые рассказывают дети, не требуют украшательства, поскольку это истории о войне, о бегстве из ада, о смерти родителей (иногда убитых на

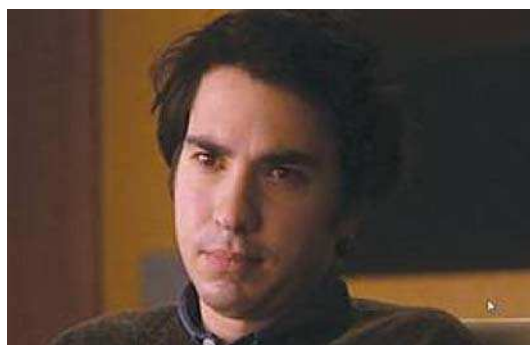
глазах детей). Здесь максимальный эффект достигается за счет того, что в кадре учителя, говорящие об учениках, плачут, а дети, рассказывающие о себе, — нет.

Конечно, киноакадемики давали «Оскар» не столько Гудман и Саймону, сколько Карен Таль. Она не выходила на сцену, но в зале «Kodak Theatre» присутствовала и интервью давала наравне с победителями. В школе «Бялик-Рогозин» 1 марта прервали занятия, чтобы отпраздновать «свой» «Оскар». Однако, как сообщалось в новостях, ни главы правительства, ни министра просвещения на празднике не было. Министр просвещения Гидеон Саар прислал директору школы свои поздравления, назвав работу школы «примером человеколюбия, человечности и надежды». Его коллега, министр внутренних дел Эли Ишай, не сделал и того, ведь человеку, чья головная боль — борьба с нелегальной иммиграцией — непросто искренне порадоваться за школу, привлекающую детей этих самых нелегалов.

НЕ «ОСКАРОМ» ЕДИНЫМ

И едөөе Яаеүүо аеі

*Оеүү Айааа Оеі:аді «Ніоаеүү аү пюү» (м. Еааеі. 2011. ¹ 2) ііоадіае іа «Ііеаде»
:оаіоаеоаеүү іа ііоаеаіеа ііеб:еа оде адідііоаіаііа пюаоооо — са пюіаооае, пюіадее е
іііоае, — іі іііеааа іде юіі аі аіао іііаіуо ііі еіаоеуа Аеааі еее іоаіі:ее аі о
одіаоаеүү ор дао діааі о «Еі ді еу аіа де о», пюіааі ор і даедаііе еаіе Еіеіа Оадоа Іаа еаі оу,
еіоаое, аі і ііаі іііоае — і дііоаііеа еіо ідее, пееүү і оаоуруеа а іадаіеаа іі іааі аіа іуа іа
једіаі п оаі і діоаііеіаеєсі іі, іо еіо і діаі оеа оеіе ііааоу аі іаіоіууаа еіеуііоаа І дааа, іа
і іе аеуі, Оеі:ад юо ааі і іааоіаео, а Оіі Оіаі ад п еіо і деае і ді еі ді еу-саеео е і деіоааеа і іа е
іаі о іа ді еіаі іаа, іа ді ііе ді оааі аао а оае е ііоааоііу едзі ееі даі аіеаі і ееіі.*

Ааеае Еадіаі оао а діеє І ао деаа Яаеүүо аеі і а пюаеа «І даеүүу аү аеа іа».

2011 аа

Зато не оцененная академиками «Социальная сеть» на глазах порождает новую мифологию. Цукерберг стремительно превращается в любимца американской массовой культуры — причем Цукерберг не реальный, а именно финчеровский, блестяще сыгранный Джесси Айзенбергом.

Началось это практически одновременно с выходом «Социальной сети» в прокат — уже в октябрьской серии «Симпсонов» рисованный Цукерберг собственным голосом учил жизни Лизу и Нельсона. Теперь наступил черед неанимированных фильмов. Первым обратил на это внимание Антон Носик, отметивший в своем блоге практически одновременное появление небольшого вывода прозрачно переименованных цукербергов в очередных эпизодах американских сериалов.

В начале февраля отличился популярный сериал «Обмани меня», идущий у нас по Первому каналу, — там возник создатель суперуспешной социальной сети Зак Морштейн, кинувший своих партнеров. За ним последовал сериал «The Good Wife» — в Америке он идет с 2009 года, а в январе 2011-го под названием «Правильная жена» был запущен на «Домашнем», но быстро выпал из сетки. Так что до 14-го эпизода второго сезона очередь у наших телевизионщиков в ближайшее время вряд ли дойдет. А именно в этом эпизоде в адвокатскую контору, где трудятся герои, обращается обиженный Голливудом гениальный компьютерщик Патрик Эдельштейн, который судится с опорочившей его киностудией. Как констатирует Носик, претензии Эдельштейна к воспевающим его голливудцам точь-в-точь повторяют реальные претензии Цукерберга к оскароносному сценарию Аарона Соркина.

Не могу не добавить, что Эдельштейн в последнее время стал универсальным эвфемизмом для еврея, чем-то вроде классического Рабиновича. Вот и в совершенно замечательном фильме 2009 года «Меня здесь нет» закадровый радиоголос, помнится, разоблачал главного героя (как-бы-Боба-Дилана): мол, наши журналисты выяснили, что настоящее имя этой рок-звезды — Дэвид Эдельштейн. Жаль, создатели «Правильной жены» не догадались на один эпизод потеснить исполнительницу главной роли Джулианну Маргулис и временно переманить на ее место Лизу Эдельштейн из «Доктора Хауса». То-то был бы постмодернизм — Эдельштейн киношный приходит за помощью к Эдельштейн реальной!

Что до создателя Facebook, то образ пошел в массы, и обратного хода, похоже, уже нет. Не удивлюсь, если в ближайшее время аутичный компьютерный гений с фамилией на -берг, -ман или -штейн облетит мир вместе с Суперменом, поможет Человеку-Пауку вскарабкаться на небоскроб и подскажет верный диагноз доктору Хаусу. Куда там застенчивому Георгу VI с его четырьмя статуэтками!

РОДОСЛОВНАЯ «НОЧНОГО ПОРТЬЕ»

Èðèíà Ì àé

Ì Ì × Ì Ì È Ì Ì Ð Ò Ò Á

Ðàæ è ñ ñ ñ Ò È è è è à ì à È à à ì ì è
È ò à è è ÿ. Ò ð à ì ò è ÿ. 1974

Около 40 лет отделяют нас от выхода в прокат фильма «Ночной портье». И 20 лет от момента его показа в России. В 1991-м скандальный шедевр Лилианы Кавани не был воспринят моими согражданами как бль, скорее как притча, корни которой стоит искать в подсознании, но не в истории войны. Узница, влюбившаяся в своего палача, — этот сюжет сам по себе шокировал, тогда нам было не до деталей. Не вдаваясь в подробности, все посчитали героиню еврейкой. Пересматривая фильм сегодня, мы понимаем, что логический ряд нацизм—концлагерь—евреи — не единственно возможный.

В 1974 году был снят фильм, действие которого происходит в 1957-м. Американский дирижер Энтони Атертон приезжает на гастроли в Вену. Его сопровождает жена — красавица Лючия. В ночном портье в «Hotel zur Oper» она узнает Максимилиана Тео Альдорфера, теперь просто Макса, которого помнит офицером СС. Лючию играет Шарлотта Рэмплинг, Макса — Дирк Богард, уже встречавшиеся на съемках «Гибели богов», где все происходило тоже в Третьем рейхе, и режиссером был Лукино Висконти, которого Кавани считает своим учителем. Оба актера, его любимцы, говорят на родном языке — в англоязычном фильме, известном миру под итальянским названием «Il portiere di notte». Эта страсть родилась в неволе: офицер насиловал свою жертву, потом ее любил и дождался ответных чувств, не исчезнувших и после войны. Но кто эта жертва? Как она попала в концлагерь?

В 1965 году Лилиана Кавани сняла документальную картину «Женщины в движении Сопrotивления». В нее вошли интервью, взятые у двух партизанок, прошедших концлагеря. Одна из них провела три года в «Дахау», другая пережила «Освенцим». История Лючии списана с одной из них, католички. Разумеется, списана не буквально.

В концлагере мы видим людей с нашитыми на одежду шестиконечными звездами. И неосознанно причисляем к гонимому племени Лючию. Кавани же происхождение своей героини сознательно не конкретизирует. Когда в другой сцене заключенные отвечают на вопросы нациста: «Имя? Вероисповедание?» и очередь доходит до Лючии, камера переносит нас обратно в 1957 год. Она может быть кем угодно: в любви, как и в смерти, все равны.

— «Ночной портье», — говорила Кавани, — не является политическим фильмом в привычном смысле. Я не касаюсь в нем ни известных исторических лиц, ни подлинных исторических событий. Я говорю об условиях существования, о нацизме.

Фильм был задуман совсем другим. По требованию Богарда из сценария изъяли целую сюжетную линию и бесконечные диалоги о политике. Его безупречный вкус в конечном итоге и спас фильм.

«Я перечел сценарий, — пишет Богард в своей книге. — Первая треть была великолепна, середина представляла собой невообразимую мешанину, конец — заурядную мелодраму. Но где-то в сердцевине таилась, как орешек в шоколаде, трогательная и совершенно необычная история. И мне она понравилась».

Остались собственно история и детали, которые говорят нам больше иных диалогов. Несколько бывших нацистов собрались на тайную сходку на венской крыше. На фоне шпиля собора Святого Стефана они вскидывают руки в привычном жесте: «Хайль!» О нет, эти монстры в цивильном платье не мечтают о возвращении прошлых порядков. Они соблюдают ритуал, как кавычки ставят, формулируя резюме. Выискивая уцелевших жертв, они уничтожают свидетелей своих подвигов. Макс — в их ряду. Но уже не с ними.

— Мы все хотим одного, — говорит один из его прошлых поделщиков-нацистов, — жить как мирные люди. У всех нас есть профессии.

— Если я решил уподобиться церковной мыши, — отвечает Макс, — есть на то причины.

Он спрятался за конторкой ночного портье, потому что не готов смотреть на белый свет. Он носит сюртук слуги как мундир с погонами. Удовлетворяя похотливую графиню — старую постоялицу, которая в курсе прошлого ночного портье, он знает, за что ему это все. Избежав наказания власти, он наказал себя сам. Вместо того чтобы избежать наказания вовсе.

Лиана Кавани не случайно отправила своих героев в Вену. В Гамбурге или Франкфурте такое случиться не могло. Каждый немец должен был оправдаться за то, что с ним было во время войны. Важные офицеры — а о Максе в его досье прямо сказано, что он «был дружен с высокопоставленными офицерами», — могли отмыться, отсидев свое. С формальной точки зрения в Австрии порядки не отличались. На деле все было иначе. Изображая вполне добровольный аншлюс как вынужденную уступку врагу, после войны наследники Габсбургов представляли себя жертвами, а не палачами. Да, видных офицеров и там сажали, но возможность скрыться от правосудия, весьма близорукого в отношении некоторых из них, тоже была. Сегодня мы видим последствия этой фактической лояльности к палачам: достаточно вспомнить, какой успех в свое время имели в Австрии националистические речи Георга Хайдера.

И в 1970-х ситуация была не многим лучше. Появление Дирка Богарда на улицах Вены в нацистской форме могло бы вызвать вполне объяснимое возмущение жителей. Во всяком случае, актер этого ждал. Каково же было его изумление, когда, выйдя на улицу в мундире со свастикой, он услышал аплодисменты и «Sieg heil!»

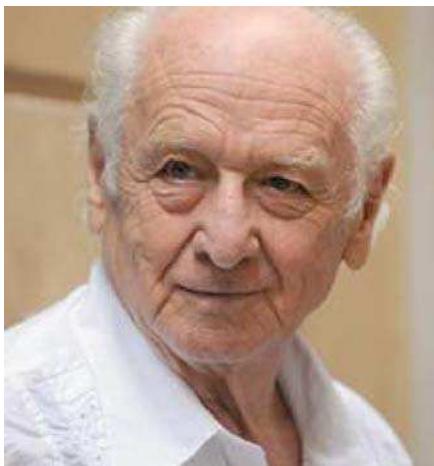
Не то было в Риме, где съемки начались. В концлагерь был превращен вышедший из употребления туберкулезный санаторий на Виа Гусколоне. И это был точный выбор: атмосфера тоски и отчаяния умиравших там людей была близка лагерю смерти. Это видно в каждом кадре. Первая же снятая сцена вошла в число 100 самых выдающихся сцен в истории кино: Рэмплинг в парике, с обнаженной грудью, поет для лагерных офицеров. С кульминации фильма начался съемочный процесс. Сцена была настолько тяжела, что ее сняли с одного дубля — Кавани была уверена, что ни он, ни она ее не смогут повторить. И даже брак — волос, попавший в кадр, не заставил ее переснять.

— Прохаживаясь или, точнее, шествуя между пустых бараков, — вспоминал актер, — вдоль темных коридоров, мимо мертвого кустарника запущенного сада, в котором располагался санаторий, в своем прекрасно сшитом черном с серебром мундире, в высокой фуражке с эмблемой — мертвой головой, постукивая по голенищу плеткой с серебряной ручкой, я чувствовал себя вовсе не актером, играющим роль. Я был этим человеком. Внушающим страх, обладающим властью, отдающим приказы. Его внутренние борения стали содержанием моей собственной души; и мне гораздо легче было перевоплотиться в него, чем стать беднягой Ашенбахом.

АРНОШТ ЛУСТИГ:

ВЕСЕЛЬЧАК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

*26 óáðáëý á Ì ðááí á áíçðáíðá 84 éáð ïííëá ï ïíáëáðíáë ðýæáëíë áíëáçíë ñéíí-áëíý
-áçííëë ï éíáðáëç ááðíð ðíí áííá é ðáííëáçíá ï áðáëëáçéë Õíëíëíð, Áðííðð Éáíðëá*

Имя чешского еврейского писателя Арношта Лустига (Люстига) мало что говорит сегодняшнему русскоязычному читателю. Он чудом уцелел в Катастрофе, испытал на себе Терезин, Аушвиц и Бухенвальд и бежав в 1945 году, под обстрелом американской авиации, из поезда, шедшего в Дахау. Опыт концентрационных лагерей лег в основу большинства художественных произведений Лустига, которые начали выходить во второй половине 1950-х годов. В отличие от Советского Союза, в тогдашней Чехословакии, особенно в период попыток построения «социализма с человеческим лицом», тема Катастрофы не замалчивалась. Некоторые сочинения Лустига были с большим или меньшим успехом экранизированы. Несколько рассказов Лустига появилось в русском переводе в сборнике «По второму кругу» (1965). Но в результате Шестидневной войны (в которой Лустиг, женатый на израильтянке и некогда освещавший арабо-израильскую Войну за независимость на чехословацком радио, занял открыто произраильскую позицию) и вторжения стран Варшавского договора в Чехословакию (что привело к отъезду Лустига в Израиль, а потом в США) имя писателя в СССР стало ассоциироваться с «международным сионистским заговором». Это послужило непреодолимым препятствием к дальнейшему знакомству с лустиговским творчеством.

Лустиг долгие годы преподавал сценарное мастерство в Американском университете в Вашингтоне и продолжал публиковать книги о Катастрофе, переводившиеся на многие языки. После «бархатной революции» Лустиг стал регулярно и на продолжительное время возвращаться в Прагу, где и скончался.

Я познакомился с Лустигом в университете Глазго, куда тот приезжал весной 2002 года читать лекции. Лучшего доказательства теории о том, что имя определяет характер человека (lustig по-немецки означает «смешной»), казалось, нельзя было выдумать. Практически все, что он говорил, облекалось в шутивную форму. Он утверждал, например, что писатель должен тратить гонорары немедленно по их получении — так, чтобы оставаться на черте бедности, — иначе стимул писать книги будет потерян, и добавлял: «Мы — клоуны, и о нас будут помнить по штукам, которые мы отмачивали». Между тем в том, о чем Лустиг писал, было гораздо больше трагичного, чем смешного. Так, идея книги «Из дневника семнадцатилетней Перлы Ш.» (проститутки в Терезинском гетто), по его словам, пришла ему в голову тогда, когда он и его дочка-тинейджер смотрели барышниковскую постановку «Лебединого озера», и Лустиг подумал, что танцовщицы, исполнявшие роли маленьких лебедей, — все того же возраста, что и его дочь, — могли бы окончить свои дни в нацистских газовых камерах. Лустиг стал подробно расспрашивать дочь о том, что интересует девушек ее возраста, и использовал эту информацию в «Дневнике». Книга вышла по-чешски в Канаде в 1979-м, а ее английский перевод получил Национальную премию в США за лучший роман года в 1986-м. Лустиг называл «Дневник» своей любимой книгой (поскольку прототипом главной

героини послужила его собственная дочь, а каждый отец якобы влюблен в свою дочь), тут же оговариваясь, что это не означает, будто «Дневник» — лучшее его произведение.

Витальность буквально переполняла Лустига. Не подлежал сомнению парадокс, что Лустиг во многом обязан своими неутомимостью, юмором и жизнерадостностью длительному существованию на краю смерти в нацистских лагерях.

Ай ääñé Dññ: äññéé

АВТОРЫ НОМЕРА

Ī ēēēēē Āēēēēī āōīā (ā 1961)

филолог, литературный критик, журналист, литературный обозреватель радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

Йеуда Векслер

(р. 1946) композитор, музыковед, писатель и переводчик. В его переводах издано более 40 книг.

Ī āēŷ Āīē:āē

журналист, кинокритик. Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

Ī ēōāēē Āīōāēēē (ā 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Āāīēēā Āāāīāīā (ā 1977)

поэт, прозаик и литературный критик. Первый лауреат премии «Дебют» в области прозы («Опыты бессердечия», 2000).

Āēēēēī āō Ēēē:āāēēēē (ā 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

Āīīā Ēīāēīāī

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-Арещ».

Āōēāī Ēāōēā (ā 1963)

писатель, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

Āōēāāēē Ēīāēēī āī (ā 1949)

историк, заведующий кафедрой иудаики ИСАА МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Āēāāēī ēō Ī āē (ā 1955)

музыкальный критик, продюсер, экскурсовод.

Ēōēīā Ī āē

журналист, обозреватель газеты «Известия».

Āōāī āāēē Ī āī āāīā (ā 1960)

писатель, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003, премии им. Л. Толстого (2005), лауреат премий им. Ю. Казакова (2007) и И. П. Белкина (2010).

Āāāēē Ī āōēēō (ā 1939)

писатель, сценарист, журналист. Автор романов «Стать Лютовым», «Белый круг», «Еврей Петра Великого, или Хроника из жизни прохожих людей», сборников рассказов. Лауреат израильских и международных литературных премий.

Āīāāēē Ī āōōīīā (ā 1973)

историк и литературный критик, печатается в «Ех-Libris НГ», «Русском журнале», «Частном корреспонденте» и др.

Āīāāēē Ī ēōīōēēī (ā 1970)

филолог, литературный критик. Публикуется в газетах «Книжное обозрение», «Первое сентября», на сайте «Букник».

Àéàèñé Ì Ìèðíàíà (à 1965)

литературный и художественный критик, печатается в журналах «Синий диван», «Теория моды».

Cèíòèÿ Ìçèè

американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Àðáèñ Ì áéèè (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед.

Èèçà Ì èààéí ñèÿ

искусствовед, куратор, арт-критик, художник. Публикуется в изданиях «Проект Россия», «World Paper».

Àóðàí Ðàòíàð (à 1935)

участник термобарокамерных испытаний первого космического скафандра. Инженер и старший инженер в Институте медико-биологических проблем МЗ СССР. С 1983 по 1991 год начальник экспедиций по запуску биологических спутников «Космос».

Àí äðáé Ðíà-ááñéèé (à 1965)

культуролог, преподаватель Университета Глазго, автор книг «Риторические традиции в творчестве А. С. Пушкина», «A Biographical and Critical Study of the Russian Writer Eduard Limonov».

Ððèé Ñíèíáñá (à 1963)

сценарист, режиссер, писатель. Сотрудничал в изданиях «Вечерний клуб», «Литературная газета», «Огонек», «Искусство кино», «Север».

Ððèé Òàààé (à 1955)

историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество»), учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения».

Ñàí áí ÷àðíúé (à 1977)

журналист, историк, член международного общества «Мемориал».

Ì èðáèé Ýäèñòðáéí (à 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели» (1800–1917). Печатается в «Русском журнале», «Новом мире», «Знамени», «НЛО», газетах «Русская мысль», «Ведомости» и др.

Àéáé Ýíòðáéí (à 1975)

историк, социолог и востоковед. Автор научных и публицистических работ: «Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика», «Почему провалилась “Дорожная карта”?» и др.